

FEBRUARY 2026 | ISSUE #2(1)

**INTERNATIONAL JOURNAL
OF PROFESSIONAL
SCIENCE**

.....

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

SCIPRO.RU

ISSN 2542-1085

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

UDC 001
LBC 72

International Journal Of Professional Science: international scientific journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific public organization “Professional science”, №2(1) - 2026. 237 p.

ISSN 2542-1085

International journal of Professional Science is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website <http://scipro.ru/ijps.html>

UDC 001

LBC 72

Editorial team

Chief Editor – Krasnova Natalya, PhD, assistant professor of accounting and auditing the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction. (mail@nkrasnova.ru)

Zhanar Zhanpeisova — Kazakhstan, PhD

Khalmatova Barno Turdyhodzhaeva — Uzbekistan, MD, Professor, Head of the Tashkent Medical Academy

Tursunov Dilmurat Abdullazhanovich — Kyrgyzstan, PhD, Osh State University

Ekaterina Petkova, Ph.D Medical University — Plovdiv

Stoyan Papanov PhD, Department of Pharmacognosy and pharmaceutical chemistry, Faculty of Pharmacy, Medical University — Plovdiv

Materials printed from the originals filed with the organizing committee responsible for the accuracy of the information are the authors of articles

Editors N.A. Krasnova, 2026

Article writers, 2026

Scientific public organization
“Professional science”, 2026

Table of contents

INTRODUCTION	6
CULTURAL STUDIES AND ARTS	8
Masterov O.V. Digital Distribution of Talk Shows: Strategies for Adapting the On-Broadcast Format for YouTube, VK, and Telegram.....	8
Masterov O.V. Genre transformation and technological modernization of talk shows in the structure of a modern television channel: the case of NTV (2015–2026)	16
Mitkina E. Transformation of the detective genre in late 20 th century China	24
ECONOMICS AND MANAGEMENT	33
Alisheva P.K., Sakeeva A.M., Karimova M.K., Arapova Zh.A. The accumulative component as a key element of pension provision in the Kyrgyz Republic	33
Arno V.V., Kolesnichenko E.P., Elnikova E.A., Remizov N.A. Working Capital Management of a Mining Enterprise Amidst Metal Price Volatility and Supply Chain Disruptions.....	42
Arno V.V., Kolesnichenko E.P., Elnikova E.A., Sharov P.E. Comparative economic analysis of mining systems: floor-by-floor collapse vs room-and-pillar mining.....	49
Arno V.V., Kolesnichenko E.P., Lomakina N.E., Dolbin I.D. Methodology for assessing the prevented damage from mining and geological risks in the mine budget.....	55
Arno V.V., Kolesnichenko E.P., Lomakina N.E., Guzenko A.D. Optimizing OPEX in underground mining: transitioning from scheduled repairs to condition-based repairs (RCM).....	61
Cherepanova T. Financial performance management in a construction company.....	67
Chernavskikh E.N. Analysis and evaluation of the planning system in a network retail company	75
Lvova M.I. Theoretical and methodological foundations and practical instruments for financing state programs of the Russian Federation	85
Makhinova N.V. Improving the financial planning system at a motor transport company.....	91
Mamasydykov A.A., Alisheva P.K., Alakhunova E.A., Boobekov M. Digital technologies as a catalyst for the development of the "green" economy in Kyrgyzstan.....	100
Yang Sh. Luxury Digital Omnichannel Marketing: A Case Study of Louis Vuitton.....	106
EDUCATION AND PEDAGOGY	112
Gordeeva E.V. Developing students' intercultural competence through authentic materials	112
Gordienko M.V. The Value of Video for Technical Students in English Language Classes: Theoretical Foundations and Experimental Verification.....	120
HEALTHCARE AND MEDICAL ETHICS	127
Korosteleva E. A., Mollaeva D. A., Bogacheva E. V. The occurrence of gastrointestinal diseases on the background of irregular nutrition in students of the medical university of 1-3 courses	127
Obukhova S.G., Podgaetskaya M.S., Bogacheva E.V. The dynamics of the incidence of acute respiratory viral infections (ARVI) among students of higher educational institutions in the city of Voronezh over the annual academic cycle.....	137
Okhremenko S.K., Chotchaeva A.R., Tebueva R.I., Bogacheva E.V. The impact of chronotype on health, productivity and social adaptation of medical University students.....	149
Sokolovskaya E.M., Shvedov V.V. Evolution of sanitary-epidemiological supervision in the public administration system: strategic guidelines and institutional constraints.....	157

JURISPRUDENCE AND LAW	167
Georginsky E.V. Warranty retention in a construction contract: the legal nature through the analysis of judicial practice and the possibility of charging contractual penalties for warranty retention	167
Goncharova N.A., Kormin S.A. Tax regulation of virtual gaming assets and their classification in the Russian Federation and the EAEU.....	178
PSYCHOLOGY AND PSYCHOTHERAPY	186
Cherezova E.V., Ivanova M.A., Rustamova N.B., Bogacheva E.V. Features of emotional nutrition and its impact on academic productivity in students.....	186
Rodina M.G., Petrov V.E. A structural model of professional psychological suitability of marketing specialists: the problem of construction and solutions	196
Rodina M.G., Petrov V.E. The problem of professional psychological suitability of marketing specialists.....	202
REVIEWS AND ANALYSIS.....	209
Potekhina D.A., Vorobyova D.S., Drovovozova E.E., Dragina O.G. The art of argument as the basis of interpersonal communication.....	209
SOCIAL WORK AND SOCIAL POLICY	219
Sakeeva A.M., Karimova M.K., Arapova Zh.A. What areas of realization are available to young people today?.....	219
URBAN PLANNING AND DEVELOPMENT.....	226
Kulikova Y.O., Kulikova E.S. Preservation and development of human potential in the city of Ekaterinburg: analysis of municipal practices and strategic constraints.....	226
CONCLUSION	236

INTRODUCTION

Issue No. 2(1) of the International Journal of Professional Science brings together studies reflecting key changes in the professional environment in the context of digitalization, the increasing complexity of socioeconomic processes, and growing demands on management quality and human capital. The presented materials demonstrate the interdisciplinary nature of contemporary science: from the transformation of media genres and cultural practices to applied models for optimizing production systems, financial planning, legal regulation, and healthcare.

The "Cultural Arts" section focuses on the renewal of talk shows as a media genre: the authors analyze strategies for adapting content and formats for YouTube, VK, and Telegram, trace technological modernization in the structure of television channels using NTV (2015–2026) as an example, and examine changes in the detective genre in China in the late 20th century as an indicator of the dynamics of cultural codes and narrative models. These works demonstrate that the media environment is simultaneously becoming a space for platform competition and a laboratory for new communication practices. The "Economics and Management" section explores a wide range of issues, from the pension model in the Kyrgyz Republic and the green economy to management decisions in the mining and construction industries. Particular attention is paid to working capital management in the face of volatility and logistical disruptions, the comparison of mining systems, the assessment of avoided losses from risks, the transition to condition-based repair (RCM), as well as financial planning tools and support for government programs. Particular emphasis is placed on digital technologies and omnichannel marketing as factors in the transformation of consumer markets and corporate strategies.

The "Education and Pedagogy" section addresses the development of intercultural competence and the effectiveness of video as a didactic tool in teaching English to students in technical fields. These studies complement the overall agenda of the issue, which is related to improving the quality of specialist training and the search for evidence-based educational solutions. The "Healthcare and Medical Ethics" section focuses on the prevalence of illnesses among students and factors affecting health and social adaptation: irregular meals, the dynamics of acute respiratory viral infections during the academic year, and the influence of chronotype on productivity and well-being. The institutional perspective is represented by a study on the evolution of sanitary and epidemiological surveillance, which allows us to link individual health indicators with management and regulatory mechanisms.

The "Jurisprudence and Law" section examines current law enforcement issues: retention of guarantees in construction contracts and the possibility of sanctioning such practices, as well as the tax regulation of virtual gaming assets and their classification in the Russian Federation and the Eurasian Economic Union. These materials demonstrate how the law is responding to changes in the economy and digital environment.

The "Psychology and Psychotherapy" section explores the issue of emotional eating and its connection to academic productivity, and also offers approaches to assessing the professional psychological suitability of marketing specialists. Taken together, the articles highlight the importance of psychology as a tool for human resource management and improving the effectiveness of educational and business processes.

The final sections—"Reviews and Analysis," "Social Work and Social Policy," and "Urban Planning and Development"—expand the scope of the issue from specific professional issues to social communication and territorial development strategy. A review of the art of argumentation highlights the value of high-quality communication in interpersonal and professional interactions; materials on youth self-realization trajectories and the preservation of human potential in Yekaterinburg demonstrate that sustainable development requires the coordination of educational, economic, and municipal practices.

The editors hope that this issue will be useful to researchers and practitioners working in the fields of media, management, education, healthcare, law, psychology, and social policy, and will serve as a platform for the exchange of methodologies, empirical results, and applied solutions.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

CULTURAL STUDIES AND ARTS

UDC 070:004.9 + 654.197

Masterov O.V. Digital Distribution of Talk Shows: Strategies for Adapting the On-Broadcast Format for YouTube, VK, and Telegram

Цифровая дистрибуция ток-шоу: стратегии адаптации эфирного формата
для платформ YouTube, VK и Telegram

Masterov Oleg Vladimirovich

Master's student

Russian State Social University

Мастеров Олег Владимирович

Магистрант

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет».

Abstract. This article examines the transformation of television talk shows during their transition from broadcast to digital platforms. Based on an analysis of theoretical approaches to television content adaptation (Shatskaya, Makeenko, 2022) and empirical cases of Russian television channels, the author identifies four adaptation strategies: replication, segmentation, repackaging, and native version. It is established that the choice of strategy is determined by the program's genre and the life cycle of the audiovisual product. The concept of "talk show platform identity" is introduced – a set of format modifications that ensure the organic existence of television content in the digital environment. This article is intended for media genre researchers, television producers, and digital editors at broadcasters.

Keywords: talk show, digital distribution, content adaptation, YouTube, VK, Telegram, platform identity, television content life cycle, convergent editing.

Аннотация. В статье исследуется процесс трансформации телевизионных ток-шоу при их переносе с эфирного вещания на цифровые платформы. На основе анализа теоретических подходов к адаптации телеконтента (Шацкая, Макеенко, 2022) и эмпирических кейсов российских телеканалов автор выявляет четыре стратегии адаптации: репликацию, сегментацию, переупаковку и нативную версию. Установлено, что выбор стратегии детерминирован жанровой принадлежностью программы и «жизненным циклом» аудиовизуального продукта. Вводится понятие «платформенная идентичность ток-шоу» – совокупность форматных модификаций, обеспечивающих органичное существование телевизионного контента в цифровой среде. Статья адресована исследователям медиажанров, телевизионным продюсерам и редакторам цифровых отделов вещателей.

Ключевые слова: ток-шоу, цифровая дистрибуция, адаптация контента, YouTube, VK, Telegram, платформенная идентичность, жизненный цикл телеконтента, конвергентная редакция.

Рецензент: Тойгамбаев Серик Кокибаевич - кандидат технических наук, доцент.
Член Союза журналистов России, Академик Международной общественной академии
экологической безопасности природообустройства (МОАЭБП). профессор кафедры
техническая эксплуатация технологических машин и оборудования природообустройства,
РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева

Введение

Актуальность исследования. К 2026 году российское телевидение окончательно вступило в эпоху **мультиплатформенности**. Согласно данным Mediascope, ежемесячная аудитория VK Video достигла 81,5 млн человек, Telegram приблизился к 75 млн, а YouTube сохраняет охват около 90 млн пользователей [1]. При этом классическое эфирное телевидение продолжает удерживать аудиторию старше 45 лет, тогда как зрители 18–34 лет все чаще потребляют телевизионный контент **через цифровые платформы, а не через телевизор**.

Это создает для телеканалов принципиально новую реальность. Ток-шоу — один из ключевых жанров федерального эфира — сегодня существуют **одновременно в двух средах**: линейное вещание для «классической» аудитории и цифровые версии для зрителей, отказавшихся от телевизора. Однако простое копирование эфирного файла на платформу не работает: исследование Шацкой и Макеенко (2022) убедительно доказывает, что работа с эфирным контентом в онлайн подчиняется **закономерностям, связанным с жанровыми группами и «жизненным циклом» продукции** [2, с. 47].

Степень научной разработанности проблемы. В российской медианауке проблема адаптации телевизионного контента к цифровым платформам преимущественно рассматривалась либо в техническом ключе (форматы сжатия, CDN), либо в контексте монетизации [2]. Исследование жанровых трансформаций ток-шоу при цифровой дистрибуции до настоящего времени не проводилось. Отдельные наблюдения содержатся в работах о трансформации шоу преобразований на YouTube [3] и об адаптации эфирных программ под формат блога [4], но системного анализа применительно к жанру ток-шоу не существует.

Цель и задачи. Цель настоящего исследования — выявить и классифицировать стратегии адаптации эфирных ток-шоу при их дистрибуции на цифровых платформах. Задачи: 1) проанализировать теоретические подходы к адаптации телеконтента; 2) выделить технологические и жанровые параметры, требующие трансформации; 3) разработать типологию стратегий адаптации; 4) ввести понятие «платформенная идентичность ток-шоу».

Эмпирическая база и методология. Исследование опирается на: монографию А.Д. Шацкой и М.И. Макеенко «Телеконтент в новых медиа» (2022) [2]; исследование И.В. Топчий и В.В. Цветковой о платформенной адаптации шоу преобразований (2025) [3]; интервью генерального директора о2tv А. Горного об адаптации эфирных программ под формат блога [4]; аналитические материалы о специфике платформенного потребления видео [1; 5; 6]. Методы: сравнительно-сопоставительный, типологический, структурно-функциональный анализ.

1. Теоретическая рамка: «жизненный цикл» телеконтента

Ключевым теоретическим вкладом в проблематику адаптации телеконтента является работа Шацкой и Макеенко [2]. Авторы на основе контент-анализа материалов сайтов и социальных сетей ведущих российских телеканалов («Первый канал», «Россия 1», НТВ, ТНТ, СТС, «Пятница!») и экспертных интервью с менеджментом выявили **важнейшие закономерности**:

1. Работа с эфирным контентом в онлайн не является **универсальной** — она существенно различается в зависимости от жанровых и форматных групп.

2. Каждый аудиовизуальный продукт имеет **«жизненный цикл»**, определяющий стратегию его цифровой дистрибуции.

3. Телеканалы выстраивают **систему адаптации**, включающую изменение хронометража, монтажной структуры, визуального оформления и тональности подачи [2, с. 52–58].

Применительно к ток-шоу эти закономерности приобретают специфическое преломление. В отличие от сериалов (потребляются целиком на стримингах) или новостей (фрагментируются до микроформатов), ток-шоу занимают **промежуточное положение**: они достаточно длинны для вертикального видео, но недостаточно драматургически плотны для удержания внимания в ленте соцсетей.

2. Платформенная специфика: три среды дистрибуции

Каждая цифровая платформа предъявляет к видеоконтенту **различные требования**, игнорирование которых делает дистрибуцию неэффективной.

2.1. YouTube

YouTube остается платформой для **длинного, содержательного контента** [5]. Здесь органично смотрятся полные записи эфиров, развернутые интервью, аналитические программы. Ключевые параметры адаптации:

- хронометраж: допустим полный эфир (до 2–3 часов);
- формат экрана: горизонтальный;
- удержание: обеспечивается тайм-кодами, субтитрами, закрепленными комментариями;
- monetization: предролльная реклама, спонсорские интеграции.

2.2. VK (ВКонтакте)

VK требует более **динамичного потребления**. Среднее время удержания здесь существенно короче, чем на YouTube. Рекомендации:

- хронометраж: до 3–5 минут [5];
- формат экрана: горизонтальный или квадратный (1:1);
- подача: яркое начало, эмоциональные акценты, высокая плотность информации;
- вовлечение: опросы, голосования, комментарии.

2.3. Telegram

Telegram как платформа для видеодистрибуции развивался медленнее, но к 2026 году сформировал устойчивые паттерны потребления:

- хронометраж: сверхкороткие видео (15–60 секунд) либо «длинные» видео с высокой практической ценностью;
- формат экрана: предпочтительно вертикальный или квадратный;
- подача: компактность, смысловая законченность, низкий «вес» файла [5];
- функция: оперативный дайджест, анонс, тизер.

3. Стратегии адаптации ток-шоу: типология

Обобщение эмпирических наблюдений и теоретических подходов позволяет выделить четыре стратегии адаптации эфирных ток-шоу к цифровым платформам.

3.1. Репликация (полное копирование)

Эфирный файл без изменений размещается на платформе. Применимо только для YouTube и только для программ с высоким уровнем лояльности аудитории (например, «Вечер с Владимиром Соловьевым», «Познер»). **Преимущество:** нулевые затраты на адаптацию. **Недостаток:** низкое удержание на платформах с коротким вниманием.

3.2. Сегментация (нарезка на смысловые блоки)

Эфир разделяется на тематические фрагменты (монологи ведущего, дискуссионные блоки, интервью с конкретным героем). Каждый фрагмент публикуется как самостоятельная единица. **Применимо:** VK, Telegram, YouTube (в качестве дополнительного контента). **Кейс:** программа «Место встречи» (НТВ) — острые дискуссионные моменты выносятся в отдельные ролики для Telegram.

3.3. Переупаковка (реконфигурация содержания)

Эфирный материал не просто нарезается, но **перемонтируется** в соответствии с логикой платформы: изменяется темпоритм, добавляются титры, инфографика, субтитры, эмоциональные акценты выносятся в первые секунды. **Применимо:** VK, Telegram, YouTube Shorts. **Кейс:** опыт телеканала o2tv, который «учитывает привычку миллениалов получать информацию моментально, в сжатой форме» и адаптирует эту особенность под телепродукт [4].

3.4. Нативная версия (производство «под платформу»)

Контент изначально создается для конкретной цифровой среды, хотя использует ресурсы и героев телевизионного производства. **Применимо:** Telegram-каналы ведущих, VK-клипы, YouTube-эксклюзивы. **Кейс:** «Вечерний Ургант» (до 2022) производил эксклюзивные цифровые версии интервью, не дублировавшие эфир. Сегодня эту стратегию осваивают другие каналы.

4. Платформенная идентичность ток-шоу: теоретическое обобщение

Введение понятия «платформенная идентичность» позволяет концептуализировать наблюдаемые процессы.

Платформенная идентичность ток-шоу — это совокупность устойчивых форматных модификаций, которые телевизионная программа приобретает при адаптации к конкретной цифровой среде, обеспечивающих ее органичное существование вне эфирного контекста.

Таблица 1

Платформенная идентичность ток-шоу (модель)

Параметр	Эфир	YouTube	VK	Telegram
Хронометраж	Полный выпуск (40–120 мин)	Полный/сегментированный	1–5 мин	15–60 сек
Формат экрана	16:9	16:9	16:9 / 1:1	9:16 / 1:1
Структура	Линейная	Линейная + тайм-коды	Клипсовая, эмоциональный пик в начале	Смысловой сгусток
Роль ведущего	Модератор	«Лицо» контента	Эмоциональный центр	«Голос»
Вовлечение	Низкое	Комментарии	Лайки, репосты, опросы	Пересылки, реакции

Разработано автором на основе [2; 3; 4; 5]

Критически важно, что платформенная идентичность не является статичной. Она эволюционирует по мере развития самой платформы и изменения зрительских привычек. Исследование Топчий и Цветковой (2025) на материале шоу преобразований убедительно демонстрирует: телевизионные версии делают акцент на глубокой

психологической проработке, тогда как YouTube-форматы — на визуальном эффекте «до/после» и быстром потреблении [3]. Аналогичная дифференциация характерна и для ток-шоу: эфирная версия сохраняет аналитическую глубину, цифровая — усиливает эмоциональные и конфликтные точки.

5. Организационные последствия: конвергентная редакция

Признание платформенной специфики влечет за собой **изменение редакционных процессов**. Как справедливо отмечает А. Горный (о2tv): «Интернет для нас как для развлекательного канала — реальная возможность воздействовать на зрителя, понять, какие эмоции его "зацепят", моментально получить от него обратную связь и, если надо, также быстро перестроиться» [4].

Это требует:

- выделения в структуре телеканала **цифровых продакшен-групп**, специализирующихся на адаптации;
- пересмотра KPI редакторов (не только эфирные рейтинги, но и цифровые метрики);
- интеграции процессов линейного и нелинейного производства;
- подготовки журналистов, владеющих навыками мультиплатформенной коммуникации.

Исследование Шацкой и Макеенко фиксирует, что телеканалы находятся на **разных стадиях** осознания этой необходимости [2, с. 94–101]. Лидеры (НТВ, ТНТ, «Пятница!») уже выстроили системную работу с цифровой дистрибуцией; аутсайдеры продолжают практиковать репликацию, теряя молодую аудиторию.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Цифровая дистрибуция ток-шоу не может сводиться к механическому копированию эфирных файлов. Каждая платформа (YouTube, VK, Telegram) предъявляет специфические требования к хронометражу, формату экрана, темпоритму и эмоциональной тональности контента. Игнорирование этих требований приводит к резкому падению вовлеченности и утрате аудитории.

2. Выделяются четыре стратегии адаптации: репликация (применима ограниченно), сегментация (нарезка на смысловые блоки), переупаковка (реконфигурация содержания) и нативная версия (производство «под платформу»). Выбор стратегии детерминирован жанровой принадлежностью программы, ресурсами редакции и «жизненным циклом» конкретного выпуска.

3. Введение понятия «платформенная идентичность ток-шоу» позволяет концептуализировать процесс адаптации не как «порчу» оригинального продукта, а как его закономерную трансформацию в соответствии с условиями новой среды. Платформенная идентичность — не недостаток, а **условие выживания** телевизионного контента в цифровой экосистеме.

4. Организационным ответом на вызов мультиплатформенности становится формирование конвергентных редакций, в которых производство эфирного и цифрового контента не разделено, а интегрировано на всех этапах — от сценарной разработки до постпродакшена.

Перспективы дальнейшего исследования. Требуют изучения: 1) экономическая эффективность различных стратегий адаптации; 2) рецепция адаптированного контента аудиторией разных платформ; 3) трансформация профессиональных компетенций тележурналиста в условиях мультиплатформенной дистрибуции; 4) сравнительный анализ стратегий адаптации ток-шоу и других жанров (новости, документалистика, инфотейнмент).

Цифровая дистрибуция перестала быть «дополнительным каналом» для телевизионного контента. Сегодня это **равноправная, а для молодой аудитории — основная среда потребления**. Телеканалы, которые осознают это и выстраивают системную работу с платформенной идентичностью своих программ, получают конкурентное преимущество. Те, кто продолжает транслировать «один ролик — пять площадок» [5], неизбежно проигрывают борьбу за внимание зрителя, который уже не включает телевизор.

References

1. Mediascope: Аудитория цифровых платформ в России 2025–2026 [Электронный ресурс] // Mediascope.net. – 2026. – URL: <https://mediascope.net/news/> (дата обращения: 12.02.2026).
2. Шацкая А.Д., Макеенко М.И. Телеконтент в новых медиа: работа телевизионных каналов с эфирным контентом в Интернете: монография. – М.: Аспект Пресс, 2022. – 141 с.
3. Топчий И.В., Цветкова В.В. Особенности формата шоу преобразований в современном медиaprостранстве // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2025. – Т. 31, № 4. – С. 189–198. – DOI: 10.15826/izv1.2025.31.4.056.

4. Как увлечь зрителя, который не включает телевизор? Интервью с генеральным директором телеканала о2tv Артемом Горным // МедиаПрофи. – 13.11.2018. – URL: <https://mediaprofi.org/community/interview/item/14833-kak-uvlech-zritelya-kotoryu-ne-vklyuchaet-televizor> (дата обращения: 12.02.2026).
5. Один ролик — пять площадок: как адаптировать видео под разные каналы // РБК Компании. – 08.09.2025. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/btX38yO9TG/odin-rolik---pyat-ploschadok-kak-adaptirovat-video-pod-raznyie-kanalyi/> (дата обращения: 12.02.2026).
6. Кихтан В.В. Классификация развлекательных ТВ-шоу на современном отечественном телевидении // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2024. – № 3 (82). – С. 147–153. – DOI: 10.26456/vtfilol/2024.3.147.
7. Гуленко П.В., Долгова Ю.И. Проблемы классификации современных телепередач: сущностные характеристики формата «ток-шоу» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2016. – № 3. – С. 102–110.
8. Куницына Н.В. Интервью – ток-шоу – подкастинг: классика жанра в контексте медийных трансформаций // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2021. – Т. 2, № 2 (35). – С. 140–147.
9. Цвик В.Л. Телевизионная журналистика: история, теория, практика. – М.: Аспект Пресс, 2022. – 416 с.
10. ГОСТ Р 7.0.110—2025. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Оригиналы текстовые авторские и издательские. Требования к типографскому оформлению. – Введ. 2026–01–01. – М.: Стандартинформ, 2025. – 24 с.

UDC 070:654.197

Masterov O.V. Genre transformation and technological modernization of talk shows in the structure of a modern television channel: the case of NTV (2015–2026)

Жанровая трансформация и технологическая модернизация ток-шоу
в структуре современного телеканала: кейс НТВ (2015–2026)

Masterov Oleg Vladimirovich

Master's student
Russian State Social University
Мастеров Олег Владимирович
Магистрант

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет».

Abstract. This article examines the rebranding and genre-technological modernization of the NTV television channel, implemented since 2015 under the leadership of a new management team. Particular attention is paid to the transformation of socio-political and entertainment talk shows as a key segment of the broadcast schedule. Based on an analysis of the programs "Mesto Vstrechi", "Svoya Pravda", "Central Television", as well as long-running music shows ("Mask", "You're Super!", "Superstar!", "Show Avatar"), content renewal strategies are identified: a transition from a "scandalous" identity to a multi-genre approach, the introduction of augmented reality and artificial intelligence technologies, the development of virtual production studios, and the adaptation of user-generated content in news broadcasts. The author introduces the concept of "post-criminal identity" as it applies to contemporary NTV and demonstrates that technology is becoming a system-forming factor in the rebranding of a mature television channel.

Keywords: NTV, talk show, genre transformation, virtual scenery, UGC, "Mask", "Central Television", television rebranding, digitalization.

Аннотация. В статье исследуется процесс ребрендинга и жанрово-технологической модернизации телеканала НТВ, реализуемый с 2015 года под руководством новой управленческой команды. Особое внимание уделяется трансформации общественно-политических и развлекательных ток-шоу как ключевого сегмента вещательной сетки. На основе анализа программ «Место встречи», «Своя правда», «Центральное телевидение», а также музыкальных шоу-долгожителей («Маска», «Ты супер!», «Суперстар!», «Шоу Аватар») выявляются стратегии обновления контента: переход от «скандальной» идентичности к мультижанровости, внедрение технологий дополненной реальности и искусственного интеллекта, освоение виртуальных продакшен-студий, адаптация пользовательского контента в новостном вещании. Автор вводит понятие «посткриминальная идентичность» применительно к современному НТВ и доказывает, что технологический фактор становится системообразующим в ребрендинге зрелого телеканала.

Ключевые слова: НТВ, ток-шоу, жанровая трансформация, виртуальные декорации, UGC, «Маска», «Центральное телевидение», телевизионный ребрендинг, цифровизация.

Рецензент: Тойгамбаев Серик Кокибаевич - кандидат технических наук, доцент.
Член Союза журналистов России, Академик Международной общественной академии экологической безопасности природообустройства (МОАЭБП). профессор кафедры техническая эксплуатация технологических машин и оборудования природообустройства, РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева

Введение

Актуальность исследования. В 2025–2026 гг. российское телевидение отмечает десятилетие важнейших структурных изменений, определивших его современный облик. Для телеканала НТВ этот период стал эпохой фундаментальной перезагрузки: от кризиса идентичности и падения рейтингов в первой половине 2010-х годов — к устойчивому лидерству и формированию имиджа «главного инноватора» среди федеральных вещателей.

Согласно данным Mediascope, по итогам 2025 года НТВ занимает **2-е место** среди всех телеканалов России с долей аудитории **10,3%**, демонстрируя положительную динамику на протяжении четырех лет. Программы канала — как информационно-аналитические, так и развлекательные — стабильно входят в топ-5 самых популярных телепроектов страны. Так, ток-шоу «Секрет на миллион» с Лерой Кудрявцевой в 2025 году показало долю **20,5%** в аудитории 18+ (рейтинг 6,63%), а «Новые русские сенсации» — долю **19%** (рейтинг 6,79%).

Однако столь впечатляющие результаты — не только следствие грамотного программного планирования, но и результат **глубинной жанровой трансформации**, затронувшей как общественно-политические ток-шоу, так и развлекательные форматы. В условиях, когда «чистые» жанры ток-шоу, по оценкам некоторых экспертов, исчерпали себя еще в начале 2010-х годов, НТВ демонстрирует альтернативную стратегию: обновление через технологическую модернизацию, гибридизацию форматов и смену ценностно-тематических приоритетов.

Степень научной разработанности проблемы. Теоретическую базу исследования составляют работы М.И. Макеенко и А.Д. Шацкой, посвященные адаптации телевизионного контента в цифровой среде; исследования А.Б. Виноградова, анализирующего специфику развлекательных программ НТВ и использование пользовательского контента в новостном вещании канала; а также публикации, фиксирующие текущие технологические изменения в деятельности телеканалов.

Цель и задачи. Цель настоящего исследования — выявить стратегии жанровой и технологической трансформации ток-шоу на НТВ в период 2015–2026 гг. и определить роль этих изменений в формировании новой идентичности канала.

- Задачи: 1) реконструировать основные этапы ребрендинга НТВ;
2) проанализировать жанровые модификации общественно-политических ток-шоу;
3) исследовать внедрение VR/AR-технологий и ИИ в производство развлекательных программ;
4) оценить роль пользовательского контента в новостных и ток-шоу-форматах;

5) предложить теоретическое обобщение наблюдаемых процессов.

Эмпирическая база и методология. Исследование опирается на: открытые данные Mediascope о телесмотрении в 2025–2026 гг.; программные заявления менеджмента НТВ (А. Земский, Т. Вайнштейн); технические презентации внедрения виртуальных сетей; результаты контент-анализа выпусков программы «Сегодня» (12 выпусков 2024 г.) на предмет использования UGC; анализ сетки вещания и программных анонсов.

Методы: историко-типологический, сравнительно-сопоставительный, формально-жанровый анализ, кейс-стади.

1. От «скандалов, интриг, расследований» к мультижанровости: эволюция стратегии НТВ

К середине 2010-х годов НТВ столкнулся с системным кризисом. Как признавал генеральный продюсер Тимур Вайнштейн, «в свое время, лет пять–шесть назад, НТВ был на первом месте, потом это резко начало падать, <...> уходила аудитория, которая хочет многообразия». Смена менеджмента (генеральный директор Алексей Земский, главный редактор Александра Кошарницкая, генеральный продюсер Тимур Вайнштейн) ознаменовала переход к стратегии «новое старое НТВ».

Ключевыми направлениями трансформации стали:

1. **Сохранение и обновление legacy-форматов.** Программы-долгожители — «Сегодня», «Следствие вели...», «Своя игра», «Квартирный вопрос» — не были закрыты, но получили технологическое и содержательное обновление.

2. **Запуск новых общественно-политических ток-шоу.** Линейка пополнилась программами «Итоги недели» с Владимиром Чернышёвым, «Место встречи» с Андреем Норкиным и Иваном Трушкиным, «Своя правда» с Романом Бабаёном, «Поздняков».

3. **Прорыв в развлекательном вещании.** В 2020 году стартовало шоу «Маска», ставшее, по данным Mediascope, «лучшим музыкальным шоу последних 12 лет и лучшей развлекательной программой последних 9 лет». Успех формата изменил имиджевые характеристики канала: как отмечает Т. Вайнштейн, «когда ты называешь "НТВ", то вместо "скандалы, интриги, расследования" в свой адрес ты слышишь: "Значит, вы точно знаете, кто скрывается под маской?"».

4. **Технологическая модернизация.** Строительство Телевизионного Технопарка НТВ — первого за 46 лет телекомплеса после Останкино (площадь 76 тыс. кв. м, 42 м высота) — создало инфраструктурную базу для производства контента нового поколения.

Данные преобразования позволяют говорить о формировании «посткриминальной идентичности» НТВ: канал сохраняет

узнаваемость (криминальные сериалы, журналистские расследования), но расширяет жанровый репертуар за счет качественных развлекательных и общественно-политических форматов, переставая быть «нишевым» вещателем.

2. Общественно-политические ток-шоу НТВ: жанровые модификации

Ток-шоу общественно-политической направленности занимают важное место в программной политике НТВ. В отличие от «Первого канала» и «России 1», где доминируют вечерние прайм-тайм-дискуссии, НТВ выстраивает более диверсифицированную линейку.

2.1. «Место встречи» и «Своя правда»: эволюция формата

Программы «Место встречи» (Андрей Норкин, Иван Трушкин) и «Своя правда» (Роман Бабаян) выходят в дневных и вечерних слотах из студий-трансформеров площадью 600 кв. м, оснащенных технологией **мгновенного изменения декораций**. Технически это позволяет переключаться между различными визуальными средами в рамках одного выпуска, что трансформирует жанровую структуру: ток-шоу приобретает черты **мультимедийного студийного перформанса**.

Важной особенностью является **интеграция пользовательского контента**. Исследование А.Б. Виноградова (2025), основанное на анализе 12 выпусков программы «Сегодня» 2024 года, показывает, что НТВ активно использует UGC в репортажах о протестах, природных катастрофах. Основные источники — Telegram, X (Twitter), YouTube. Хотя исследование посвящено новостным выпускам, аналогичные практики фиксируются и в ток-шоу: модераторы зачитывают комментарии из соцсетей, демонстрируют видео очевидцев, что превращает зрителя из наблюдателя в соавтора **дискуссии**.

2.2. «Центральное телевидение» с Вадимом Такменевым: гибридный формат

Программа «Центральное телевидение» позиционируется как «синоним современного, яркого, по-настоящему центрального телевидения» и представляет собой **гибрид информационного ток-шоу, лайфстайл-журналистики и авторской аналитики**. С 2025 года программа выходит из нового Технопарка НТВ из студии площадью 600 кв. м с усовершенствованными технологиями вещания, **дополненной реальностью и ИИ-помощником GigaChat от Сбера**.

Внедрение искусственного интеллекта в производство общественно-политического ток-шоу — **уникальный для российского телевидения кейс**. GigaChat используется командой «для разбора в любой теме», выполняя функции ассистента-аналитика, что позволяет:

- оперативно верифицировать данные;
- генерировать визуализации сложных процессов;
- моделировать сценарии развития событий.

Это принципиально меняет жанровую природу программы: классическое «ток-шоу» (от англ. *talk* — говорить) трансформируется в «интеллектуальное шоу», где аналитика усилена машинными вычислениями.

3. Технологическая революция в развлекательных шоу НТВ

Наиболее радикальные жанровые изменения произошли в сегменте музыкальных и развлекательных ток-шоу. В сентябре 2025 года генеральный продюсер НТВ Тимур Вайнштейн представил стратегию внедрения виртуальных сетов декораций для флагманских проектов канала.

3.1. Виртуальные продакшен-студии: новый стандарт производства

Технология, разработанная совместно с Carrot Broadcast, предполагает:

1. Создание цифровых 3D-копий реальных студий и локаций.
2. Съёмку ведущих и участников в хромакейной студии.
3. Интеграцию в виртуальные декорации в режиме реального времени.

Под данную технологию зарезервированы шоу «Маска», «Ты супер!», «Суперстар!», «ВИА Суперстар!», «Шоу Аватар», а также сериалы канала.

Жанровые последствия данного решения фундаментальны:

- **Децентрализация производства:** интеграция бренда возможна без привязки к съёмочному периоду.
- **Геймификация ток-шоу:** виртуальные среды усиливают игровую природу форматов («Маска», «Шоу Аватар»).
- **Стирание границ между студией и внестудийным пространством.**

3.2. «Шоу Аватар»: ток-шоу в метавселенной

Особого внимания заслуживает «Шоу Аватар» — проект, впервые вышедший в эфир в 2022 году и к 2026 году переживающий 4-й сезон. Благодаря технологиям захвата движения (*motion capture*) участники существуют в кадре в виде цифровых аватаров с изменённым до неузнаваемости голосом.

Жанровая природа «Шоу Аватар» может быть определена как **гибрид ток-шоу, вокального конкурса и VR-перформанса**. Это не просто адаптация западных форматов (как в случае с «Маской»), а оригинальная российская разработка, не имеющая прямых аналогов в мировом телеэфире. По сути, НТВ создает **телевизионный контент, интегрированный в логику метавселенных**, что позволяет говорить о формировании «иммерсивного ток-шоу» как самостоятельного жанра.

3.3. Социальное измерение: «Ты супер!»

Отдельно следует отметить проект «Ты супер!» — международный вокальный конкурс для детей, оставшихся без попечения родителей. За 9 сезонов участниками стали более 600 ребят из 18 стран, проект имеет 27 наград, включая ТЭФИ и ТЭФИ-Kids, функционирует благотворительный фонд, выплачивающий стипендии полуфиналистам и финалистам.

Жанровая специфика «Ты супер!» заключается в синтезе вокального ток-шоу и социальной миссии. Это не только развлечение, но и инструмент реальной социализации детей. В контексте ребрендинга НТВ данное шоу выполняет важную функцию: гуманизация имиджа, отказ от исключительно «криминально-сенсационной» повестки.

4. Обсуждение результатов: к теории «посткриминальной идентичности»

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд теоретических обобщений.

4.1. Технология как жанрообразующий фактор

Классическая теория телевизионных жанров (Р.А. Борецкий, В.Л. Цвик) исходила из первичности содержания над формой. Кейс НТВ демонстрирует обратную зависимость: внедрение VR/AR-технологий и ИИ не просто модернизирует существующие форматы, но порождает новые жанровые модификации. «Шоу Аватар» невозможно без motion capture, а «Центральное телевидение» в его текущем виде — без GigaChat. Технология становится жанрообразующим фактором.

4.2. «Посткриминальная идентичность» как ребрендинг-стратегия

Термин «посткриминальная идентичность» предлагается для описания текущего состояния НТВ. Канал не отказывается от legacy-тематики (криминальная хроника, расследования), но децентрирует ее, встраивая в более широкий жанровый репертуар. Ток-шоу разных типов — общественно-политические, музыкальные, социальные, иммерсивные — формируют многомерный портрет вещателя, адресованный разным сегментам аудитории.

4.3. Двойная адаптация: эфир vs. диджитал

Исследование М.И. Макеенко и А.Д. Шацкой фиксирует, что работа с эфирным контентом в онлайн подчиняется закономерностям, связанным с жанровыми группами и «жизненным циклом» продукции. НТВ последовательно реализует стратегию мультиплатформенности: сериалы канала входят в топы онлайн-кинотеатров, шоу адаптируются для VK и Telegram, «Квартирник НТВ у Маргулиса» транслируется в цифровой среде. Ток-шоу, таким образом, перестают быть

исключительно «телевизионными» и функционируют в логике **конвергентного медиапродукта**.

Заключение

Десятилетие стратегии «новое старое НТВ» (2015–2025) демонстрирует успешный пример **системной трансформации зрелого телеканала без разрушения его исходной идентичности**.

Основные выводы:

1. **Жанровая политика НТВ** в сегменте ток-шоу эволюционировала от доминирования криминально-сенсационной повестки к мультижанровости: общественно-политические дискуссии («Место встречи», «Своя правда»), технологически усиленные авторские форматы («Центральное телевидение»), социально ориентированные конкурсы («Ты супер!»), иммерсивные VR-шоу («Маска», «Шоу Аватар»).

2. **Технологический фактор** стал системообразующим: внедрение виртуальных продакшен-студий, ИИ-ассистентов, motion capture не просто улучшает «картинку», но трансформирует жанровую природу ток-шоу, порождая гибридные и иммерсивные форматы.

3. **Пользовательский контент** интегрируется в ткань как новостных, так и ток-шоу-программ, меняя статус зрителя: от пассивного реципиента к соавтору и источнику информации.

4. **Инфраструктурная модернизация** (Технопарк НТВ) создает материально-техническую базу для дальнейшей эволюции форматов, обеспечивая 15 часов прямого вещания в сутки и вещание в 9 часовых поясах.

Перспективы дальнейшего исследования. Требуют изучения: 1) рецепция новых форматов аудиторией (количественные замеры); 2) экономическая эффективность внедрения VR/AR-технологий в телепроизводство; 3) сравнительный анализ ребрендинг-стратегий российских телеканалов в 2020-е годы; 4) трансформация профессиональных компетенций тележурналиста в условиях виртуального продакшена.

НТВ демонстрирует, что в эпоху цифровой турбулентности телевидение способно не только сохранять, но и **наращивать культурный и технологический капитал**, оставаясь значимым медиа для многомиллионной аудитории. Десятилетний путь канала от кризиса к лидерству — убедительное опровержение тезисов о «смерти телевидения» и ценный кейс для понимания закономерностей развития современных медиа.

References

1. Макеенко М.И., Шацкая А.Д. Телеконтент в новых медиа. Работа телевизионных каналов с эфирным контентом в Интернете. — М.: Аспект Пресс, 2026. — 138 с.
2. Виноградов А.Б. Специфика телевизионных передач развлекательного жанра на примере телеканала НТВ // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 26–29 марта 2025 г.). — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2025. — С. 532–534.
3. Виноградов А. Использование пользовательского контента в выпусках информационных передач телеканала «НТВ» // Динамика медиасистем. — 2025. — Т. 5, № 1. — С. 38–47. — DOI: 10.47475/2949-3390-2025-5-1-38-47.
4. Новый путь канала. Как программы завоевали любовь зрителей // Аргументы и Факты. — 2025. — № 51. — 17 дек. — URL: <https://aif.ru/society/media/novyy-put-kanala-kak-programmy-zavoevali-lyubov-zriteley> (дата обращения: 12.02.2026).
5. НТВ создаст виртуальные сетки декораций для шоу и сериалов // Журналист. — 2025. — 10 сент. — URL: <https://jrnlist.ru/2025/09/10/156938/> (дата обращения: 12.02.2026).
6. Программа передач НТВ на 31 января 2026 [Электронный ресурс] // РХТВ. — 2026. — URL: <https://www.rxtv.ru/ntv/20260131.htm> (дата обращения: 12.02.2026).
7. Бородин А. У нас в жанре ток-шоу давно ничего не происходит // Internews Kazakhstan. — 2012. — 27 дек. — URL: <https://www.intranews.kz/newspage/27-12-2012/407> (дата обращения: 12.02.2026).
8. Показать содержимое по тегу: НТВ [Электронный ресурс] // МедиаПрофи. — 2026. — URL: <https://mediaprofi.org/component/k2/itemlist/tag/%d0%9d%d0%a2%d0%92> (дата обращения: 12.02.2026).
9. ГОСТ Р 7.0.110—2025. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Оригиналы текстовые авторские и издательские. Требования к типографскому оформлению. — Введ. 2026–01–01. — М.: Стандартинформ, 2025. — 24 с.
10. Борецкий Р.А. Телевизионная журналистика: теория и практика. — М.: Аспект Пресс, 2023. — 352 с.

UDC 821.581.09-312.4

Mitkina E. Transformation of the detective genre in late 20th century China

Mitkina Evgenia

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Chinese Philology
Saint-Petersburg State University

Abstract. *The research examines the evolution of the detective genre in China during the last quarter of the 20th century, its transformation under the influence of socio-political changes and cultural exchange. The main objective of the work is to analyze the key trends in the development of detective literature in the new period, to identify the features of genre transformation, and to determine its role in reflecting the social processes of Chinese society. The research methodology is based on historical and literary analysis, which includes the study of literary texts, publishing activities, and reader demand. The study notes significant changes in the development of the detective genre: a large-scale revival of translated literature (detective works accounted for about a quarter of the PRC book market), the formation of new thematic areas (social issues, corruption, drug trafficking), the emergence of experimental narrative forms, the integration of Japanese detective traditions, expansion of the target audience including children's literature, and the development of online publication formats. The paper identifies key factors driving the genre's development, including political reforms, cultural exchange, and technological changes, and outlines promising directions for further research into detective literature within the context of modern Chinese culture.*

Keywords: *Chinese literature, detective stories, Chinese detective fiction, Yilin, Ji Hongxu, Cao Zhengwen, Yu Hua*

Рецензент: Иванникова Алла Викторовна – генеральный директор, председатель Издательского и книготоргового холдинга «СЛАВЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО». Почётный гражданин России, Почётный член Международной академии современных искусств

In recent years, the detective genre has increasingly become an object of study within research on Chinese literature. Existing scholarly literature covers two main time periods: the early 20th century — the time of the genre's emergence and formation¹ and the present day — the current stage of detective literature's development². At the same time, there is a notable lack of works analysing the processes that led to the current flourishing of the detective genre in the late 20th century - after the end of the Cultural Revolution. The only exception is the тезисы (abstracts) of Y. I. Mitkina's presentation [10], which focus on the development of the detective genre during that period.

In the late 1970s, the evolution of the detective genre entered a qualitatively new stage, which researchers began to refer to as *literature of the new period*. The key characteristic of this stage was a significant increase in the number of detective works that incorporated acute social issues specific to Chinese society during that particular historical period. These transformations in the literary process were driven by fundamental changes in China's

¹ For example [15], [11], [12]

² For example [3], [9]

socio-political life. The end of the Cultural Revolution in 1976 served as a catalyst for the emergence of new literary trends that reflected recent historical events. During this period, there was an intense shift in ideological currents and aesthetic paradigms, including: revolutionary literature, «*search for roots*» literature (*xungen* / 寻根), avant-garde literature [4][5]. At the same time, the dogmatic, one-sided approach to literary creation that had dominated in the 1950s and 1960s — and which had restricted artistic diversity — was finally overcome [13, p.34]. In December 1978, at the Third Plenum of the 11th Central Committee of the Communist Party of China, the ideological line of «*liberation of thought*» (解放思想 *jiefang sixiang*) was officially adopted. This marked the beginning of large-scale transformations in the socio-political and cultural life of the People's Republic of China. This political shift had a significant stimulating effect on the development of spiritual culture, including the literary process. In particular, it facilitated the resumption of active translation and publication of foreign detective works — primarily Western and Japanese ones.

The revival and revitalization of translation activities

A landmark event was the publication in 1979 of the first issue of *Yilin* (译林, «Forest of Translations»), which featured a translation of Agatha Christie's novel «*Death on the Nile*» (尼罗河上的惨案, «*Death on the Nile*») [2]. The publication's circulation exceeded 600,000 copies; exceptional reader demand even necessitated additional reprints.

The publication of Christie's novel sparked a surge of interest among Chinese readers in Western detective fiction. Following this, publishers across the country began publishing large-scale translations of classic detective works by Edgar Allan Poe, Arthur Conan Doyle, Maurice Leblanc, Georges Simenon, Rampo Edogawa, Matsumoto Seite, and others.

Compared to the 1920–1930s and the 1950–1960s, the scale of detective fiction translation in the modern era reached unprecedented levels. According to statistical data, in the early 1980s, translated detective works accounted for approximately a quarter of the entire book market in China.

The published texts were dominated by classic examples of English-language detective fiction (UK, USA), Soviet works devoted to the theme of «fighting secret agents and preventing immoral behavior», Western European detective novels, and Japanese detective works, which gained particular popularity.

The magazine «*Foreign Novels*» (外国小说, *Weiguo xiaoshuo*), published by the Heilongjiang Publishing House, deserves special attention. Regularly featuring masterpieces of the detective genre in each issue, the publication gained significant popularity among Chinese readers.

Alongside book publishing, the film segment also gained momentum: screen adaptations

of detective stories were released, further boosting reader interest in detective fiction [1, p.97].

Thus, the late 1970s and 1980s became a period of intense revival and transformation of the detective genre in China, driven by both political changes and increased cultural exchange with foreign countries.

Diversification of thematic spectrum

During this period, the thematic spectrum of Chinese detective fiction has diversified. Alongside traditional plots focused on crime investigation, detective stories addressing current social issues (drug trafficking, smuggling, corruption) have become more common; socially oriented works reflecting the realities of contemporary Chinese society; science fiction detective stories; and mystical and psychological variations of the genre [6].

Thus, despite ideological limitations, detective literature in China has evolved toward thematic and genre diversity, integrating both traditional elements of the genre and innovative approaches to storytelling.

The evolution of the detective genre in China was characterized by the following trends:

1. An expansion of the range of authors working in this genre.
2. A deepening of the social analytical potential of works: descriptions of social life became more multifaceted, and the issues became more acute and relevant to the Chinese context.
3. Reflection of contradictions and problematic aspects of modern society in texts.

Along with traditional plot lines (revenge murders, love crimes, mercenary crimes, the fight against foreign agents), detective fiction began to explore new thematic areas, reflecting the current challenges of the era: smuggling, drug trafficking, and corruption. One of the most representative works of this period is the novel «The Mysterious Footprints of Nine Horses» (九马疑踪, *Ju ma yi zong*) by Ji Hongxu (计红绪) [8], published in 1982. The plot is based on the story of a criminal group engaged in smuggling, which is subsequently tracked by Interpol.

Thus, Chinese detective literature during this period underwent a significant transformation: from reproducing traditional plot structures to addressing current social challenges, from translating foreign models to developing a distinctive national corpus of detective texts with a distinctly socially critical focus.

The evolution of the detective genre in China has seen a gradual expansion of its typological spectrum: alongside the classic detective story, psychological, adventure, science fiction, and social variations of the genre have developed.

The Influence of the Japanese Detective Tradition

The reception of the Japanese detective tradition, known as «*tuili xiaoshuo*» (推理小说), by Chinese authors deserves special attention. Within this tradition, Chinese writers saw a significant advantage over Western detective fiction—its in-depth social themes, reflecting the

realities of contemporary society.

This tendency is confirmed by the statements of leading Chinese authors. For example, Cao Zhengwen, in a comparative analysis of Western and Japanese detective literature, notes: «The works of Conan Doyle and Agatha Christie do not sufficiently reflect the life of contemporary society, while the works of Japanese writers offer much more profound reflections on the life of modern society. Therefore, I study and adopt the experience of Japanese detective fiction in order to write Chinese detective stories based on it» [7, p.271]. The writer Ye Yongle characterizes the evolution of his own work as follows: «The influence of The Adventures of Sherlock Holmes can clearly be seen in my works. But gradually I am beginning to realize that, although Conan Doyle's works are very exciting, they lack greater focus on social issues. I admire Japanese social detective novels and try to strengthen the social focus of my works» [7, p.271].

Researchers unanimously identify the emphasis on social issues as a key characteristic of Chinese detective fiction of the new period. As Anna Song, for example, notes, the distinctiveness of Chinese detective novels of this period stems not from an imitation of foreign models, but from an orientation toward national realities. In her view, this approach testifies to the genre's maturity, the development of an independent tradition, and a transition from imitation to original creativity [7, pp. 271–272].

Thus, the reception of the Japanese social detective novel acted as a catalyst for the transformation of Chinese detective fiction, facilitating its evolution from an entertainment genre to a tool for social analysis and reflection on the pressing issues of contemporary Chinese society.

Expanding Authors and Genre Experimentation

Among the literary figures of the period under review, Hu Zufu (胡祖富) occupies a prominent place, his works have caused significant social resonance. Particularly noteworthy is his novel «Fire of the Land» (地火, *Di huó*), which won second prize at the National Detective Fiction Competition. The artistic value of this text is primarily due to its socially critical focus: the author focuses on the problem of moral decay among government officials at various levels. The narrative centers on a series of crimes committed by corrupt officials. A key factor in the authenticity of the events depicted is the author's professional experience: Hu Zufu served for a long time in the police, which allowed him to draw on real-life prototypes when creating his characters, meticulously recreate the mechanisms of government and law enforcement agencies, and accurately describe the specifics of corruption schemes. Drawing on his personal experience, the writer achieves a high degree of psychological authenticity in his depictions of the criminal acts of high-ranking officials. At the same time, the detective characters in his works are devoid of idealized traits. They are presented as real people with

inherent weaknesses and experiences, individuals capable of love and devotion, and professionals aware of the complexity of moral choice in the face of systemic decay [13, p.123]. Thus, Hu Zufu's work demonstrates the evolution of Chinese detective fiction from an entertaining genre to a form of socially critical prose capable of uncovering pressing issues in contemporary society, reflecting the contradictions of human nature amid institutional corruption, and simultaneously maintaining artistic credibility thanks to its reliance on the author's real-life experience.

Thematic enrichment and the deepening of socially critical potential have become key innovations in the evolution of the detective genre in China. This transformation is evident in a number of iconic works. Take, for example, the novel «The Fish Curse» (鱼孽, *Yu Nie*) by Zhu Entao and Yang Zi. This work even won an award for its special theme, emphasizing its innovative nature. The plot is based on an internationally significant investigation—the «Golden Carp Case» (mid-1980s), conducted through the joint efforts of Chinese and foreign law enforcement agencies. This case concerns a large-scale drug trafficking network. The novel's artistic features and social significance lay in its realistic depiction of the professional and personal challenges faced by police officers when investigating drug crimes; in a detailed analysis of the destructive impact of drug trafficking on the physical and mental health of individuals, the well-being of family institutions, and social stability in general, the novel thus demonstrates a shift from the entertaining function of detective fiction to a socially analytical one [13, p.124]: the emphasis shifts from intrigue to an understanding of pressing social issues.

Also worthy of special attention is the novel «Ten Endings of the Kiss of Death» (死吻的十种结局, *Siwen de shi zhong jieju*), published by Qunzhong Chubanshe (群众出版社) in 1991. The structure of the novel has the following features: introduction: the murder of a loving couple in a car; development: the girl who discovers the bodies contacts the police; an innovative device: ten alternative endings with different denouements. Ten writers participated in the creation of the novel, each writing their own version of the ending. This experiment served several functions: the destruction of the canonical linearity of detective narrative; the expansion of the reader's experience due to multiple interpretations; the activation of reader reflection through the comparison of alternative scenarios; and the demonstration of the potential of collective creativity within the genre.

Thus, the two works presented illustrate two key trends in the development of Chinese detective fiction: first, a socially critical approach (a deepening of thematic issues, a focus on real social challenges) and a formally experimental approach (innovative narrative strategies, a blurring of genre boundaries).

These innovations demonstrate the genre's maturity and its ability to combine traditional

suspense with relevant social and aesthetic explorations.

In the development of detective fiction, there has been a tendency to attract authors who previously worked within other genre paradigms. Among the writers who have accomplished this genre transformation are Zhong Yuan, Lan Ma, Li Di, Tang Baohua, Wang Shuo, Fan Xiaoqing, Ye Yonglie, Yu Hua, and others. Yu Hua (余华), for example, turned to experimental forms of the detective novel in his literary work, implementing innovative artistic solutions in the novel «Accidental Case» (偶然事件, *Ouzhan shijian*), in which he consistently deconstructs the traditional canons of the detective genre. The specific artistic organization of the text is manifested in the rejection of a linear plot structure, the elimination of the classical tripartite composition (introduction – climax – denouement), and the deliberate blurring of cause and effect relationships between events. This narrative strategy, fundamentally opposed to the traditional demands of plot-driven storytelling, creates significant difficulties in the work's reception. For readers raised within the traditional novel paradigm, with its emphasis on the dynamic of events and the final resolution of intrigue, this text appears artistically complex and cognitively challenging [13, p.126]. However, Yu Hua's experimental explorations demonstrate an attempt to radically rethink the boundaries of the detective genre, allowing his works to be viewed as a significant phenomenon in the context of the evolution of modern Chinese prose.

The recent historical period in the development of detective fiction has seen a significant expansion of its target audience: alongside works for adults, detective texts aimed at children are beginning to be actively created.

The work of Ye Yonglie was a pioneering contribution in this direction. His works are distinguished by a specific narrative strategy: the author systematically uses a child's perspective to recreate an authentic child's perspective on reality, develop a unique system of artistic coordinates relevant to young readers, and ensure a high degree of engagement with children through the intimacy of the experiences described.

The 1990s saw the further development of the children's detective genre, thanks to the work of authors such as Lan Ma and Yan Xiaofeng. Their innovative contribution lies in the synthesis of the detective genre with science fiction—a bold genre experiment that expands the traditional boundaries of children's detective fiction—and a dialogic narrative model—a conscious appeal to the child reader as a direct interlocutor, which creates the effect of confidential communication and enhances the interactivity of the text.

Thus, the evolution of children's detective fiction during this period demonstrates a diversification of genre forms, a search for new narrative strategies, and a conscious focus on the cognitive and emotional characteristics of children. This allows us to view these processes as a significant stage in the development of Chinese children's literature, characterized by a productive interaction between the entertaining and educational functions of fiction.

Furthermore, a number of writers combined creative work with theoretical understanding of the detective genre. Cao Zhengwen, Lin Yan, and He Jiahong made the most significant contributions to its study.

Ideological Resistance

However, this cultural phenomenon encountered resistance from the conservative wing of China's political leadership. In particular, in 1980, Hu Qiaomu (胡乔木), a key figure in the CPC Central Committee responsible for ideological policy, issued a sharp critique: «Detective fiction also contains outstanding and profound works. However, most of them lack educational value and sometimes even have a negative impact, and they certainly do not contribute to the development and flourishing of socialist literature or the education of a new socialist individual». [14] This position had a significant impact on official propaganda rhetoric: at a certain point, a campaign of criticism against foreign detective fiction was launched in print media. Meanwhile, mass reader interest in foreign literature, which first became available after the end of the Cultural Revolution, was on an unprecedented scale.

Institutional Changes

During the late 1970s and early 1980s, the main publication venue for detective fiction in China was represented by specialized periodicals focusing on public security issues. The most significant magazines included: «Golden Shield» (金盾 *Jin Dun*), «Eastern Sword» (东方剑 *Dongfang Jian*), «Woodpecker» (啄木鸟 *Zhoumunyao*), and «Modern Policeman» (当代警察 *Dandai Jingcha*).

In the 1990s, in the context of the rapid spread of internet technologies, the phenomenon of internet literature emerged and developed dynamically in China. The detective genre organically integrated into this cultural field, demonstrating a steady trend toward quantitative growth. A significant feature of the genesis of Chinese online detective fiction is its institutional specificity: unlike other genres of internet literature, the detective tradition developed primarily through specialized thematic web platforms. These resources acted as key incubators for the genre, ensuring the systematic publication of new works, the formation of reader communities, and the development of genre canons in the digital environment.

Conclusions

Thus, the following key trends in the development of the detective genre in the last quarter of the 20th century can be identified:

1. Thematic and genre diversification—an expanding range of themes (from corruption to science fiction), the emergence of new subgenres.
2. Social focus—an emphasis on understanding current issues in Chinese society.
3. Reception of foreign traditions—the influence of both Western and Japanese detective literature.

4. Experimentation with form—a rejection of traditional narrative strategies, the use of non-linear plots, multiple endings, etc.

5. Audience expansion—the emergence of children's and adolescent detective fiction.

6. Institutional changes—the transition of some of the genre to the online space.

Detective literature in China in the last quarter of the 20th century has evolved from a renaissance after a period of ideological restrictions to the emergence of a multifaceted genre reflecting social, cultural, and technological changes in society. This evolution was driven by both external factors (political reforms, cultural exchange) and internal needs - to comprehend recent history, reflect new realities, and experiment with artistic forms. As a result, detective fiction evolved from a primarily entertaining genre into a tool for social analysis and artistic experimentation, laying the foundation for further development in the 21st century.

References

1. Cao, Z. (1998). A Brief History of World Detective Fiction (Shijie zhentan xiaoshuo shilue). Shanghai: Shanghai Translation Publishing House.
2. Christie, A. (1979). Tragedy on the Nile (Nile he shang de can'an). Translated Forest (Yilin), November, pp.5–143.
3. Dorzhieva, E. L. (2023). The Problems of Zhou Haohui's Novel «Death Letters» [«Letters of Death»]. Asia-Pacific Region: History and Modernity — XVI. Materials of the Scientific and Practical Conference of Young Scientists Dedicated to the 100th Anniversary of the Republic of Buryatia, pp.79–81.
4. Dreyzis, Yu. A. (2017). From Scars to Detectives: A Guide to Contemporary Chinese Literature. Part One [Electronic resource]. Gorky. Retrieved October 2025 from <https://gorky.media/context/ot-shramov-do-detektivov> (accessed: 15.10.2025)
5. Dreyzis, Yu. A. (2017). From Tiananmen to Mo Yan: A Guide to Contemporary Chinese Literature. Part Two [Electronic resource]. Gorky. Retrieved October 2025 from <https://gorky.media/context/ot-tyananmenya-do-mo-yanya> (accessed: 15.10.2025)
6. Du, Zhuan, Lao Cai. (2009). A Brief History of Chinese Detective Fiction over the Past 100 Years [Electronic resource]. Sina Blog. Retrieved October 15, 2025, from http://blog.sina.com.cn/s/blog_49a3e43d0100f1am.html (accessed: 15.10.2025)
7. Huang, Zexin, & Song, Anna. (1996). A Study of Detective Literature (Zhentan xiaoshuo xue). Tianjin: Baihua Literature and Art Publishing House.
8. Ji, Hongxu. (1982). The Mysterious Tracks of Nine Horses (Jiu ma yizong). Shijiazhuang: Huashan Literature and Art Publishing House.

9. Lashin, R. S. (2020). Artistic Peculiarities of Mai Jia's Creative Work. Russia — China: History and Culture. Collection of Articles and Reports of the XIII International Scientific and Practical Conference, pp.82–88.
10. Mitkina, E. I. (2018). Chinese Detective Literature in the Second Half of the 20th Century. Abstracts of the XXIII International Scientific Conference «China, Chinese Civilization and the World: History, Modernity, Prospects», pp.221–222.
11. Mitkina, E. I. (2020) Western Literature Translations and Their Impact on the Development of the Detective Genre in China in Early 20th Century // Vestnik NSU. Series: History and Philology. 2020, vol. 19, no. 10: Oriental Studies, pp. 88–99. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-10-88-99>.
12. Mitkina, E. I. (2023). The First Translations of Edgar Allan Poe's Detective Prose in China in the Early 20th Century. Problems of Far Eastern Literatures. Proceedings of the 10th International Scientific Conference, pp.304–312.
13. Ren, Xiang. (2000). A New Literary Phenomenon: A Historical Review of Detective Fiction (Wenxue de ling yi dao fengjing: Zhentan xiaoshuo shilun). Beijing: China Youth Publishing House.
14. The Fate of «Yi Lin» (2020) [Electronic resource]. Art of the South. Retrieved October 15, 2025, from <https://www.zgnfys.com/m/a/nfrw-58314.shtml> (accessed: 15.10.2025)
15. Zakharova, N. V. (2015) Translations Of Conan Doyle and the Emergence of a new genre — Detective — In The Chinese Literature In The Early Twentieth Century. Bulletin of Kostroma State University, 5, pp. 55–58.

ECONOMICS AND MANAGEMENT

UDC 331.25

Alisheva P.K., Sakeeva A.M., Karimova M.K., Arapova Zh.A. The accumulative component as a key element of pension provision in the Kyrgyz Republic

Накопительный компонент как ключевой элемент пенсионного обеспечения в Кыргызской Республике

Alisheva Perizat Kultaevna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Sakeeva Adina Makanbaevna

Senior lecturer

Karimova Meerkan Kaparovna

teacher

Arapova Zhanyl Arapovna

teacher

Kyrgyz-Uzbek International University named after B.Sydykov

Osh, Republic of Kyrgyzstan

Алишева Перизат Култаевна

кандидат экономических наук, доцент

Сакеева Адина Маканбаевна

старший преподаватель

Каримова Мээркан Капаровна

преподаватель

Арапова Жаныл Араповна

преподаватель

Кыргызско-Узбекский международный университет им. Б.Сыдыкова
г. Ош Республика Кыргызстан

Abstract. This article is devoted to the consideration of the process of implementing the trend of development of pension reform in the context of the digital economy of the Kyrgyz Republic.

The article presents an analysis of the pension system of the Kyrgyz Republic. In accordance with the purpose of the study, problems of pension provision are identified, such as the low level of pension provision in the country, pension provision of migrants and the impact of the shadow economy on pension provision; then ways to solve these problems are outlined, as well as the need to take into account inflation in the process of indexation of pension provision. The paper presents an analysis of the non-state voluntary accumulative system of the Kyrgyz Republic for the last 2022-2023. In accordance with the purpose of the study, problems of pension provision are identified, such as the low level of pension provision in the country, pension provision of migrants and the impact of the shadow economy on pension provision.

Keywords: basic part of pension, insurance part of pension, pension social insurance, funded system, pension provision for migrants, labor migration, pension indexation, shadow economy.

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению процесса реализации тенденции развития пенсионной реформы в условиях цифровой экономики Кыргызской Республики.

В статье представлен анализ пенсионной системы Кыргызской Республики. В соответствии с целью исследования выявляются проблемы пенсионного обеспечения, такие как низкий уровень пенсионного обеспечения в стране, пенсионное обеспечение мигрантов и влияние теневой экономики на пенсионное обеспечение; далее излагаются пути решения указанных проблем, а также необходимость учета инфляции в процессе индексации пенсионного обеспечения. В работе представлен анализ негосударственной добровольной накопительной системы Кыргызской Республики за последние 2022-2023годы. В соответствии с целью исследования выявляются проблемы пенсионного обеспечения, такие как низкий уровень пенсионного обеспечения в стране, пенсионное обеспечение мигрантов и влияние теневой экономики на пенсионное обеспечение

Ключевые слова: базовая часть пенсии, страховая часть пенсионное социальное страхование, накопительная система, пенсионное обеспечение мигрантов, трудовая миграция, индексация пенсии, теневая экономика.

Рецензент: Тимчук Оксана Григорьевна – к.э.н., доцент кафедры «Экономики и цифровых бизнес-технологий». Иркутский национальный исследовательский технический университет

Современные тенденции в развитии пенсионной системы представляют собой один из ключевых аспектов социального обеспечения населения в условиях рыночной экономики. В настоящее время многие государства сталкиваются с рядом проблем, связанных с ухудшением демографической ситуации, неизбежным сокращением числа трудоспособных граждан и увеличением количества пенсионеров. Эти изменения обусловлены ростом средней продолжительности жизни и снижением рождаемости.

Постоянные изменения экономических условий в рыночной среде оказывают значительное влияние на финансовое состояние пенсионной системы. Исследование данных позволяет определить, насколько пенсионная система адаптирована к современным рыночным условиям. Факторы, такие как демографические изменения в структуре населения и рождаемости, требуют постоянной коррекции пенсионной системы. Современные мировые экономические тенденции также сказываются на пенсионной системе Кыргызской Республики.

Основная цель данного исследования заключается в разработке и теоретическом обосновании тенденций развития пенсионной системы в Кыргызской Республике в условиях рыночной экономики, а также углублении методологических подходов и практических рекомендаций по реформированию действующей пенсионной системы как приоритетного направления социально-экономической политики страны.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить теоретико-методологические аспекты формирования пенсионной системы.
2. Раскрыть сущность, роль и значение пенсионной системы.
3. Проанализировать зарубежный опыт формирования и развития пенсионных систем.

4. Провести комплексный анализ современного состояния пенсионной системы Кыргызстана в условиях рыночной экономики и сформулировать основные тенденции её развития и реформирования.

5. Выявить и сгруппировать ключевые проблемы развития пенсионной системы в Кыргызской Республике.

6. Разработать корреляционно-регрессионный анализ многомерных данных по пенсионной системе в Кыргызской Республике и предложить рекомендации по её дальнейшему реформированию, а также сделать прогноз.

Проблемы пенсионного обеспечения являются предметом изучения многих исследователей Кыргызстана, таких как А. Халиков, Г. Тентимишов (2019) [1], Р. Асизбаев (2008) [2], Д. Чотонов (2018) [3]. В этих работах вопросы пенсионного обеспечения рассматриваются глубоко, однако проблема остается актуальной и в настоящее время.

Пенсионная система Кыргызской Республики состоит из трех основных компонентов: обязательная государственная солидарная пенсионная система, обязательный накопительный компонент и добровольная индивидуальная накопительная система.

Первый компонент включает солидарную пенсионную систему, состоящую из базовой части пенсии, а также первой и второй страховых частей. Второй компонент является обязательным для граждан Кыргызской Республики, работающих в организованном секторе (государственных учреждениях и частных компаниях различных организационно-правовых форм), где граждане уплачивают страховые взносы на накопление в размере 2% от фонда заработной платы. Третий, добровольный, накопительный компонент включает добровольную индивидуальную накопительную схему. Количество пенсионеров в Кыргызстане ежегодно увеличивается в среднем на 20 тыс. человек. Сегодня пенсионеры составляют 10,4% населения страны, 68% из них проживают в сельской местности. Практически полный охват пожилых людей пенсиями по старости достигается за счет минимальных квалификационных требований (25 лет для мужчин и 20 лет для женщин). С каждым годом в стране средний размер пенсии растет, в то время как рост прожиточного минимума тоже не отстает (рис. 1).

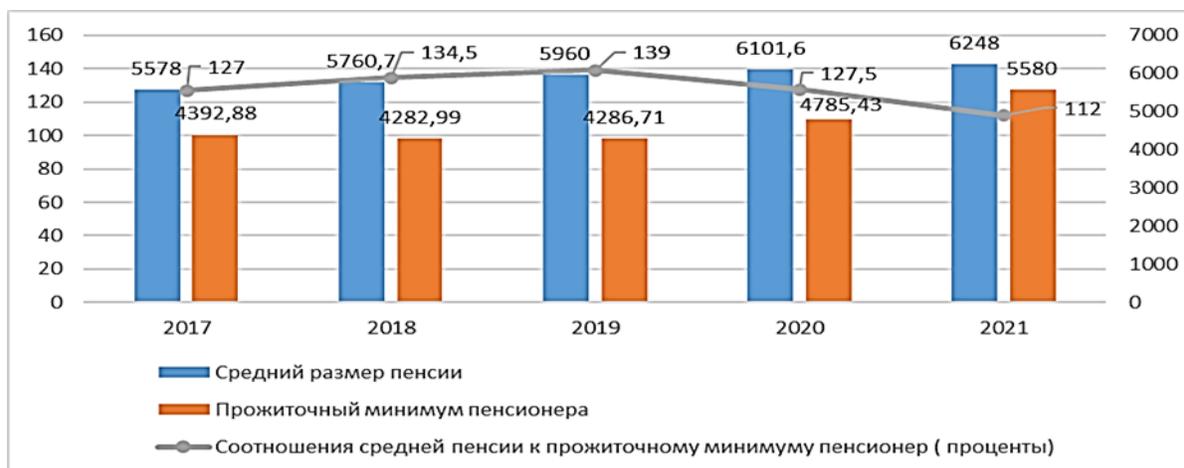

Рисунок 1. Процентное соотношение средней пенсии к прожиточному минимуму пенсионера

Источник: по данным Нацстаткома КР.

Соотношение средней пенсии к прожиточному минимуму с каждым годом падает, вследствие того, что темп роста средней пенсии не доходит до темпов роста прожиточного минимума и темпа роста заработной платы. Отсюда следует, что в республике не используется механизм регулярной индексации пенсионных выплат, а проводится лишь периодический пересмотр их минимальных границ. Таким образом, реальный уровень пенсии в условиях инфляции снижается.

Численность пенсионеров КР составила в 2023 г. около 836 тыс. человек. Среднемесячный размер пенсии населения в КР за 2017-2022 гг. возрос всего на 9,4%, в то время как базовая часть пенсии за 2017-2023 гг. остается на уровне 1780 сом. из-за дефицита бюджета (рис. 2). В 2021 г. средний размер пенсии составил 6248 сом., что почти на четверть выше стоимости фактически сложившегося прожиточного минимума для пенсионеров (за 2021 г. 5580 сом.). К тому же улучшился показатель количества пенсионеров, получающих пенсии выше прожиточного минимума пенсионера (ПМП). Если в 2010 г. лишь 22,5% пенсионеров получали пенсию выше уровня ПМП, то по итогам 2021 г. доля таких пенсионеров достигла 51%.

Рисунок 2. Размер средней и базовой части пенсии, сом.

Общее состояние системы накопительного (негосударственного) пенсионного обеспечения

В настоящее время в Кыргызской Республике действуют 2 накопительных пенсионных фонда: НПФ “Кыргызстан” осуществляет свою деятельность с 1995 года и НПФ “Дордой Салым” осуществляет свою деятельность с 2019 года.

Таблица 1

Информация о количестве лиц, заключивших договора добровольного пенсионного обеспечения (чел.)

	31.12.2022 г.	31.12.2023 г.	Изменение в %
Всего участников фонда	3607	2988	- 17 %
По обязательному пенсионному страхованию			
Вкладчиков	1287	1385	7,6 %
Получателей	51	92	80 %
По негосударственному пенсионному обеспечению			
Вкладчиков	355	369	4, %
Получателей	1914	1142	- 40 %

**Диаграмма 1. Информация о количестве лиц, заключивших договоров
добровольного пенсионного обеспечения**

Объем средств пенсионных активов НПФ за 2023 год составил 244,8 млн сомов.

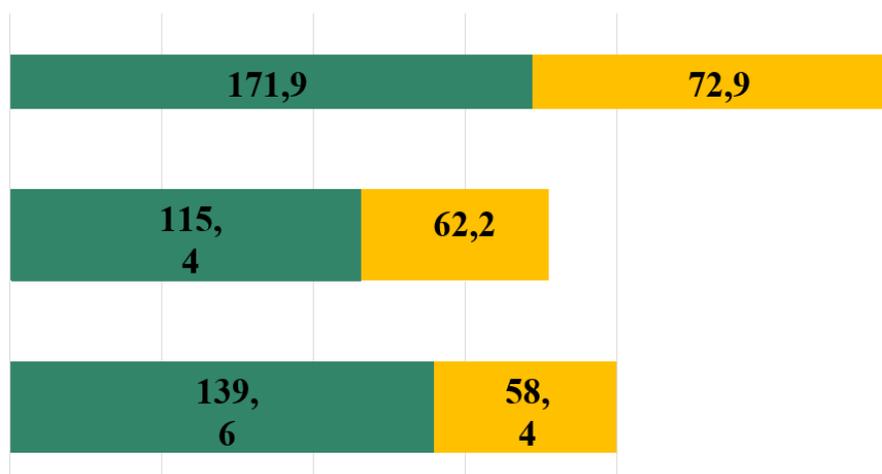

Диаграмма 2. Пенсионные активы НПФ (млн. сом)

Таблица 2

Убытки, понесенные негосударственными пенсионными фондами (НПФ) за 2022 и 2023
 годы

Наименование	2022 г.	2023 г.
ОАО НПФ Кыргызстан	(5 368,0)	(6 700,0)
ЗАО НПФ Дордой Салым	(3 922,0)	(6 590,4)
Итого	- 9 290,0	- 13 290,4

Таблица 3

Уплаченные налоги

Уплаченные налоги(тыс. сом)	2021 г.	2022 г.	2023 г.
ЗАО НПФ «Дордой Салым»	100,2	81,5	153,9
ОАО НПФ «Кыргызстан»	254,3	320,6	324,7

Таблица 4

Инвестиционный портфель НПФ

Структура инвестиционного портфеля НПФ			
Наименование	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Инвестиции, всего	35,8	60,1	78,4
В т.ч.:			
Государственные ценные бумаги КР	10,8	13,6	54,6
Ценные бумаги эмитентов	15,34	16,3	5,1
Депозиты в кредитных организациях	9,7	30,2	18,7

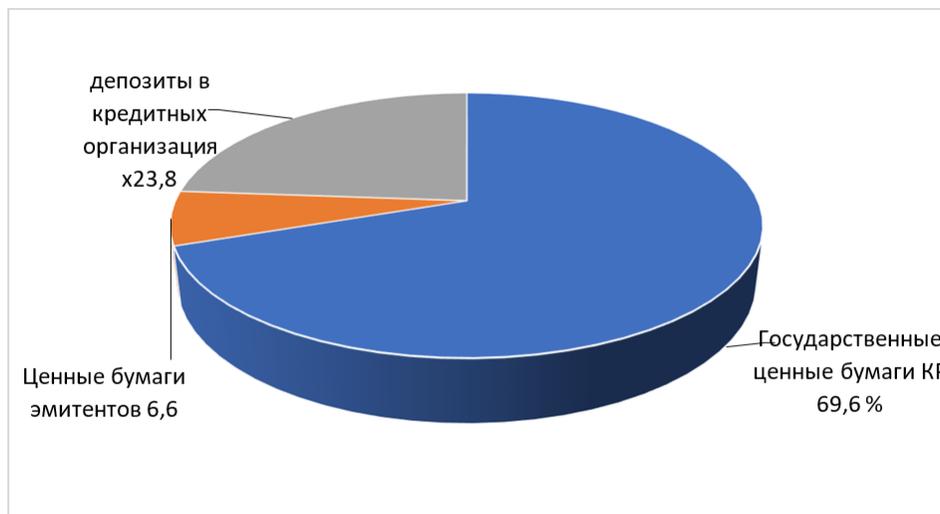

Диаграмма 3. Структура инвестиционного портфеля

Вы поднимаете важные вопросы, касающиеся пенсионного обеспечения и необходимости комплексного подхода к решению существующих проблем. Давайте подробнее рассмотрим предложенные вами решения и их потенциальное влияние на пенсионную систему.

1. Легализация теневой экономики. Снижение ставок социальных отчислений для малого и среднего бизнеса может стать стимулом для выхода из тени. Это позволит увеличить налоговые поступления в социальный фонд, что, в свою очередь, поможет улучшить финансовое состояние пенсионной системы. Однако важно обеспечить адекватный контроль за выполнением обязательств со стороны работодателей.

2. Повышение зарплат и создание рабочих мест. Создание новых рабочих мест и повышение зарплат — ключевые факторы, способствующие увеличению взносов в пенсионный фонд. Это требует активной экономической политики, направленной на поддержку предпринимательства и развитие секторов экономики, которые могут создать рабочие места.

3. Индексация пенсий. Индексация пенсий с учетом уровня инфляции и роста средней заработной платы является необходимым шагом для обеспечения достойного уровня жизни пенсионеров. Это также поможет сохранить покупательную способность пенсий, что особенно важно в условиях экономической нестабильности.

4. Повышение пенсионной грамотности. Образование и информирование граждан о пенсионной системе могут существенно повысить их вовлеченность. Программы по повышению пенсионной грамотности помогут людям осознать важность регулярных взносов и долгосрочного планирования своего финансового будущего.

5. Пропорциональный принцип финансирования. Применение пропорционального принципа финансирования для мигрантов может помочь решить проблему пенсионного обеспечения тех, кто работает за границей. Межгосударственные соглашения о пенсионном обеспечении позволят учитывать трудовой стаж в разных странах, что повысит справедливость распределения пенсий.

Реформа пенсионной системы требует комплексного подхода, включающего как изменения в законодательстве, так и культурные изменения в обществе. Важно, чтобы все участники — государство, работодатели и граждане — осознали свою ответственность за устойчивость пенсионной системы. Объединение усилий всех сторон может привести к созданию более справедливой и устойчивой системы пенсионного обеспечения, которая будет отвечать требованиям современности и обеспечивать достойную жизнь для будущих поколений.

References

1. Халикова, А., Тентимишова, Г. «Проблемы пенсионного обеспечения трудовых мигрантов Кыргызстана». Известия Иссык-Кульского форума бухгалтеров и аудитором стран Центральной Азии. № 2(25), 2019. с. 231-234. – EDN NTOCQF.
2. Асизбаев, Р. «Пенсионное страхование как приоритетное направление в социально-экономической политике в Кыргызской Республике». Экономический вестник. №3, (2008). с. 5-10.
3. Чотонов, Д. «Пути совершенствования государственного регулирования пенсионной системы». Сборник материалов II международной научной конференции студентов специалиста, бакалавриата и магистратуры. Воронеж, 30 ноября 2017 года / Под ред. С.П.Федосовой. Воронеж: «Научная книга», 2018. с. 424-428. – EDN YXOLVY.
4. Саякбаева, А., Таалайбек, Т., Ниматов, Н. «Диагностика социально-демографических показателей пенсионного обеспечения населения Кыргызской Республики». Евразийская Научная Ассоциация. № 5-35: 75, 2018. с. 237-242.
5. Статистический комитет Кыргызской Республики. – Режим доступа: <http://www.stat.kg>
6. Атаханов, Ш. (2022). «Моя пенсия или как сделать жизнь лучше». АКИpress. – Режим доступа: http://mnenie.akipress.org/unews/un_post:23840
7. Социальный фонд Кыргызской Республик. – Режим доступа: www.socfond.kg
8. Сафонов, А., Угодников, К. «Индексация пенсионных выплат: поиски баланса между инфляцией и изменением заработной платы в экономике». Финансы: теория и практика. № 26(1), 2022. с. 156-168. – Режим доступа: <https://financetp.fa.ru/jour/article/view/1508>
9. Эсенбекова, Э. «Совершенствование системы государственного пенсионного страхования». Периодический научный сборник «Современные тенденции развития науки и технологий» 2016. с. 157-162.
10. Асизбаев, Р.Э. «Основные задачи модернизации социального развития». Реформа. № 4, 2008. с. 36-37.
11. URL: <https://kaktus.media/454720>
12. URL: <https://economist.kg/Novosti/ekonomika/2022/02/28/hotite-horoshie-pensii-pora-vyhodit-iz-trni/>

UDC 658.153:622

Arno V.V., Kolesnichenko E.P., Elnikova E.A., Remizov N.A. Working Capital Management of a Mining Enterprise Amidst Metal Price Volatility and Supply Chain Disruptions

Управление оборотным капиталом горного предприятия в условиях волатильности цен
на металлы и разрыва логистических цепочек

Arno Veronika Vladimirovna

Ph.D., Associate Professor, Department of Geology and Mining,
North-Eastern State University, Magadan

Kolesnichenko Eva Pavlovna

Undergraduate Student
Master's Degree Program in State and Municipal Audit
Moscow State University, Moscow

Yelnikova Elena Aleksandrovna,

Senior Lecturer of the Department of ETS,
North-Eastern Federal University, Magadan.

Remizov Nikita Andreevich,

Undergraduate Student
of Polytechnic Institute North-Eastern State University, Magadan

Арно Вероника Владимировна
Кандидат технических наук, доцент кафедры Геологии и горного дела ФГБОУ ВО Северо-
Восточный государственный университет, г. Магадан
Колесниченко Ева Павловна,
Студентка 3 курса

направления подготовки «Государственный и муниципальный аудит»
ВШГА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Ельникова Елена Александровна,

Старший преподаватель кафедры ЭТиС
ФГБОУ ВО Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

Ремизов Никита Андреевич,

Студент 3 курса

Политехнический институт

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»

Abstract. *The article is devoted to the development of mechanisms for adapting working capital management systems of mining enterprises to the macroeconomic instability of the 2022–2025 period. Based on the analysis of the financial statements of industry leaders (PJSC MMC Norilsk Nickel, PJSC Polyus, PJSC ALROSA), key trends have been identified: an increase in the share of production inventories in the asset structure (from 25% to 42%) and a critical lengthening of equipment delivery times.*

The paper substantiates the inefficiency of traditional deterministic models (EOQ) under conditions of stochastic logistical disruptions. An author's methodology for dynamic rationing of safety stocks (\$SS\$) is proposed, taking into account the variability of demand and lead times. Comparative modeling has shown that the implementation of the adaptive model allows for reducing total operating costs by 30–40% and decreasing the risk of production stoppage from 12% to 2%. A matrix of inventory management strategies based on ABC-XYZ analysis has been developed, offering a differentiated approach (from Just-in-Case to Just-in-Time) for various categories of material and technical resources.

Keywords: *working capital, mining industry, price volatility, logistical risks, inventory management, liquidity.*

Аннотация. Статья посвящена разработке механизмов адаптации систем управления оборотным капиталом горнодобывающих предприятий к макроэкономической нестабильности периода 2022–2025 гг. На основе анализа финансовой отчетности лидеров отрасли (ПАО «ГМК «Норильский никель», ПАО «Полюс», АК «АЛРОСА») выявлены ключевые тенденции: рост доли производственных запасов в структуре активов (с 25% до 42%) и критическое удлинение сроков поставок оборудования.

В работе обоснована неэффективность традиционных детерминированных моделей (EOQ) в условиях стохастических логистических сбоев. Предложена авторская методика динамического нормирования страховых запасов (\$\$\$), учитывающая вариативность спроса и времени поставок. Сравнительное моделирование показало, что внедрение адаптивной модели позволяет снизить совокупные операционные затраты на 30–40% и уменьшить риск остановки производства с 12% до 2%. Разработана матрица стратегий управления запасами на основе ABC-XYZ анализа, предлагающая дифференцированный подход (от Just-in-Case до Just-in-Time) для различных категорий материально-технических ресурсов.

Ключевые слова: оборотный капитал, горная промышленность, волатильность цен, логистические риски, управление запасами, ликвидность.

Рецензент: Тимчук Оксана Григорьевна – к.э.н., доцент кафедры «Экономики и цифровых бизнес-технологий». Иркутский национальный исследовательский технический университет

Введение.

Горнодобывающая отрасль характеризуется высокой капиталоемкостью и длительным производственным циклом. В период 2022–2025 гг. предприятия столкнулись с беспрецедентным давлением двух факторов: высокой волатильностью сырьевых рынков и структурной трансформацией логистики (рост сроков поставок запчастей и реагентов на 40–150%). Традиционные модели управления запасами (EOQ) в таких условиях демонстрируют низкую эффективность [1–3].

Методы и материалы. Исследование базируется на анализе финансовой отчетности крупнейших горнодобывающих компаний России: ПАО «ГМК «Норильский никель», ПАО «Полюс», АК «АЛРОСА» (ПАО) и Polymetal International plc. Данные компании были выбраны как репрезентативные для отрасли, демонстрирующие различные стратегии адаптации к кризисным условиям [4, 6–7]. Анализ динамики их оборотного капитала за 2022–2024 гг. представлен в Таблице 1.

Таблица 1

Динамика показателей оборотного капитала крупнейших горнодобывающих компаний (2022–2024 гг.)

Компания	Показатель	2022	2023	2024	Изм. 24/22, %
ГМК Норильский никель	Оборотные активы, млн \$	8 403	7 342	6 845	-18.5%
	Запасы, млн \$	4 945	3 817	3 114	-37.0%
ПАО «Полюс»	Выручка, млрд ₹	н/д	248,1	309,8	+24.8% (23-24)
АК «АЛРОСА»	Выручка, млрд ₹	300,2	326,5	326,5*	+8.8%

*Данные по АЛРОСА за 2024 г. прогнозные/на уровне 2023 г. ввиду ограничений раскрытия [6-8].

Как видно из таблицы, компании демонстрируют разнонаправленную динамику. «Норникель» значительно оптимизировал запасы (-37%), высвобождая ликвидность, в то время как золотодобывающие компании («Полюс») наращивают выручку на фоне роста цен на золото.

Для расчета оптимального страхового запаса (Safety Stock) в условиях нестабильных поставок предложена следующая формула 1 [9-10]:

$$SS = Z_{\alpha} \times \sqrt{(\sigma_D \times L_{avg})^2 + (D_{avg} \times \sigma_L)^2} \quad (1)$$

где:

SS = Safety Stock (Страховой запас)

Z_{α} = Service Level Z-score (Коэффициент уровня обслуживания, e.g., 1.65 for 95%)

σ_D = Standard Deviation of Demand (Стандартное отклонение спроса)

L_{avg} = Average Lead Time (Среднее время выполнения заказа)

D_{avg} = Average Demand (Средний спрос)

σ_L = Standard Deviation of Lead Time (Стандартное отклонение времени выполнения заказа)

3. Результаты

Влияние ценовой волатильности

Анализ показал высокую корреляцию между волатильностью цен на металлы и потребностью в оборотном капитале. Ниже представлена динамика цен на основные металлы за рассматриваемый период:

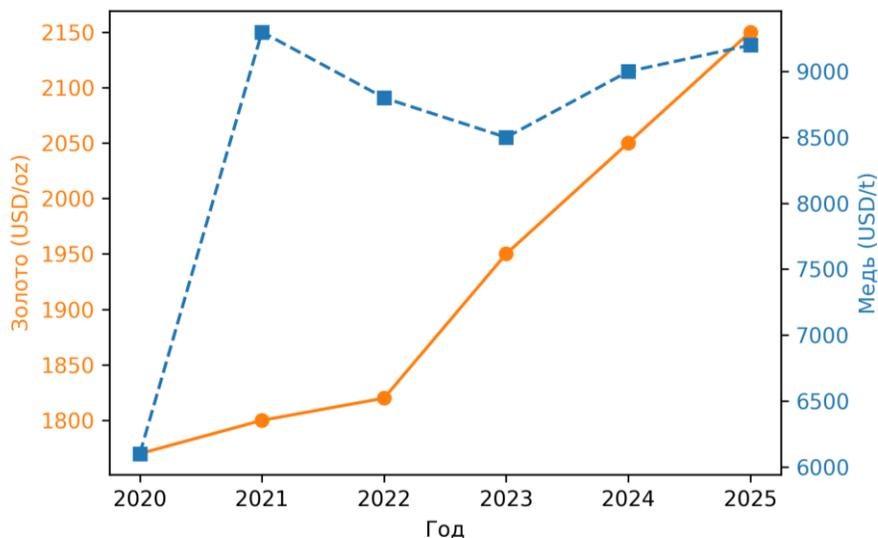

Рисунок 1. Динамика цен на золото и медь (2020-2025 гг.)

Оптимизация запасов -моделирование затрат показало смещение точки оптимального заказа при учете логистических рисков. График ниже демонстрирует различие в кривых затрат для стабильной и нестабильной логистики (рис.2):

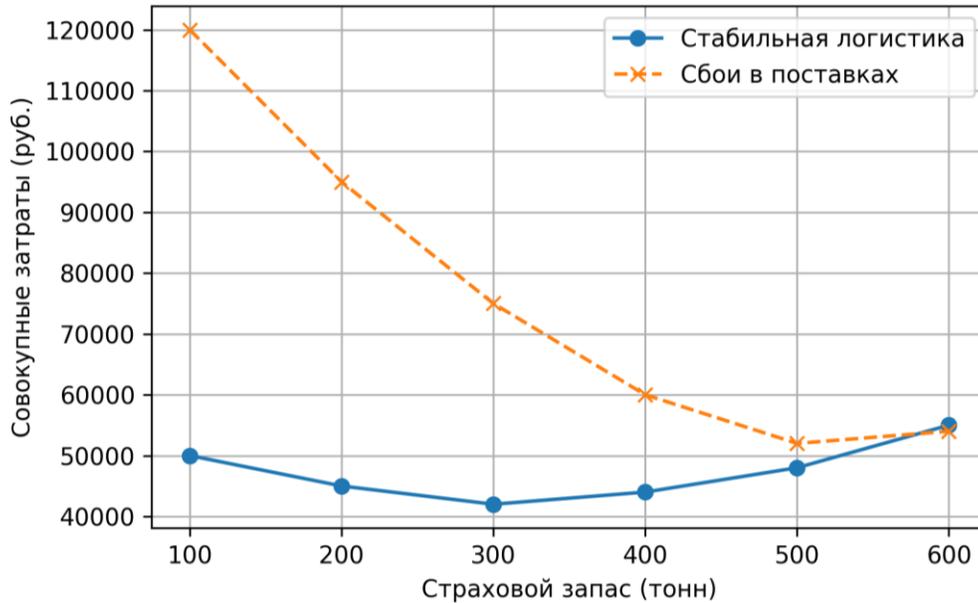

Рисунок 2. Оптимизация затрат на запасы

Сравнительная эффективность моделей представлена в таблице 2:

Таблица 2

Сравнение эффективности моделей управления запасами

Показатель	Модель EOQ	Адаптивная модель
Средний запас (млн руб.)	450	380
Риск дефицита (%)	12%	2%
Затраты (млн руб.)	85	52

Трансформация структуры оборотного капитала

Анализ показал существенное изменение структуры оборотного капитала за последние 5 лет. Доля производственных запасов в активах выросла с 25% (2021 г.) до 42% (2025 г.), что наглядно представлено на рисунке 1.

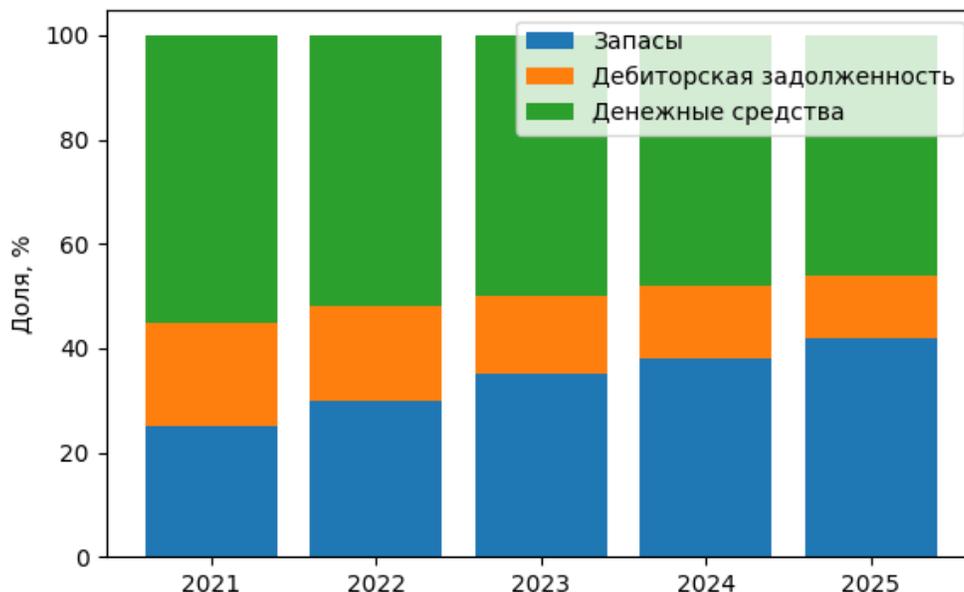

Рисунок 3. Динамика структуры оборотных активов (2021-2025).

Влияние логистического фактора

Установлено, что средний срок поставки оборудования из КНР и «дружественных» стран увеличился кратно (см. рисунок 4).

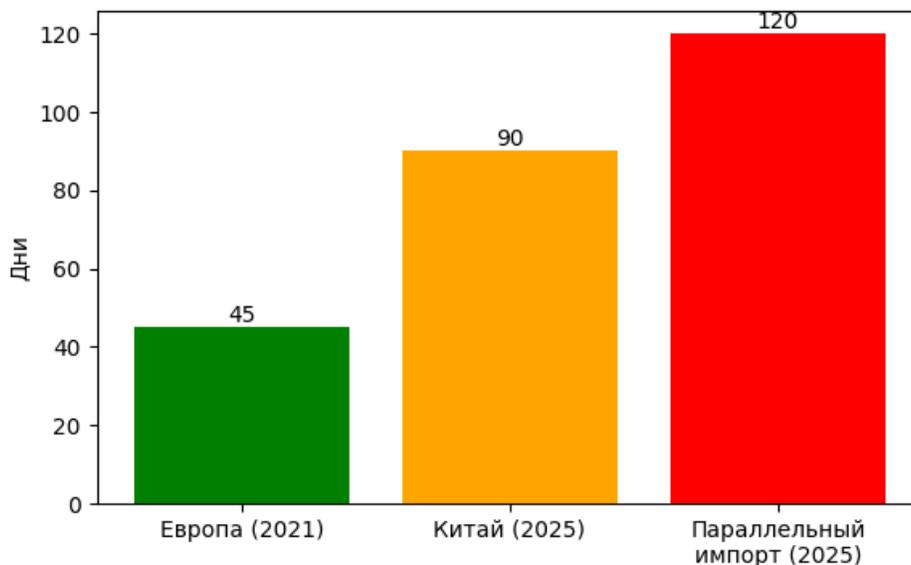

Рисунок 4. Сравнение сроков поставки оборудования (дни).

Обсуждение

На основе ABC-XYZ анализа была разработана матрица стратегий управления запасами (таблица 3).

Таблица 3

Матрица стратегий управления МТР.

Группа	Характеристика	Стратегия
А (Критический)	Высокая стоимость, длинное плечо	Just-in-Case: Страховой запас 6-9 мес.
В (Стандарт)	Стабильное потребление	Vendor Managed Inventory (VMI)
С (Мелочевка)	Низкая стоимость	Just-in-Time: Закупка по факту

Заключение

В ходе исследования была решена задача повышения эффективности управления оборотным капиталом в условиях высокой неопределенности внешней среды. Основные выводы работы сводятся к следующему:

Трансформация приоритетов: Подтверждена гипотеза о смене парадигмы управления с минимизации затрат (Lean/Just-in-Time) на обеспечение надежности (Just-in-Case) для критических категорий ресурсов. Анализ данных показал, что ведущие компании («Полюс», «Норникель») вынуждены наращивать буферы ликвидности и запасов для купирования логистических рисков [6-8].

Эффективность новой методики: Предложенная формула расчета страхового запаса, интегрирующая стандартные отклонения сроков поставок, доказала свою экономическую целесообразность. Расчеты демонстрируют, что, несмотря на возможное увеличение физического объема запасов по отдельным позициям, общие потери от простоев и экстренных закупок снижаются кратно.

Практическая значимость: Разработанная матрица стратегий является готовым управленческим инструментом. Она позволяет менеджменту предприятий сегментировать номенклатуру запасов и применять к каждой группе (А, В, С) наиболее релевантную политику закупок, балансируя между замораживанием капитала и операционной безопасностью.

Таким образом, внедрение адаптивных алгоритмов управления оборотным капиталом является необходимым условием сохранения финансовой устойчивости и операционной эффективности горных предприятий в текущих экономических реалиях.

Применение предложенной методики динамического нормирования позволяет снизить совокупные издержки на управление оборотным капиталом на 30-40% при сохранении высокой надежности обеспечения производства.

References

1. Алтухова А. В. Способы управления оборотным капиталом предприятий нефтегазовой отрасли // Управленческий учет. - 2024. - № 6. -С. 100-110.
2. Лукичев С.В., Наговицын О.В. Цифровая трансформация и технологическая независимость горнодобывающей отрасли. Горная промышленность. - 2022. -№5. - С.74–78. doi.org/10.30686/1609-9192-2022-5-74-78
3. Шнайдер В.В., Зорина А.А. Анализ ликвидности и платежеспособности экономических субъектов: сущность, значение и влияние на экономическую безопасность // Научный вектор Балкан. -2020. - № 2 (8). С. 49-51.
4. Хитрова Т.И., Хитрова Е.М., Пешкова О.В. Технологические аспекты концепции формирования единого информационного пространства современного предприятия // Известия Байкальского государственного университета. - 2023. - Т. 33, № 4. - С. 735-743.
5. Мочалова Л. А., Соколова О. Г. Оптимизация запасов в логистической системе горнодобывающего предприятия // Экономическая теория, Анализ, Практика. - 2018. - № 3. - С. 39–51.
6. Итоги деятельности Горнорудного дивизиона Госкорпорации «Росатом» за 2024 год : публичный отчет. - Москва Атомредметзолото, 2025. — Текст : электронный. — URL: <https://report.rosatom.ru>.
7. Guo, Y. Supply chain resilience: A review from the inventory management perspective / Y. Guo, Y. Wang. — Text: direct // Computers & Industrial Engineering. - 2025. - Vol. 188. - Art. 109852. - DOI 10.1016/j.cie.2024.109852.
8. Sapardiman S. Vendor Managed Inventory for Strategic Supply Chain of Ammonium Nitrate in Coal Mining Operation / S. Sapardiman. - Text: electronic // European Journal of Business and Management Research. - 2025. - Vol. 10, iss. 4. - URL: <https://eu-opensci.org>.
9. Working Capital Management and Corporate Performance: Evidence from EU-based SMEs (2012–2022) / [Authors list]. - Text: direct // Journal of Corporate Finance (ScienceDirect). - 2024. - Vol. 126. - Art. 105905.
10. Working Capital in Mining and Metals: Releasing Cash to Drive Value / Ernst & Young. — Text: electronic // EY Global Mining & Metals Report. — 2023. — URL: <https://www.ey.com>.

UDC 622.272:338.45

Arno V.V., Kolesnichenko E.P., Elnikova E.A., Sharov P.E. Comparative economic analysis of mining systems: floor-by-floor collapse vs room-and-pillar mining

Сравнительный экономический анализ систем разработки: подэтажное обрушение vs
камерная выемка с закладкой

Arno Veronika Vladimirovna

Ph.D., Associate Professor, Department of Geology and Mining,
North-Eastern State University, Magadan

Kolesnichenko Eva Pavlovna

Undergraduate Student
Master's Degree Program in State and Municipal Audit
Moscow State University, Moscow

Yelnikova Elena Aleksandrovna,

Senior Lecturer of the Department of ETS,
North-Eastern Federal University, Magadan.

Sharov Pavel Egorovich,

Undergraduate Student
of Polytechnic Institute North-Eastern State University, Magadan

Кандидат технических наук, доцент кафедры Геологии и горного дела ФГБОУ ВО Северо-
Восточный государственный университет, г. Магадан

Колесниченко Ева Павловна,

Студентка 3 курса

направления подготовки «Государственный и муниципальный аудит»

ВШГА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Ельникова Елена Александровна,

Старший преподаватель кафедры ЭТиС

ФГБОУ ВО Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

Шаров Павел Егорович,

Студент 3 курса

Политехнический институт

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»

Abstract. *The article presents a technical and economic comparison of two competing geotechnologies for mining a thick steep-dipping ore body: the Sublevel Caving (SLC) system and the Cut-and-Fill (C&F) stoping system with cemented backfill. Based on Discounted Cash Flow (DCF) modeling, an assessment was made of the impact of recovery indicators (ore loss and dilution) on the final profitability of the project. It has been established that with a gold grade in the ore above 3.5 g/t, the transition to expensive backfilling is economically justified due to the reduction in losses of the valuable component.*

Keywords: *sublevel caving, cut-and-fill stoping, cemented backfill, ore dilution, ore loss, NPV, production cost.*

Аннотация. *В статье выполнено технико-экономическое сравнение двух конкурирующих геотехнологий для отработки мощной крутопадающей рудной залежи: системы с подэтажным обрушением (Sublevel Caving – SLC) и системы камерной выемки с твердеющей закладкой (Cut-and-Fill – C&F). На основе моделирования денежных потоков (DCF) произведена оценка влияния показателей извлечения (потеря и разубоживания) на конечную*

рентабельность проекта. Установлено, что при содержании золота в руде выше 3,5 г/т переход на дорогостоящую закладку экономически оправдан за счет снижения потерь ценного компонента.

***Ключевые слова:** поэтажное обрушение, камерная выемка, твердеющая закладка, разубоживание, потери руды, NPV, себестоимость.*

Рецензент: Тимчук Оксана Григорьевна – к.э.н., доцент кафедры «Экономики и цифровых бизнес-технологий». Иркутский национальный исследовательский технический университет

Введение. Выбор системы разработки является ключевым стратегическим решением горного проекта, определяющим его экономическую эффективность на весь срок эксплуатации. Для мощных рудных тел (мощность >15–20 м) традиционно конкурируют два технологических уклада:

Массовое обрушение (SLC): характеризуется низкой себестоимостью добычи, высокой производительностью, но значительными потерями (15–20%) и разубоживанием руды (20–30%) [1-3].

Камерная выемка с закладкой (C&F): обеспечивает высокое извлечение недр (потери <5%, разубоживание <10%), но требует высоких капитальных и операционных затрат на закладочный комплекс (Backfill Plant).

В условиях волатильности цен на металлы и истощения богатых запасов, дилемма «дешевая добыча с большими потерями» против «дорогой добычи с высоким извлечением» требует переоценки.

Цель исследования - определить граничные условия (Cut-off grade), при которых применение системы с закладкой становится экономически эффективнее системы с обрушением.

Методы и материалы

Объект исследования

В качестве объекта принято условное золоторудное месторождение «Северное» со следующими параметрами:

Тип рудного тела: крутопадающая жильная зона.

Средняя мощность: 25 м.

Угол падения: 75–80°.

Плотность руды: 2,8 т/м³.

Годовая производительность: 1 000 000 тонн руды.

Цена золота (Au): 2 000 USD/oz (64,3 USD/г).

Методика расчета/

Сравнение производится методом дисконтированных денежных потоков (NPV) на горизонте планирования 5 лет. Ставка дисконтирования принята равной 12%.

Основные расчетные формулы:

Товарная руда (Q_t):

$$Q_t = Q_d \cdot (1 - L) \cdot (1 + R) \quad (1)$$

где Q_d — балансовые запасы, L — коэффициент потерь, R — коэффициент разубоживания.

Содержание в товарной руде (C_t):

$$C_t = \frac{C_d \cdot (1 - L)}{1 + R} \quad (2)$$

где C_d — содержание в недрах.

Прибыль (*Profit*):

$$Profit = Q_t \cdot C_t \cdot \epsilon \cdot P_{Au} - (Q_t \cdot C_{op} + Q_d \cdot C_{cap}) \quad (3)$$

где ϵ -извлечение на ЗИФ (90%), P_{Au} — цена металла, C_{op} -операционные затраты (ОРЕХ), C_{cap} - удельные капитальные затраты.

Результаты

Технико-экономические показатели вариантов

На основе отраслевых нормативов и данных проектов-аналогов сформирована таблица исходных параметров для двух систем [4-6] (Таблица 1).

Таблица 1

Сравнительные параметры систем разработки

Показатель	Ед. изм.	Вариант 1: Подэтажное обрушение (SLC)	Вариант 2: Камерная с закладкой (C&F)
Качественные показатели			
Потери руды (L)	%	20%	5%
Разубоживание (R)	%	25%	8%
Экономические показатели			
Себестоимость добычи	\$/т	25	45
Затраты на закладку	\$/т	0	12
Переработка (ЗИФ)	\$/т	15	15
Итого ОРЕХ на 1 т добычи	\$/т	40	72
Удельные CAPEX	\$/т	10	18 (вкл. закладочный завод)

Расчет товарной продукции и выручки

Рассчитаем выход товарной продукции для 1 млн тонн балансовых запасов при исходном содержании золота 4,0 г/т.

Вариант 1 (SLC):

Товарная масса: $1000000 \cdot (1 - 0,20) \cdot (1 + 0,25) = 1000000$ т.

Содержание в товарной руде: $(4,0 \cdot (1 - 0,20))/(1 + 0,25) = 2,56$ г/т.

Металл в товарной руде: 2560 кг.

Вариант 2 (C&F):

Товарная масса: $1000000 \cdot (1 - 0,05) \cdot (1 + 0,08) = 1026000$ т.

Содержание в товарной руде: $(4,0 \cdot (1 - 0,05))/(1 + 0,08) = 3,52$ г/т.

Металл в товарной руде: 3611 кг.

Разница в извлеченном металле: Система с закладкой позволяет добыть на 1 051 кг (41%) больше золота из того же объема недр.

Расчет экономической эффективности

В Таблице 2 представлен расчет годовой прибыли (ЕВITDA) для содержания 4,0 г/т.

Таблица 2

Расчет годовой экономики (для 1 млн т запасов)

Статья	Вариант 1 (SLC)	Вариант 2 (C&F)	Эффект
Извлекаемый металл (с учетом ЗИФ 90%), кг	2 304	3 250	+946
Выручка (\$64.3/г), млн \$	148,1	209,0	+60,9
Затраты:			
Добыча и переработка, млн \$	40,0	73,9	-33,9
(объем товарной руды · ОРЕХ)	(1,0 · 40)	(1,026 · 72)	
Операционная прибыль (ЕВITDA), млн \$	108,1	135,1	+27,0

Несмотря на рост операционных затрат на 33,9 млн \$ (почти в 2 раза), прирост выручки за счет качества руды перекрывает издержки, давая дополнительно 27 млн \$ прибыли в год.

Анализ чувствительности (NPV)

Для определения границы эффективности был произведен расчет NPV проекта за 5 лет при различных содержаниях золота в недрах (Таблица 3).

Таблица 3

NPV проектов при разном содержании Au (млн \$)

Содержание Au, г/т	NPV (SLC - Обрушение)	NPV (C&F - Закладка)	Эффективный вариант
2,0	155	85	Обрушение
3,0	320	295	Обрушение
3,5	405	408	Паритет
4,0	485	520	Закладка
5,0	650	745	Закладка

Обсуждение. Полученные результаты демонстрируют классическую зависимость «затраты — извлечение».

Зона эффективности обрушения (SLC): При содержании золота ниже 3,5 г/т высокая стоимость закладки (72 \$/т) «съедает» всю маржу от дополнительно

извлеченного металла. В этой зоне приоритетом является минимизация затрат, что обеспечивает система с обрушением [7-10].

Зона эффективности закладки (C&F): При содержании выше 3,5 г/т каждый процент потерь руды становится критически дорогим. Например, при содержании 5 г/т потеря 1 тонны руды в системе SLC эквивалентна потере ~300 \$ выручки, что значительно превышает стоимость закладки (12–15 \$).

Экологический и геомеханический аспекты: Помимо чисто экономических показателей, система с закладкой имеет косвенные преимущества: предотвращение проседания земной поверхности и возможность размещения хвостов обогащения в выработанном пространстве, что снижает экологические платежи (в данном расчете не учитывались) [6-8].

Ограничения исследования: Расчет выполнен для фиксированной цены золота. При падении цены металла граница эффективности (Cut-off grade) сместится в сторону более богатых руд, расширяя область применения дешевой системы с обрушением.

Заключение

Для месторождения «Северное» при текущих ценах на золото (2000 \$/oz) граничным содержанием для смены технологии является 3,5 г/т.

При содержании 4,0 г/т система с твердеющей закладкой генерирует на 25% больше операционной прибыли, несмотря на рост себестоимости добычи на 80%.

Внедрение системы с закладкой позволяет увеличить ресурсную базу предприятия за счет вовлечения в отработку более ценных участков и продления срока службы рудника (Life of Mine) благодаря снижению потерь с 20% до 5% [8-10].

References

1. Каплунов, Д. Р. Принципы проектирования и выбора технологий освоения недр, обеспечивающих устойчивое развитие подземных рудников / Д. Р. Каплунов, Д. Н. Радченко. — Текст : электронный // Горный журнал. — 2017. - № 11. - С. 52–59.
2. Еременко В. А., Галченко Ю. П., Липницкий Н. А., Умаров А. Р. «Каркасная горная конструкция при подземной разработке мощных рудных месторождений» // Горный журнал. - 2021. - №9. - С. 11–18.
3. Трубецкой К.Н., Галченко Ю.П., Шуклин А. С. «Высокоэффективная геотехнология комплексного освоения пологих и наклонных жильных месторождений» // Горный журнал. - 2018. - №2. - С. 73–74.
4. Лукичев С.В., Наговицын О.В. Цифровая трансформация и технологическая независимость горнодобывающей отрасли. Горная промышленность. - 2022. -№5. - С.74–78. doi.org/10.30686/1609-9192-2022-5-74-78

5. Арно В.В., Колесниченко Е.П., Гарифулина И.Ю., Ломакина Н.Е. Анализ устойчивости междуэтажных и междукамерных целиков при камерной системе разработки месторождения «Майское» // Горная промышленность. - 2025. - №4. - С.165-169. doi.org/10.30686/1609-9192-2025-4-165-169
6. Арно В.В., Колесниченко Е.П., Гарифулина И.Ю., Ломакина Н.Е., Семькин Е.С., Геолого-структурный анализ месторождения Арылах и адаптация технологий добычи на современном этапе // Маркшейдерия и недропользование. - 2025. - №5. - С. 49-54. DOI: 10.56195/20793332-2025-25-5-49-54
7. Бекбергенов Д. К., Зейнуллин А. А., Джангулова Г. К., Жанакоева Р. К., Бектибаев У. А. Обоснование подземной геотехнологии отработки месторождений со сложной морфологией на примере рудника Акжал // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2025. – № 12-2. – С. 33–70. DOI: 10.25018/0236_1493_2025_122_0_33.
8. Li X., Li Q., Hu Y., Teng L. Evolution characteristics of mining fissures in overlying strata of stope after converting from open pit to underground // Arabian Journal of Geosciences. 2021, vol. 14, article 2795.
9. Guo Q., Li W., Zhang Z., Chen H. Sublevel stoping with cemented paste backfill in weak rock mass zones // Sustainability. 2022, vol. 14, no. 5, article 2794. DOI: 10.3390/su14052794.
10. Худыма М., Потвин Ю. Проектирование методов подземной добычи сложных рудных тел с учетом геомеханики // Механика горных пород и геотехническая инженерия. — 2021. — Т. 13(4). — С. 834—847. DOI: 10.1016/j.jrmge.2021.02.009.

UDC 622.272:338.45

Arno V.V., Kolesnichenko E.P., Lomakina N.E., Dolbin I.D. Methodology for assessing the prevented damage from mining and geological risks in the mine budget

Методика оценки предотвращенного ущерба от горно-геологических рисков в
бюджете рудника

Arno Veronika Vladimirovna

Ph.D., Associate Professor, Department of Geology and Mining,
North-Eastern State University, Magadan

Kolesnichenko Eva Pavlovna

Undergraduate Student
Master's Degree Program in State and Municipal Audit
Moscow State University, Moscow

Lomakina Natalia Evgenievna,

Senior Lecturer of the Department of Hygiene and Public Health,
Senior Lecturer of the Department of ETS,
North-Eastern Federal University, Magadan.

Dolbin Ivan Dmitrievich,

Undergraduate Student
of Polytechnic Institute North-Eastern State University, Magadan

Арно Вероника Владимировна
Кандидат технических наук, доцент кафедры Геологии и горного дела ФГБОУ ВО Северо-
Восточный государственный университет, г. Магадан
Колесниченко Ева Павловна,
Студентка 3 курса

направления подготовки «Государственный и муниципальный аудит»
ВШГА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва
Ломакина Наталья Евгеньевна,
Старший преподаватель кафедры ГиГД
ФГБОУ ВО Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан
Долбин Иван Дмитриевич,
Студент 3 курса
Политехнический институт
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет

Abstract. The article proposes an original methodology for the economic assessment of the effectiveness of geomechanical measures at the budget planning stage. Based on the analysis of statistical data on accident rates and downtimes at non-ferrous metallurgy mines, an algorithm for calculating prevented damage has been developed, including direct losses (equipment, restoration work) and lost profits. The methodology was tested using the example of implementing a microseismic monitoring system, demonstrating that accounting for the prevented damage factor increases the calculated project NPV by 15–20%, shifting safety expenditures from the "costs" category to the "investments" category.

Keywords: mining and geological risks, prevented damage, budgeting, microseismic monitoring, NPV, lost profits.

Аннотация. В статье предложена авторская методика экономической оценки эффективности геомеханических мероприятий на этапе бюджетного планирования. На основе анализа статистических данных по аварийности и простоям на рудниках цветной металлургии разработан алгоритм расчета предотвращенного

ущерба, включающий прямые потери (оборудование, восстановительные работы) и упущенную выгоду. Апробация методики на примере внедрения системы микросейсмического мониторинга показала, что учет фактора предотвращенного ущерба повышает расчетный NPV проекта на 15–20%, переводя затраты на безопасность из категории «издержек» в категорию «инвестиций».

Ключевые слова: горно-геологические риски, предотвращенный ущерб, бюджетирование, микросейсмический мониторинг, NPV, упущенная выгода.

Рецензент: Тимчук Оксана Григорьевна – к.э.н., доцент кафедры «Экономики и цифровых бизнес-технологий». Иркутский национальный исследовательский технический университет

Введение.

Современное горное производство характеризуется усложнением горно-геологических условий (рост глубины, удароопасность), что неизбежно ведет к росту рисков. Традиционно затраты на геотехнический мониторинг, крепление и прогноз удароопасности в бюджетах горных предприятий классифицируются как операционные расходы (ОРЕХ), снижающие текущую прибыль [1-4]. Такой подход часто приводит к секвестрованию данных статей при оптимизации бюджета, так как финансовые менеджеры не видят прямой экономической отдачи.

Существующая нормативная база (например, РД 03-496-02) ориентирована на оценку уже свершившегося ущерба для целей расследования аварий и страхования, но слабо применима для превентивного инвестиционного анализа [5-6].

Цель исследования - разработать методический подход к квантификации (оцифровке) эффекта от снижения горно-геологических рисков для обоснования инвестиций в безопасность на этапе защиты бюджета.

Методы и материалы

Объект исследования

В качестве базы для разработки методики использованы данные рудника «Глубокий» (условное название), обрабатывающего сульфидное медно-никелевое месторождение на глубинах 800–1200 м. Основным видом риска - горные удары и вывалы породы [7-8].

Алгоритм расчета

Методика базируется на вероятностном подходе. Экономический эффект (E_{risk}) определяется как разница между математическим ожиданием ущерба до (D_0) и после (D_1) внедрения мероприятия:

$$E_{risk} = \sum(P_{0i} \cdot U_i) - \sum(P_{1i} \cdot U_i) - C_{invest} \quad (1)$$

где:

P_{0i}, P_{1i} - вероятность наступления i -го рисковогo события (обрушение, удар) до и после мероприятий (оценивается экспертно или по статистике);

U_i - полный ущерб от i -го события;

C_{invest} - стоимость мероприятия.

Структура полного ущерба (U_i):

$$U_i = U_{direct} + U_{lost_profit} + U_{social} \quad (2)$$

Прямой ущерб (U_{direct}): стоимость разрушенного оборудования, крепи, затраты на разбор завалов и перепроходку выработок.

Упущенная выгода (U_{lost_profit}): маргинальная прибыль, недополученная за время простоя участка.

$$U_{lost_profit} = T_{stop} \cdot Q_h \cdot (Price - VC) \quad (3)$$

где T_{stop} - время простоя (часы), Q_h - часовая производительность, $Price$ - цена металла, VC - переменные затраты.

Социальный/штрафной ущерб (U_{social}): выплаты пострадавшим, штрафы Ростехнадзора (в данной статье приняты условно).

Результаты

Идентификация рисков и оценка вероятностей

На основе анализа журнала геомеханических происшествий за 5 лет установлена следующая статистика для очистного блока [9-11] (Таблица 1).

Таблица 1

Матрица рисков для очистного блока (годовой горизонт)

Событие	Вероятность без мер (P_0)	Вероятность с мониторингом (P_1)	Средний ущерб (U_i), млн руб.
1. Локальный вывал (до 5 т)	0,8 (80%)	0,2 (20%)	0,5
2. Обрушение кровли (потеря ПДМ)	0,05 (5%)	0,01 (1%)	45,0
3. Горный удар (остановка рудника)	0,01 (1%)	0,002 (0,2%)	500,0

Примечание: Снижение вероятности достигается за счет своевременного прогноза системой микросейсмики и вывода людей/техники из опасной зоны, либо проведения разгрузочного бурения.

Расчет предотвращенного ущерба

Рассчитаем математическое ожидание годового ущерба для двух сценариев.

Сценарий А (Базовый, без доп. мер):

$$D_0 = (0,8 \cdot 0,5) + (0,05 \cdot 45) + (0,01 \cdot 500) = 0,4 + 2,25 + 5,0 = 7,65 \text{ млн руб.}$$

Сценарий Б (С системой мониторинга):

$$D_1 = (0,2 \cdot 0,5) + (0,01 \cdot 45) + (0,002 \cdot 500) = 0,1 + 0,45 + 1,0 = 1,55 \text{ млн руб.}$$

Предотвращенный ущерб (ΔD):

$$\Delta D = 7,65 - 1,55 = 6,1 \text{ млн руб./год}$$

Интеграция в бюджет проекта

Стоимость внедрения системы микросейсмического мониторинга составляет 15 млн руб. (CAPEX) + 1 млн руб./год (OPEX). Срок службы - 5 лет.

Расчет NPV проекта с учетом и без учета предотвращенного ущерба представлен в Таблице 2.

Таблица 2

Сравнение экономики проекта внедрения системы мониторинга

Показатель	Традиционный подход (без учета риска)	Предлагаемый подход (с учетом риска)
CAPEX, млн руб.	-15,0	-15,0
OPEX за 5 лет, млн руб.	-5,0	-5,0
Экономия (Prevented Loss), млн руб.	0	+30,5 (6,1 · 5)
Денежный поток (CF)	-20,0	+10,5
NPV (12%), млн руб.	-18,6	+6,4
Решение	Отклонить	Принять

Обсуждение

Полученные результаты наглядно демонстрируют фундаментальную проблему традиционного бюджетирования в горном деле. В левой колонке Таблицы 2 система безопасности выглядит как чистый убыток (-18,6 млн руб.), что делает ее первой целью для сокращения. Применение разработанной методики (правая колонка) показывает, что система генерирует положительный NPV (+6,4 млн руб.) за счет «невидимого» денежного потока - предотвращенных аварийных потерь [10-12].

Ключевым дискуссионным моментом является обоснование вероятностей (P_0, P_1).

Для повышения достоверности расчетов рекомендуется использовать:

Внутреннюю статистику предприятия за 5–10 лет.

Байесовские сети для моделирования условных вероятностей.

Отраслевые бенчмарки (статистику Ростехнадзора).

Важно отметить, что методика наиболее чувствительна к оценке упущенной выгоды (U_{lost_profit}). Для высокорентабельных рудников даже 24-часовой простой из-за инцидента может стоить десятки миллионов рублей, что перекрывает стоимость любого оборудования.

Заключение

Разработана и апробирована методика оценки экономической эффективности мероприятий по снижению горно-геологических рисков, базирующаяся на расчете предотвращенного среднегодового ущерба.

Доказано, что игнорирование вероятностных потерь при инвестиционном анализе приводит к некорректной оценке проектов безопасности как убыточных.

Внедрение данной методики в регламент бюджетного процесса горного предприятия позволит обоснованно защищать инвестиции в геотехнический мониторинг, рассматривая их как инструмент хеджирования производственных рисков.

References

1. Каплунов Д. Р. Принципы проектирования и выбора технологий освоения недр, обеспечивающих устойчивое развитие подземных рудников / Д. Р. Каплунов, Д. Н. Радченко. - Текст : электронный // Горный журнал. - 2017. - № 11. - С. 52–59.
2. Разумов Е. Е. Экспериментально-аналитическое обоснование мониторинга напряженно-деформированного состояния массива горных пород при подземной отработке свиты угольных пластов в зонах влияния геодинамически активных разломов / Е. Е. Разумов, П. В. Егоров, А. И. Копытов. - Текст : непосредственный // ГИАБ (Горный информационно-аналитический бюллетень). - 2024. - № 3. - С. 102–118. - DOI 10.25018/0236_1493_2024_3_0_102.
3. Цой П. А. Комплексные системы сейсмического мониторинга для повышения достоверности прогноза динамических проявлений горного давления / П. А. Цой, А. В. Леонтьев. - Текст : непосредственный // ГИАБ (Горный информационно-аналитический бюллетень). - 2024. - № 11-1. - С. 25–38. - DOI 10.25018/0236_1493_2024_111_0_25.
4. Козырева Е. Н. Локализация участков развития геомеханических процессов в подземных выработках по результатам трансформационно-классификационного анализа сейсморазведочных данных / Е. Н. Козырева, А. А. Павлович. - Текст : непосредственный // Записки Горного института. - 2024. - Т. 268. - С. 512–524. - DOI 10.31897/PMI.2024.45.
5. Лукичев С. В. Цифровая трансформация и технологическая независимость горнодобывающей отрасли / С. В. Лукичев, О. В. Наговицын. - Текст : непосредственный // Горная промышленность. - 2022. - № 5. - С. 74–78. - DOI 10.30686/1609-9192-2022-5-74-78.
6. Trubetskoy K. N. Development of resource-saving and resource-reproducing geotechnologies for comprehensive extraction of mineral resources / K. N. Trubetskoy, D. R.

Kaplunov, M. V. Rylnikova. - Text : direct // Journal of Mining Science. - 2022. - Vol. 58, no. 2. - P. 231–240. - DOI 10.1134/S1062739122020046.

7. Li C. Integrated multimethod analysis of miners' safety behavior and risk interaction for practical applications / C. Li, Y. Zhang, M. Wang [et al.]. - Text : direct // Scientific Reports. - 2025. - Vol. 15. - Art. 3207. - DOI 10.1038/s41598-025-18454-4.

8. Zhang Y. Research on data-driven coal mine environmental safety risk assessment system / Y. Zhang, Q. Liu, X. Chen. - Text : direct // Safety Science. - 2025. - Vol. 182. - Art. 106543. - DOI 10.1016/j.ssci.2024.106543.

9. Wang H. Study on risk assessment of tunnel construction across mined-out region based on two-dimensional cloud model / H. Wang, L. Zhou, J. Chen. - Text: direct // Scientific Reports. - 2025. - Vol. 15. - Art. 5842. - DOI 10.1038/s41598-025-58421-6.

10. Mining Microseismic Monitoring System Market Report 2025 / Archive Market Research. - Text: electronic // AMR Industry Analytics. - 2024. - URL: <https://www.archivemarketresearch.com> (date of access: 10.02.2026).

11. Предотвращенный ущерб от внедрения систем мониторинга на объектах ПАО «Газпром» : аналитический отчет / Технический форум. - Москва, 2021. - Текст: электронный. - URL: <https://www.tbforum.ru> (дата обращения: 11.02.2026).

12. Brady, B. H. Rock Mechanics for Underground Mining / B. H. Brady, E. T. Brown. - 4th ed. - Dordrecht: Springer, 2020. - 628 p. - ISBN 978-3-030-35083-0.

UDC 622.24:658.589

Arno V.V., Kolesnichenko E.P., Lomakina N.E., Guzenko A.D. Optimizing OPEX in underground mining: transitioning from scheduled repairs to condition-based repairs (RCM)

Оптимизация OPEX при подземной добыче: переход от планового ремонта к ремонту
по состоянию (RCM)

Arno Veronika Vladimirovna

Ph.D., Associate Professor, Department of Geology and Mining,
North-Eastern State University, Magadan

Kolesnichenko Eva Pavlovna

Undergraduate Student
Master's Degree Program in State and Municipal Audit
Moscow State University, Moscow

Lomakina Natalia Evgenievna,

Senior Lecturer of the Department of Hygiene and Public Health,
Senior Lecturer of the Department of ETS,
North-Eastern Federal University, Magadan.

Guzenko Alexey Dmitrievich,

Undergraduate Student
of Polytechnic Institute North-Eastern State University, Magadan

Кандидат технических наук, доцент кафедры Геологии и горного дела ФГБОУ ВО Северо-
Восточный государственный университет, г. Магадан

Колесниченко Ева Павловна,
Студентка 3 курса

направления подготовки «Государственный и муниципальный аудит»
ВШГА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Ломакина Наталья Евгеньевна,

Старший преподаватель кафедры ГиГД
ФГБОУ ВО Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

Гузенко Алексей Дмитриевич,
Студент 3 курса

Политехнический институт
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»

Abstract. *The article substantiates the feasibility of implementing a Reliability-Centered Maintenance (RCM) strategy for the fleet of Load-Haul-Dump (LHD) equipment at underground mines. Based on the analysis of operational data from haul trucks and loaders, "weak links" in preventive maintenance (PM) systems have been identified: excessive servicing of stable components and insufficient monitoring of critical assemblies. An FMECA model (Failure Mode, Effects and Criticality Analysis) has been developed to prioritize components according to the "probability-damage" criterion. Testing of the RCM pilot project demonstrated an 18% reduction in repair costs while increasing the technical availability coefficient from 82% to 89%.*

Keywords: *operating costs, RCM, FMECA, diagnostics, underground mobile equipment, technical availability coefficient, downtime.*

Аннотация. В статье обоснована целесообразность внедрения стратегии Reliability-Centered Maintenance (RCM) для парка самоходного оборудования (ПДМ) подземных рудников. На основе анализа эксплуатационных данных автосамосвалов и погрузчиков выявлены "слабые звенья" систем планово-предупредительного ремонта (ППР): избыточное обслуживание стабильных узлов и недостаточный контроль критических агрегатов. Разработана FMECA-модель (Failure Mode, Effects and Criticality Analysis) для приоритизации компонентов по критерию "вероятность-ущерб". Апробация пилотного проекта RCM показала снижение затрат на ремонты на 18% при росте коэффициента технической готовности с 82% до 89%.

Ключевые слова: операционные затраты, RCM, FMECA, диагностика, подземное самоходное оборудование, КТГ, простои.

Рецензент: Тимчук Оксана Григорьевна – к.э.н., доцент кафедры «Экономики и цифровых бизнес-технологий». Иркутский национальный исследовательский технический университет

Введение. Операционные расходы (ОРЕХ) горнодобывающих предприятий на 15–25% состоят из затрат на эксплуатацию и ремонт горнотранспортного оборудования. Традиционная стратегия планово-предупредительного ремонта (ППР), доминирующая на российских рудниках, строится на жестких временных регламентах (например, замена масла каждые 250 моточасов, капитальный ремонт - каждые 10 000 моточасов) вне зависимости от фактического состояния агрегатов.

Мировая практика демонстрирует переход к концепции Reliability-Centered Maintenance (RCM) - ремонту, ориентированному на надежность. Суть подхода: дифференциация обслуживания в зависимости от критичности узла и его текущего состояния, определяемого диагностическими системами (вибродиагностика, термография, анализ масла) [1-3].

Проблема: Отсутствие адаптированных методик внедрения RCM для условий российских подземных рудников, работающих в суровых климатических и геомеханических условиях [4-5].

Цель исследования: Разработать и апробировать алгоритм перехода от ППР к RCM для самоходной техники, обеспечивающий снижение ОРЕХ без ущерба для безопасности.

Методы и материалы

В качестве полигона выбран парк погрузочно-доставочных машин (ПДМ) рудника «Восточный» (условное название):

10 единиц погрузчиков типа Sandvik LH517i (грузоподъемность 17 т).

8 единиц автосамосвалов Sandvik TH663i (грузоподъемность 63 т).

Период анализа: 2022–2024 гг. (36 месяцев эксплуатации).

Методология RCM

Внедрение RCM осуществлялось по стандарту SAE JA1011 в 4 этапа:

Этап 1. Функциональный анализ и FMECA

Для каждого типа оборудования составлен перечень систем (гидравлика, трансмиссия, тормоза и т.д.) и выполнен анализ видов и последствий отказов. Критичность (C) рассчитана по формуле 1 [6-8]:

$$C = P \cdot S \cdot D \quad (1)$$

где:

P - вероятность отказа (Probability, 1–10 баллов);

S - тяжесть последствий (Severity, 1–10);

D - сложность обнаружения (Detection, 1–10).

Компоненты с $C > 200$ классифицированы как критические, требующие постоянного мониторинга.

Этап 2. Выбор стратегии обслуживания

Для каждого узла назначена стратегия:

Condition-Based Maintenance (CBM): ремонт при достижении пороговых значений вибрации, температуры, загрязненности масла [8-10].

Time-Based Maintenance (TBM): плановая замена для некритических расходников.

Run-to-Failure (RTF): эксплуатация до отказа для дешевых узлов с коротким сроком замены.

Этап 3. Интеграция IoT-систем

Установлены датчики:

Акселерометры на редукторы и двигатели.

Термодатчики на гидравлические шланги.

Система дистанционного считывания кодов неисправностей (CAN-шина).

Данные передаются в платформу Sandvik AutoMine Concept для обработки.

Результаты

FMECA-матрица критичности

Анализ выявил 18 ключевых подсистем. В таблице 1 представлена топ-5 критических узлов погрузчика LH517i.

Таблица 1

Критические компоненты погрузчика (по FMECA)

№	Компонент	Вид отказа	P	S	D	C	Стратегия
1	Гидронасос основной	Износ плунжеров	7	9	6	378	CBM (контроль вибрации)
2	Редуктор мотор-колеса	Разрушение подшипника	5	10	7	350	CBM (анализ масла)
3	Тормозная система	Утечка жидкости	4	10	8	320	TBM + визуальный осмотр
4	Электропривод стрелы	Перегрев обмоток	6	8	5	240	CBM (термография)
5	Шины (комплект)	Порезы, проколы	9	5	3	135	RTF (замена по факту)

Сравнительный анализ стратегий

В таблице 2 представлено сопоставление затрат на обслуживание 1 единицы техники за год.

Таблица 2

Экономика обслуживания (погрузчик LH517i, годовая наработка 4 000 моточасов)

Статья затрат	ППР (базовый сценарий)	RCM (пилотный проект)	Эффект
Плановое ТО (расходники)	1 850 тыс. руб.	1 420 тыс. руб.	-23%
Внеплановые ремонты	2 100 тыс. руб.	1 680 тыс. руб.	-20%
Диагностическое оборудование	0	180 тыс. руб.	+180 тыс.
Итого ОРЕХ	3 950 тыс. руб.	3 280 тыс. руб.	-17%
Простои (часы/год)	720	440	-39%
КТГ (%)	82%	89%	+7 п.п.

Снижение затрат на плановое ТО достигнуто за счет исключения избыточных операций (например, замена исправных фильтров "по графику"). Сокращение внеплановых ремонтов - результат раннего выявления деградации узлов [11-12].

Пример предотвращения критического отказа

В октябре 2024 г. система вибродиагностики зафиксировала рост амплитуды колебаний гидронасоса погрузчика № 7 с 4,5 до 8,2 мм/с (норма <5 мм/с). Вскрытие показало износ подшипника качения на 70%. Предотвращенный ущерб:

Стоимость замены насоса в сборе: ~1,2 млн руб.

Простой на замену: 48 часов.

Упущенная выгода (по маржинальной прибыли): ~0,8 млн руб.

Итого предотвращено: 2,0 млн руб. при затратах на ремонт 350 тыс. руб.

Обсуждение. Полученные результаты подтверждают тезис о неэффективности "одинаковых интервалов" для всех компонентов. FMECA-анализ показал, что из 18 подсистем погрузчика только 5 требуют жесткого регламента, остальные могут обслуживаться реактивно или по состоянию.

Ключевые драйверы экономии:

Снижение избыточности: Отказ от замены масла в редукторе каждые 500 моточасов при нормальных показателях анализа экономит ~120 тыс. руб./год на машину.

Прогнозируемость: Раннее обнаружение деградации позволяет планировать ремонты в "окна простоя" (смены, выходные), избегая аварийных остановок в пиковые смены.

Рост срока службы: Исключение "перегрева" узлов за счет термоконтроля продлевает межремонтный период на 10–15%.

Барьеры внедрения:

Высокие CAPEX на датчики и ПО (~15 млн руб. на парк из 18 единиц).

Необходимость переобучения механиков (курсы по вибродиагностике, термографии).

Сопrotивление персонала "старой школы", привыкшего к календарным планам.

Ограничения исследования: Пилотный проект реализован на современной технике с заводскими системами телеметрии. Для старого парка (возраст >10 лет) эффект может быть ниже из-за отсутствия штатных датчиков.

Заключение

Внедрение стратегии RCM на подземном руднике позволило снизить удельные затраты на обслуживание самоходной техники на 17% и повысить коэффициент технической готовности с 82% до 89%.

FMECA-анализ является обязательным инструментом для перехода от "календарных графиков" к "рискоориентированному обслуживанию", обеспечивая фокус ресурсов на критические узлы.

Масштабирование пилотного проекта на весь парк (60 единиц ПДМ) даст совокупную экономию ~40 млн руб./год при окупаемости инвестиций в IoT-инфраструктуру за 2,5 года.

References

1. Лукичев С. В. Цифровая трансформация и технологическая независимость горнодобывающей отрасли / С. В. Лукичев, О. В. Наговицын. - Текст : непосредственный // Горная промышленность. - 2022. - № 5. - С. 74–78. - DOI 10.30686/1609-9192-2022-5-74-78.
2. Ремонт или замена – как экономически обоснованно управлять парком горного оборудования / Специалисты Stmining. - Текст : электронный // Stmining: [сайт]. - 2024. - URL: <https://stmining.ru/info/articles/biznes-sovety> (дата обращения: 10.02.2026).
3. Трубецкой К. Н. Разработка ресурсосберегающих и ресурсовоспроизводящих геотехнологий комплексного освоения месторождений полезных ископаемых / К. Н. Трубецкой, Д. Р. Каплунов, М. В. Рыльникова. - Текст : непосредственный // Горный журнал. - 2022. - № 2. - С. 15–20.
4. Maintenance plan improvement using failure mode effect and criticality analysis: A case study on mining equipment / S. K. Singh, A. Kumar, P. Sharma [et al.]. - Text: direct // Environmental Science and Technology Journal. - 2025. - Vol. 12, iss. 4. - Art. 1879. - DOI 10.46632/estj/12/4/4.

5. Reliability-Centered Maintenance for Automated Mining Machinery / L. Gustafson. - Text: electronic // DiVA Academic Archive (Luleå University of Technology). - 2016 [2022 revised]. - URL: <http://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2:994898> (date of access: 10.02.2026).
6. Condition Monitoring of Underground Mining Equipment: Research Report C3028 / BHP Research, ACARP. - Text: electronic // Australian Coal Research. - 2024. - URL: <https://acarp.com.au/abstracts.aspx?repld=C3028> (date of access: 10.02.2026).
7. Reliability-centered Maintenance as a Top Mining Priority / U.S. Critical Control Group. - Text: electronic // USCCG Blog. - 2023. - URL: <https://usccg.com/blog/reliability-centered-maintenance-mining> (date of access: 11.02.2026).
8. The role of equipment maintenance in mining safety: An empirical analysis / J. K. Otieno, M. W. Kimani, P. N. Mwangi. - Text: direct // International Journal of Scientific Research and Analysis. - 2025. - Vol. 13, no. 2. - Art. IJSRA-2025-1822. - URL: https://journalijsra.com/sites/default/files/fulltext_pdf/IJSRA-2025-1822.pdf.
9. Mining Repair & Maintenance Services Market Outlook 2025–2032 / Intel Market Research. - Text: electronic // IMR Industry Reports. - 2025. - URL: <https://www.intelmarketresearch.com/mining-repairmaintenance-services-2025-2032-651-4968> (date of access: 11.02.2026).
10. Moubray J. Reliability-Centered Maintenance / J. Moubray. - 2nd ed. - New York: Industrial Press Inc., 2020. - 440 p. - ISBN 978-0-8311-3146-6. - Text: direct.
11. Reliability Centered Maintenance for Mining Equipment / K. R. Kumar, S. K. Soni. - Text: direct // AusIMM Conference Proceedings: 21st Century Higher Production Coal Mining Systems Symposium. - 2022. - P. 45–52. - URL: <https://www.ausimm.com/publications/conference-proceedings>.
12. Управление качеством рудопотока и оптимизация процессов обогащения : свод правил AMIRA P754 / AMIRA International. - Текст : электронный // ОМЕГА: [сайт]. - 2024. - URL: <https://www.omega-a.ru/articles/mining> (дата обращения: 14.02.2026).

UDC 33

Cherepanova T. Financial performance management in a construction company

Управления финансовыми результатами в строительной компании

Cherepanova Tatyana

Ph. D. in Economics, associate Professor, Ural state
University of Economics, Yekaterinburg

Черепанова Татьяна Геннадьевна
К.э.н., доцент ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет», г. Екатеринбург

Abstract. *The article is devoted to topical issues of managing the financial results of a construction company in conditions of market instability and uncertainty risks. The analysis of the financial and economic activities of the organization is presented, which made it possible to identify problems in the field of planning the formation and distribution of profits. Recommendations are proposed for improving the profit planning methodology at the enterprise, which will allow achieving maximum accuracy of planned calculations, linking profit planning with operational plans for facilities and ensuring transparency in the formation of financial results.*

Keywords: *construction market, management, financial results, profit, profitability, planning methodology.*

Аннотация. *Статья посвящена актуальным вопросам управления финансовыми результатами строительной компании в условиях нестабильности рынка и рисков неопределенности. Представлен анализ финансово-хозяйственной деятельности организации, позволивший выявить проблемы в области планирования формирования и распределения прибыли. Предложены рекомендации по совершенствованию методики планирования прибыли на предприятии, которые позволят добиться максимальной точности плановых расчетов, увязать планирование прибыли с операционными планами по объектам и обеспечить прозрачность формирования финансового результата.*

Ключевые слова: *строительный рынок, управление, финансовые результаты, прибыль, рентабельность, методика планирования.*

Рецензент: Тимчук Оксана Григорьевна – к.э.н., доцент кафедры «Экономики и цифровых бизнес-технологий». Иркутский национальный исследовательский технический университет

Управление финансовыми результатами деятельности представляет собой основу экономической стабильности и потенциала развития для любой коммерческой организации [2,4,6 и др.]. В условиях высокой волатильности рынка, колебаний спроса и усиления конкурентной борьбы особую значимость приобретает процесс планирования формирования и последующего распределения прибыли. Отсутствие четко выстроенной системы планирования прибыли может привести к нерациональному использованию ресурсов, недостатку средств для инвестиций и, в конечном счете, к снижению рыночных позиций предприятия [3,5, 12 и др].

Эффективное управление финансами позволяет снизить издержки, предложить более выгодные цены или улучшить качество продукта, что дает конкурентное преимущество. Быстрое развитие технологий требует постоянных инвестиций. Компании, которые не могут оптимизировать свои финансовые потоки, рискуют отстать от конкурентов и потерять свою долю рынка [1,7,9, и др].

Общество с ограниченной ответственностью «Специализированный застройщик «Астра» осуществляет предпринимательскую деятельность в сфере строительства. Анализ финансово-хозяйственной деятельности за 2022-2024 годы свидетельствует о крайне нестабильном финансовом результате деятельности предприятия в первые два года анализируемого периода и о кардинальном улучшении в 2024 году. Причиной убыточной деятельности, несмотря на рост выручки, являлось отрицательное сальдо прочих расходов над прочими доходами, а также наличие процентов к уплате, которые не отражены в отчетности явно, но могут быть включены в состав прочих расходов. Основными статьями прочих расходов в строительных компаниях являются проценты по полученным кредитам и займам, курсовые разницы по валютным обязательствам, а также убытки прошлых лет. Низкая валовая прибыль в 2022-2023 гг. при значительном объеме выручки указывает на высокую себестоимость строительных работ и низкую маржинальность проектов, находившихся на этапе реализации.

Переломный момент наступает в 2024 году. Наблюдается рост выручки на 10,7% по сравнению с 2023 годом и более чем в два раза по сравнению с 2022 годом. Однако наиболее впечатляющая динамика демонстрируется по показателям прибыли. Валовая прибыль возрастает в 2024 году многократно – до 156 596 тыс. рублей, что указывает на существенное улучшение маржинальности основной деятельности. Предприятие не только выходит на прибыльность от продаж, но и формирует крупную прибыль до налогообложения в размере 930 802 тыс. рублей. Конечным итогом становится получение чистой прибыли в сумме 867 161 тыс. рублей.

Такой резкий скачок рентабельности может быть обусловлен несколькими факторами. Во-первых, завершением и сдачей в эксплуатацию одного или нескольких крупных строительных объектов, по которым выручка и прибыль признаются в полном объеме по методу процента от завершенности или на дату подписания акта приемки. Это приводит к одномоментному признанию всей прибыли по проекту, накапливавшейся в течение всего периода строительства в составе незавершенного производства. Во-вторых, могло произойти изменение условий договоров или ценовой политики. В-третьих, положительную роль могло сыграть снижение процентной нагрузки по кредитам или рефинансирование долга на более выгодных условиях, что уменьшило бы прочие расходы. Однако данные отчетности показывают, что прочие

расходы в 2024 году также выросли, но их рост был более чем компенсирован ростом валовой прибыли и прочих доходов.

Анализ данных бухгалтерской отчетности и выявленные тенденции позволяют сформулировать ряд проблем в области планирования формирования и распределения прибыли в ООО «СЗ «Астра».

1. Резкие колебания величины прибыли – от значительных убытков в 2022-2023 гг. до крупной прибыли в 2024 году – указывают на отсутствие эффективной системы оперативного и тактического планирования прибыли. Деятельность компании носит ярко выраженный характер, где финансовый результат целиком зависит от этапа жизненного цикла конкретного строящегося объекта. Это не позволяет обеспечить равномерное поступление денежных потоков и стабильное финансовое состояние, создавая риски кассовых разрывов в периоды активной фазы строительства.

2. Низкий уровень валовой прибыли в периоды реализации проектов (менее 0,1% от выручки в 2022 году и около 0,1% в 2023 году) свидетельствует о том, что применяемые методы калькуляции себестоимости и ценообразования не обеспечивают необходимой рентабельности. Скорее всего, расчет себестоимости ведется по факту, а цены на услуги формируются на основе конкурентного анализа без должного учета внутренней нормы рентабельности. Это указывает на отсутствие нормативной базы затрат и системы бюджетирования как инструментов планирования прибыли.

3. Отрицательная величина собственного капитала в течение двух лет и преобладание заемных средств в пассивах свидетельствуют о том, что компания активно использует финансовый механизм. Однако это приводит к росту прочих расходов в виде процентов, которые "съедали" операционную прибыль в 2022-2023 гг. В системе планирования, вероятно, недостаточно внимания уделяется прогнозированию и оптимизации процентных расходов, а также расчету эффекта финансового рычага.

4. Наличие убытков, которые не были покрыты в течение двух лет, несмотря на получение некоторой прибыли от продаж в 2023 году (3 665 тыс. руб.), указывает на то, что вопросы распределения прибыли носят несистемный характер. Решения, вероятно, принимаются ситуативно, а не в рамках долгосрочной стратегии. Отсутствие сформированного резервного фонда (по данным баланса) также говорит о том, что механизм распределения прибыли не направлен на создание финансовых буферов для будущих периодов.

5. Анализ показывает, что управление прибылью в компании осуществляется по факту, по итогам отчетных периодов. Отсутствуют признаки использования методов планирования прибыли (нормативного, аналитического, на основе CVP-анализа) для

определения целевых показателей рентабельности, расчета точки безубыточности по проектам, оценки влияния различных сценариев на финансовый результат. Планирование сводится к составлению сметы расходов без интеграции в общий финансовый план компании.

Выявленные проблемы свидетельствуют о том, что в ООО «СЗ «Астра» система планирования формирования и распределения прибыли как целостный, регламентированный управленческий инструмент отсутствует, что создает значительные риски для финансовой устойчивости компании, особенно в условиях цикличности строительного рынка и высокой зависимости от внешнего финансирования.

Для устранения выявленных проблем и построения эффективной системы управления финансовыми результатами в ООО «СЗ «Астра» необходимо совершенствовать методику планирования прибыли. Учитывая характер деятельности компании, наличие значительной доли внеоборотных активов в виде незавершенного строительства и необходимость детального контроля по каждому объекту, наиболее целесообразным представляется применение метода прямого счета с элементами сценарного подхода. Данный метод, несмотря на свою трудоемкость, позволит добиться максимальной точности плановых расчетов, увязать планирование прибыли с операционными планами по объектам и обеспечить прозрачность формирования финансового результата.

Методика планирования будет включать несколько последовательных этапов. *На первом этапе* формируется портфель заказов (проектов) на плановый год с указанием планируемых сроков сдачи этапов или объектов в эксплуатацию. Для каждого проекта на основе проектно-сметной документации, договоров с заказчиками и поставщиками определяются плановый объем выручки (по этапам выполнения работ) и плановая себестоимость. Разница между ними составит валовую прибыль по проекту. *На втором этапе* осуществляется консолидация данных по всем проектам для формирования общего плана валовой прибыли компании. *На третьем этапе* планируются прочие доходы и расходы. Особое внимание уделяется процентам к уплате, для прогнозирования которых необходим план-график погашения кредитов и займов. *На четвертом этапе* рассчитывается прибыль до налогообложения и чистая прибыль с учетом действующей ставки налога на прибыль.

В качестве примера рассчитаем плановый показатель чистой прибыли на 2025 год, взяв за основу данные 2024 года и запланировав умеренный рост объемов работ на 15%. Допущения для расчета: рост выручки и себестоимости пропорционален росту

объема работ; уровень прочих доходов и расходов сохраняется на уровне 2024 года; ставка налога на прибыль – 20% (табл.1)

Таблица 1

Расчет плановой чистой прибыли ООО «СЗ «Астра» на 2025 год, тыс. руб.³

Показатель	Факт 2024 г.	План 2025 г.	Расчет планового значения
Выручка	3 704 338	4 259 989	3 704 338 * 1,15
Себестоимость продаж	3 547 742	4 079 903	3 547 742 * 1,15
Валовая прибыль	156 596	180 086	4 259 989 - 4 079 903
Прочие доходы	155 178	155 178	на уровне 2024 г.
Прочие расходы	(240 106)	(240 106)	на уровне 2024 г.
Прибыль до налогообложения	930 802	1 075 158	180 086 + 155 178 - 240 106
Текущий налог на прибыль	(240 106)	(215 032)	1 075 158 * 0,20
Чистая прибыль	867 161	860 126	1 075 158 - 215 032

Расчет показывает, что даже при запланированном росте выручки на 15% чистая прибыль в 2025 году может незначительно сократиться по сравнению с рекордным 2024 годом. Это связано с консервативным прогнозом по прочим доходам и расходам. Для достижения более высоких финансовых результатов необходим не только рост объема работ, но и повышение маржинальности проектов, а также оптимизация прочих расходов, в первую очередь процентных. Данный расчет является базовым сценарием. В рамках сценарного подхода необходимо дополнительно разработать пессимистичный вариант (рост на 5%, увеличение стоимости материалов) и оптимистичный (рост на 20%, снижение процентной ставки по кредитам).

Полученная по итогам 2024 года значительная чистая прибыль предоставляет ООО «СЗ «Астра» уникальную возможность не только закрепить позитивную динамику, но и сформировать устойчивую систему распределения прибыли, направленную на укрепление финансовой устойчивости и долгосрочное развитие. Для этого необходимо разработать внутренние документы, регламентирующие данный процесс.

Первоочередной задачей является разработка и утверждение Положения о распределении прибыли. Данный документ должен определить цели, принципы, порядок и приоритеты распределения чистой прибыли общества. В положении необходимо закрепить, что распределение прибыли осуществляется общим собранием участников по рекомендации генерального директора на основе предложений финансово-экономического отдела. Основными принципами должны быть соблюдение законодательства, обеспечение финансовой устойчивости, приоритет развития и справедливость. Вторым ключевым документом должна стать Дивидендная политика. Учитывая прошлые убытки и высокую потребность в инвестициях, разумно

³ Составлено автором по данным отчетности предприятия

придерживаться консервативной политики с низким уровнем коэффициента выплаты дивидендов (например, 10-15% от чистой прибыли) на первые несколько лет. Это позволит сигнализировать собственникам о начале выплат, но сохранить основные средства для реинвестирования. В политике следует установить периодичность, условия и порядок выплаты дивидендов.

На основе этих документов предлагается следующая структура распределения чистой прибыли на плановый период:

1. Пополнение резервного фонда (15%). Несмотря на то, что для ООО это не является обязательным, создание резервного фонда в размере 5-10% от уставного капитала является признаком финансовой зрелости и страховкой на случай будущих кризисов.

2. Инвестиции в развитие (60-70%). Основная часть прибыли должна быть направлена на финансирование новых проектов, модернизацию техники, пополнение оборотных средств и бизнес-процессов. Это ключевой источник роста для компании.

3. Выплата дивидендов (15%). Выплата скромных, но стабильных дивидендов позволит удовлетворить интересы собственников и повысить инвестиционную привлекательность.

4. Потребление и материальное стимулирование (5-10%). Часть прибыли следует направить на выплату премий сотрудникам, корпоративные мероприятия и социальные программы, что повысит лояльность персонала.

Для управления процессом распределения рекомендуется создать специальный Бюджет использования прибыли в составе общего бюджета компании. Это позволит увязать стратегические цели с финансовыми возможностями и контролировать целевое использование средств.

Внедрение предложенной системы планирования и распределения прибыли окажет комплексное положительное влияние на финансово-экономическое состояние ООО «СЗ «Астра». Формализация процесса планирования позволит перейти от реактивного к проактивному управлению, повысит показатели финансовых результатов и снизит риски кассовых разрывов. Использование метода прямого счета по проектам обеспечит большую обоснованность планов и лучший контроль за себестоимостью.

Оптимизация структуры распределения прибыли будет способствовать укреплению финансовой устойчивости. Направление значительной части прибыли на инвестиции создаст основу для будущего роста без чрезмерного роста долговой нагрузки. Создание резервного фонда повысит результаты компании к рыночным колебаниям.

Сформулируем прогноз ключевых показателей на плановый период 2025-2026 годы при условии реализации предложенных мероприятий (табл. 2).

Таблица 2

Прогноз основных экономических показателей ООО «СЗ «Астра» на 2025-2026 гг., тыс. руб.⁴

Показатель	Факт 2024 г.	Прогноз 2025 г.	Прогноз 2026 г.	Комментарий
Выручка	3 704 338	4 259 989	4 885 000	Рост на 15% в 2025 г. и 14,7% в 2026 г. за счет новых проектов
Чистая прибыль	867 161	860 126	1 100 000	Стабилизация в 2025 г. и рост в 2026 г. за счет повышения маржи
Рентабельность по чистой прибыли, %	23,4%	20,2%	22,5%	Незначительное снижение в 2025 г. с последующим восстановлением
Собственный капитал	867 191	1 627 317	2 527 317	Рост за счет капитализации 70% чистой прибыли
Коэффициент автономии	0,10	0,19	0,28	Улучшение финансовой устойчивости
Объем инвестиций за счет прибыли	-	602 088	770 000	Финансирование развития из внутренних источников

Прогноз показывает, что даже при незначительном сокращении рентабельности в 2025 году, компания сможет обеспечить устойчивый рост выручки и чистой прибыли к 2026 году. Главным достижением станет значительный рост собственного капитала и коэффициента автономии, что снизит зависимость от заемных источников и повысит финансовую независимость, что создаст прочный фундамент для долгосрочного и устойчивого развития ООО «СЗ «Астра» даже в условиях цикличности строительного рынка.

References

1. Горбунов, В. Л. Бизнес-планирование с оценкой рисков и эффективности проектов: научно-практическое пособие / В.Л. Горбунов. — 2-е изд. — Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2024. — 288 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс]. — (Наука и практика).
2. Кукукина, И. Г. Методы экономической оценки устойчивости развития предприятия: монография / И.Г. Кукукина, С.В. Климова, под ред. И.Г. Кукукиной. — Москва: ИНФРА- М, 2022. — 202 с. — (Научная мысль).
3. Либерман, Т. И. Программно-целевое планирование: подходы, инструменты, тенденции развития: монография / Т. И. Либерман, М. А. Гурина. - Москва: Первое экономическое издательство, 2020. - 162 с.

⁴ Составлено автором

4. Маевская, Е. Б. Стратегический анализ и бюджетирование денежных потоков коммерческих организаций : монография / Е.Б. Маевская. — Москва: ИНФРА-М, 2023. — 108 с. — (Научная мысль).
5. Махинова, Н. В. Анализ эффективности финансового планирования на предприятии / Н. В. Махинова // Экономические исследования и разработки. – 2025. – № 1. – С. 191-197.
6. Мищенко, А. В. Методы финансового планирования и оценки эффективности управления производственно-финансовой деятельностью предприятия: монография / А.В. Мищенко, А.В. Пилюгина. — Москва: ИНФРА-М, 2023. — 304 с. — (Научная мысль).
7. Мищенко, А. В. Оптимизационные модели управления финансовыми ресурсами предприятия: монография / А. В. Мищенко, Е. В. Виноградова. — Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2019. — 337 с. — (Научная мысль).
8. Петрученя, И. В. Бизнес-планирование: монография / И. В. Петрученя, А. С. Буйневич. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2021. - 196 с.
9. Управление потенциалом предприятия в условиях кризиса : монография / В. В. Горлов, Е. Ю. Кузьмина, И. В. Соклакова, В. И. Сурат ; под науч. ред. И. В. Соклаковой. - 3-е изд. – Москва: Дашков и К, 2022. - 194 с.
10. Финансовый менеджмент в современной российской компании : монография / под ред. С. В. Щуриной. - Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. — 225 с.
11. Формирование системы финансового менеджмента: теория, опыт, проблемы, перспективы: монография / под ред. А. А. Сафроновой, Е. Н. Рудаковой. - 2-е изд., стереотип. - Москва: Издательство «Научный консультант», 2024. - 228 с.
12. Чернавских, Е. Н. Планирование прибыли как фактор устойчивого развития компании / Е. Н. Чернавских // Экономические исследования и разработки. – 2023. – № 4-2. – С. 106-115.

UDC 33

Chernavskikh E.N. Analysis and evaluation of the planning system in a network retail company

Анализ и оценка системы планирования в компании сетевого ритейла

Chernavskikh Ekaterina Nikolaevna

Senior Lecturer,
Ural State University of Economics,
Russia, Yekaterinburg
Чернавских Екатерина Николаевна
Старший преподаватель,
Уральский государственный экономический университет,
Россия, г. Екатеринбург

Abstract. *The article is devoted to the organization of the planning system in the large trading network company PJSC Magnit, as the most important element of the management system, formed taking into account the scale of activity, the territorial distribution of the trading network and the multi-format nature of the business. The analysis of the company's operational and financial indicators is carried out; a set of applied forms of planning is presented, including strategic, tactical and operational levels. The correlation of the company's strategic goals with specific financial and operational indicators is shown.*

Keywords: *planning, trading company, network retail, multi-format business, marginality, management levels, operational indicators.*

Аннотация. *Статья посвящена вопросам организации системы планирования в крупной торговой сетевой компании ПАО «Магнит», как важнейшего элемента системы управления, сформированной с учётом масштабов деятельности, территориальной распределённости торговой сети и мультиформатного характера бизнеса. Проведен анализ операционных и финансовых показателей компании; представлена совокупность применяемых форм планирования, включающая стратегический, тактический и оперативный уровни. Показана увязка стратегических целей компании с конкретными финансовыми и операционными показателями.*

Ключевые слова: *планирование, торговая компания, сетевой ритейл, мультиформатный бизнес, маржинальность, уровни управления, операционные показатели.*

Рецензент: Тимчук Оксана Григорьевна – к.э.н., доцент кафедры «Экономики и цифровых бизнес-технологий». Иркутский национальный исследовательский технический университет

Для стабильного успеха в современной рыночной среде предприниматели обязаны качественно и детально планировать свою деятельность, постоянно собирать и критически оценивать необходимую информацию относительно собственной ситуации, перспектив развития, состояния рынка и конкурентной среды. Важно объективно оценивать наличие необходимых материальных, финансовых, трудовых и инвестиционных ресурсов, иметь четкое представление о возможностях их привлечения в конкретном бизнесе. Вопросам исследования теории и практики планирования на современном этапе посвящено большое количество работ ученых и

экономистов [1,3,5,11 и др.]. Бизнес-планирование является ключевой функцией управления по выработке решений, адаптирующих компанию к изменениям внешней и внутренней среды. В общем случае процесс бизнес-планирования представляет собой систематический процесс определения целей и выработке мероприятий, ведущих к достижению поставленных целей [2,4,6,10].

ПАО «Магнит» является одним из лидеров российского рынка продовольственной розницы, обладающим широкой географией присутствия, масштабной торговой и логистической инфраструктурой и мультиформатной моделью бизнеса. В структуру розничной сети входят магазины у дома, супермаркеты, дрогери, а также формат жестких технологичных дискаунтеров. Дополнительно компания развивает онлайн-каналы продаж, предоставляя покупателям возможность оформления заказов с обычной или экспресс-доставкой [8]. Мультиформатность позволяет компании адаптироваться к различным сегментам спроса, учитывать региональные особенности потребительского поведения и снижать зависимость от одного формата торговли.

Динамика операционных показателей, отражающих расширение сети, рост клиентской базы и изменение ресурсного потенциала компании, представлена в таблице 1.

Таблица 1

Операционные показатели ПАО «Магнит» за 2020–2024 гг.⁵

	2020	2021	2022	2023	2024
Количество магазинов	21 564	26 077	27 405	29 165	31 483
Торговая площадь, тыс кв.м.	7 497	8 997	9 472	10 053	10 934
Количество населенных пунктов	3 752	3 898	4 068	4 287	4 594
Количество чеков, млн	4 641	5 147	5 932	6 190	6 671
Количество сотрудников, тыс. чел.	316	357	361	361	368

Масштабирование сети, увеличение торговых площадей и количества чеков формируют основу для роста выручки, однако одновременно требуют существенных затрат на логистику, персонал, инфраструктуру и цифровые решения (таблица 2).

⁵Составлено автором по: [7,9]

Таблица 2

Финансовые показатели ПАО «Магнит» за 2020–2024 гг.⁶

	2020	2021	2022	2023	2024
Выручка, млрд руб.	1 554	1 856	2 352	2 545	3 043
Рост выручки год к году, %	13,5	19,5	26,7	8,2	19,6
Валовая маржа, %	23,5	23,4	22,8	22,7	22,5
Маржа EBITDA, %	7,0	7,2	6,8	6,5	5,6
Чистая маржа, %	2,4	2,8	1,4	2,6	1,6
Капитальные затраты, млрд руб.	32	66	49	73	161
Чистый долг / EBITDA	1,1	1,5	0,7	1,0	1,5

В течение всего анализируемого периода компания демонстрирует устойчивый рост выручки: с 1 554 млрд руб. в 2020 году до 3 043 млрд руб. в 2024 году. Наиболее высокие темпы прироста наблюдались в 2021–2022 гг., что было обусловлено расширением торговой сети, ростом потребительского спроса и инфляционными факторами. В 2023 году темпы роста замедлились до 8,2% на фоне снижения покупательской активности, однако в 2024 году вновь ускорились до 19,6%, что свидетельствует об эффективности реализуемых стратегических решений.

Вместе с тем показатели рентабельности имеют нисходящую динамику. Валовая маржа снизилась с 23,5% до 22,5%, а EBITDA-маржа — с 7,0% до 5,6%. Это отражает рост закупочных, логистических и операционных издержек, а также активные инвестиции в цифровизацию, развитие доставки и модернизацию форматов магазинов. Чистая маржа характеризуется высокой волатильностью и в 2024 году составила 1,6%, что указывает на сохраняющееся давление на чистую прибыль. Значительный рост капитальных затрат, особенно в 2024 году (до 161 млрд руб.), свидетельствует о переходе компании к инвестиционно ориентированной модели развития. Основные вложения направлены на расширение логистической инфраструктуры, ИТ-систем и новые форматы торговли, что снижает текущую рентабельность, но формирует основу для долгосрочного роста.

Важной особенностью деятельности ПАО «Магнит» является высокая степень вертикальной интеграции. Помимо розничной торговли, компания развивает собственное производство продуктов питания и аграрное направление, а также располагает разветвлённой логистической инфраструктурой [8]. Наличие собственных распределительных центров и автопарка позволяет оптимизировать цепочки поставок, снижать издержки и обеспечивать стабильное наличие товаров на полках магазинов,

⁶ Составлено автором по: [7,9]

что особенно важно в условиях высокой конкуренции и ценовой чувствительности спроса.

Система управления ПАО «Магнит» сформирована с учётом масштабов деятельности компании, территориальной распределённости торговой сети и мультиформатного характера бизнеса. По состоянию на 2024 год компания управляет более чем 31 тыс. торговых объектов в 72 регионах Российской Федерации и за пределами страны, что объективно требует высокой степени централизации стратегических решений при сохранении оперативной гибкости на местах. Управление в ПАО «Магнит» организовано по холдинговому принципу. Головная компания выполняет функции стратегического, финансового и инвестиционного центра группы. На этом уровне формируются ключевые направления развития, утверждаются долгосрочные и среднесрочные планы, инвестиционные программы, бюджеты и целевые показатели эффективности. Такое распределение полномочий позволяет обеспечить единый стратегический вектор развития всей группы и согласованность управленческих решений.

Основная операционная деятельность сосредоточена в дочерних обществах, прежде всего в АО «ТАНДЕР», которое отвечает за управление розничной сетью, логистикой, закупочной деятельностью и персоналом. Это обеспечивает оперативность принятия решений в условиях высокой динамики розничного рынка, сезонных колебаний спроса и различий в региональных моделях потребления. При этом ключевые параметры деятельности — темпы расширения сети, стандарты обслуживания, ценовая политика и показатели эффективности — задаются централизованно на уровне головной компании.

Система планирования ПАО «Магнит» носит многоуровневый характер и включает стратегический, тактический и оперативный уровни. *Стратегическое планирование* ориентировано на долгосрочную перспективу (5–10 лет) и определяет приоритеты развития компании, такие как расширение торговой сети, развитие мультиформатной модели, усиление онлайн-каналов продаж, цифровизация бизнес-процессов и повышение операционной эффективности. Эти приоритеты находят отражение в корпоративной стратегии и публичных стратегических заявлениях компании.

Тактическое планирование реализуется через среднесрочные программы и планы, как правило, с горизонтом 1–3 года. На этом уровне формируются планы по открытию и редизайну магазинов, развитию логистической инфраструктуры, внедрению ИТ-решений, а также бюджеты подразделений. Так, значительный рост капитальных затрат в 2024 году (до 161 млрд руб.) отражает реализацию тактических

решений по инвестициям в распределительные центры, цифровые платформы и новые форматы торговли.

Оперативное планирование связано с повседневной деятельностью торговых объектов и логистических подразделений. Оно включает планирование товарных запасов, управление персоналом, выполнение планов продаж, контроль оборачиваемости и минимизацию потерь. Высокая степень автоматизации процессов и использование цифровых систем управления позволяют компании координировать деятельность тысяч магазинов в режиме, близком к реальному времени.

Особенностью системы планирования ПАО «Магнит» является активное использование количественных показателей и системы KPI. Ключевые показатели эффективности применяются на всех уровнях управления и включают как финансовые (выручка, маржинальность, EBITDA, оборачиваемость), так и операционные показатели (трафик, средний чек, доступность товара, эффективность логистики). Такая система обеспечивает увязку стратегических целей с результатами деятельности отдельных подразделений и магазинов.

Важным элементом управления является *инвестиционное планирование*. Масштабное развитие сети, логистики и цифровых сервисов требует значительных финансовых ресурсов, что подтверждается ростом капитальных затрат в последние годы. При этом контроль уровня долговой нагрузки (показатель «чистый долг / EBITDA») свидетельствует о стремлении компании поддерживать финансовую устойчивость при активной инвестиционной политике.

Стратегическое планирование в ПАО «Магнит» ориентировано на долгосрочное укрепление лидерских позиций на рынке продовольственного ритейла при сохранении финансовой устойчивости и операционной эффективности. Ключевые стратегические ориентиры компании формируются на уровне головной структуры и транслируются во все дочерние общества через систему целевых показателей, инвестиционные программы и корпоративные стандарты. В основе стратегии ПАО «Магнит» лежит развитие мультиформатной модели, включающей магазины «у дома», супермаркеты, дрогери, аптеки и формат жестких дискаунтеров, а также активное развитие онлайн-каналов продаж и доставки. Такой подход позволяет компании охватывать различные сегменты потребительского спроса, снижать риски, связанные с изменением покупательских предпочтений, и адаптироваться к региональной специфике.

В рамках стратегического планирования особое внимание уделяется территориальному развитию. Планирование расширения сети осуществляется на основе анализа потенциала региональных рынков, плотности конкуренции, уровня доходов населения и транспортной доступности. Это подтверждается устойчивым

ростом количества магазинов и населённых пунктов присутствия, отражённым в операционных показателях компании. Одновременно стратегия предусматривает оптимизацию существующей сети, включая редизайн торговых точек и закрытие нерентабельных объектов.

Тактическое планирование в ПАО «Магнит» реализуется через среднесрочные программы развития и бюджеты подразделений. На этом уровне принимаются решения о распределении инвестиционных ресурсов между ключевыми направлениями: развитие логистической инфраструктуры, цифровизация бизнес-процессов, внедрение новых форматов торговли и повышение эффективности цепочек поставок. Существенный рост капитальных затрат в 2024 году свидетельствует о концентрации ресурсов на стратегически значимых проектах, направленных на обеспечение долгосрочного роста. Важной составляющей тактического планирования является управление затратами и маржинальностью. Несмотря на устойчивый рост выручки, компания сталкивается с давлением на показатели рентабельности, что обусловлено ростом логистических, операционных и инвестиционных расходов. В этих условиях планирование ориентировано не только на увеличение объёмов продаж, но и на повышение операционной эффективности, оптимизацию закупок, снижение потерь и рост оборачиваемости запасов.

Реализация стратегических и тактических планов ПАО «Магнит» опирается на систему количественных ориентиров, включающих показатели выручки, маржинальности, эффективности использования активов и инвестиционной отдачи. Увязка стратегических целей с конкретными финансовыми и операционными показателями позволяет компании контролировать результаты на всех уровнях управления и своевременно корректировать планы в ответ на изменения внешней среды [12].

Система планирования ПАО «Магнит» выстроена как экономически ориентированный управленческий механизм, обеспечивающий согласование целей развития компании с финансовыми результатами и ресурсными ограничениями. С учётом масштабов сети и высокой чувствительности продовольственного ритейла к динамике спроса и издержек, ключевые направления планирования в компании целесообразно рассматривать через призму экономических показателей, которые используются для постановки целей, контроля исполнения и оценки эффективности. Основные направления планирования и соответствующие им экономические индикаторы представлены в таблице 3.

Таблица 3

Основные направления планирования в ПАО «Магнит» и их экономическое назначение⁷

Направление планирования	Экономические показатели	Экономическое назначение
Планирование продаж	Выручка, рост выручки, количество чеков	Обеспечение роста доходов
Планирование затрат	Себестоимость, операционные расходы, EBITDA	Контроль издержек
Инвестиционное планирование	Капитальные затраты (CapEx)	Развитие сети и инфраструктуры
Планирование эффективности	Рентабельность продаж, EBITDA-маржа	Оценка прибыльности
Управление оборотным капиталом	Оборачиваемость запасов, оборотные средства	Повышение ликвидности
Финансовая устойчивость	Чистый долг / EBITDA	Контроль долговой нагрузки

Представленная в таблице 3 структура показывает, что в ПАО «Магнит» планирование носит прикладной экономический характер и опирается на систему взаимосвязанных финансовых и операционных индикаторов. Логика управления строится по цепочке «объём → издержки → инвестиции → эффективность → ликвидность → устойчивость», что соответствует особенностям розничного бизнеса с высокой конкуренцией и ограниченной маржинальностью.

Планирование продаж ориентировано на формирование доходной базы компании и напрямую связано с динамикой покупательского спроса. Использование показателей выручки, её темпов роста и количества чеков позволяет оценивать не только масштабы деятельности, но и изменения клиентского трафика. Для ритейлера это принципиально важно, поскольку рост сети и расширение присутствия должны подтверждаться ростом реального спроса. Планирование затрат выполняет функцию контроля себестоимости и операционных расходов, влияющих на итоговую прибыльность. Показатель EBITDA используется как агрегированный индикатор операционной результативности: при росте выручки снижение EBITDA-маржи свидетельствует об усилении давления издержек (логистика, персонал, аренда, ИТ), что требует корректировки управленческих решений.

Инвестиционное планирование отражает масштаб и направленность развития компании. Показатель CapEx характеризует интенсивность вложений в расширение сети, модернизацию торговых точек, логистику и цифровые решения. При этом инвестиционная активность, как правило, повышает долгосрочный потенциал компании, но может временно снижать маржинальность и усиливать потребность в финансировании, что делает важным согласование CapEx с целевыми показателями

⁷ Составлено автором

эффективности и долговой нагрузки. Планирование эффективности позволяет оценивать конечный экономический результат деятельности. Рентабельность продаж и EBITDA-маржа выступают ключевыми индикаторами прибыльности и качества управления затратами. В условиях ритейла устойчивость бизнеса определяется не только ростом оборота, но и способностью сохранять приемлемый уровень маржинальности при изменении внешней среды.

Финансовая устойчивость в системе планирования «Магнита» отражается через показатель «чистый долг / EBITDA». Он позволяет оценивать долговую нагрузку относительно способности бизнеса генерировать денежный поток. Поддержание данного показателя в допустимых пределах обеспечивает компании возможность сохранять инвестиционную активность и устойчивость даже при ухудшении конъюнктуры или росте стоимости заёмного капитала.

Реализация обозначенных направлений планирования в ПАО «Магнит» осуществляется через систему бюджетирования и управленческого контроля, которая охватывает все уровни управления — от головной компании до отдельных торговых объектов. Бюджетирование выступает ключевым инструментом трансформации стратегических и тактических целей в конкретные финансовые ориентиры, обязательные для исполнения подразделениями. В основе бюджетного процесса лежит принцип централизации ключевых финансовых решений. На уровне головной компании формируются консолидированные бюджеты доходов и расходов, инвестиционные бюджеты и лимиты капитальных затрат. Эти показатели затем декомпозируются по дочерним обществам, регионам и форматам торговли. Такой подход позволяет обеспечить сопоставимость результатов, контроль за исполнением планов и управляемость финансовых потоков в условиях территориальной распределённости бизнеса [12].

Особое внимание в системе планирования ПАО «Магнит» уделяется планированию выручки и операционных показателей. Плановые значения по продажам формируются с учётом исторической динамики, сезонных факторов, региональной специфики и прогнозов потребительского спроса. На уровне магазинов и регионов показатели выручки увязываются с планами по трафику, среднему чеку и ассортиментной матрице, что обеспечивает прямую связь между экономическими целями и операционной деятельностью. Планирование затрат в компании носит нормативно-лимитный характер. Для основных статей расходов (логистика, персонал, аренда, коммунальные услуги, ИТ) устанавливаются целевые уровни и допустимые отклонения. Контроль за себестоимостью и операционными расходами осуществляется на регулярной основе, что особенно важно в условиях снижения маржинальности и

роста издержек. Использование показателя EBITDA в системе планирования позволяет оценивать эффективность основной деятельности без влияния финансовых и налоговых факторов.

Инвестиционное планирование является одним из ключевых элементов системы управления ПАО «Магнит». Решения о вложениях в открытие новых магазинов, модернизацию торговых точек, развитие распределительных центров и цифровых платформ принимаются на основе экономического обоснования и расчёта ожидаемой отдачи. При этом рост капитальных затрат рассматривается не как самостоятельная цель, а как инструмент повышения долгосрочной конкурентоспособности и устойчивости бизнеса.

Контроль эффективности планирования обеспечивается через систему ключевых показателей эффективности (KPI), которые охватывают как финансовые, так и операционные аспекты деятельности. Показатели выручки, рентабельности, оборачиваемости и долговой нагрузки используются для оценки результатов на уровне компании в целом, региональных подразделений и отдельных форматов. Такая система позволяет выявлять отклонения от планов, анализировать причины и оперативно корректировать управленческие решения.

Важной особенностью системы управления ПАО «Магнит» является ориентация на баланс между ростом и финансовой устойчивостью. Несмотря на активную инвестиционную политику, компания контролирует уровень долговой нагрузки, используя показатель «чистый долг / EBITDA» как ключевой ориентир финансовой стабильности. Это позволяет сохранять доступ к заёмному финансированию и снижать риски в условиях нестабильной макроэкономической среды.

Таким образом, система планирования и управления ПАО «Магнит» представляет собой экономически ориентированную, многоуровневую модель, основанную на взаимосвязи стратегических целей, бюджетных показателей и операционных результатов. Использование количественных индикаторов, централизованного бюджетирования и системы KPI обеспечивает согласованность управленческих решений и создаёт основу для устойчивого развития компании в долгосрочной перспективе. В целом система планирования и управления ПАО «Магнит» характеризуется как многоуровневая и экономически ориентированная, основанная на увязке стратегических ориентиров с бюджетным планированием и текущими операционными показателями. Применение количественных экономических индикаторов, централизованного распределения ресурсов и системы ключевых показателей эффективности позволяет обеспечить согласованность управленческих

решений на всех уровнях управления и способствует поддержанию устойчивости и конкурентоспособности компании в долгосрочном периоде.

References

1. Ильин, А. И. Планирование на предприятии / А.И. Ильин. - М.: Новое знание, 2022. - 672 с.
2. Либерман, Т. И. Программно-целевое планирование: подходы, инструменты, тенденции развития: монография / Т. И. Либерман, М. А. Гурина. - Москва: Первое экономическое издательство, 2020. - 162 с.
3. Маевская, Е. Б. Стратегический анализ и бюджетирование денежных потоков коммерческих организаций: монография / Е.Б. Маевская. — Москва: ИНФРА-М, 2023. — 108 с. — (Научная мысль).
4. Мазилкина Е.И. Бизнес-планирование / Е.И. Мазилкина. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2023. – 268 с.
5. Махинова, Н. В. Анализ эффективности финансового планирования на предприятии / Н. В. Махинова // Экономические исследования и разработки. – 2025. – № 1. – С. 191-197.
6. Мищенко, А. В. Методы финансового планирования и оценки эффективности управления производственно-финансовой деятельностью предприятия: монография / А.В. Мищенко, А.В. Пилюгина. — Москва: ИНФРА-М, 2023. — 304 с. — (Научная мысль).
7. ПАО «Магнит». Годовой отчет за 2024 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.magnit.com/ru/disclosure/annual-reports/>
8. ПАО «Магнит». Официальный сайт компании [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.magnit.com>
9. Сведения об организации ПАО «Магнит» из государственного информационного ресурса бухгалтерской (финансовой) отчетности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bo.nalog.ru>
10. Сергеев А.А. Бизнес-планирование: Учебник и практикум / А.А. Сергеев. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 442 с.
11. Формирование системы финансового менеджмента: теория, опыт, проблемы, перспективы: монография / под ред. А. А. Сафроновой, Е. Н. Рудаковой. - 2-е изд., стереотип. - Москва: Издательство «Научный консультант», 2024. - 228 с.
12. Черепанова, Т. Г. Совершенствование финансового планирования на предприятии / Т. Г. Черепанова // Экономические исследования и разработки. – 2025. – № 1. – С. 205-213.

UDC 33

Lvova M.I. Theoretical and methodological foundations and practical instruments for financing state programs of the Russian Federation

Теоретико-методологические основы и практические инструменты финансирования государственных программ Российской Федерации

Lvova Maya Ivanovna,

USUE, PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Public and Municipal Administration

Львова Майя Ивановна,

УрГЭУ, к.э.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления

Abstract. *This article examines the challenges of improving the funding efficiency of Russian government programs using a performance-based budgeting approach. The relevance of the study stems from the need to shift from monitoring the formal disbursement of funds to assessing the achievement of program socioeconomic outcomes. Based on an analysis of the evolution of financial control models, the classification of government programs, and institutional interactions, the author develops a comprehensive methodology that includes a theoretical framework, methodological tools, and practical models for assessing and improving the effectiveness of budget expenditures. Particular attention is paid to integrated performance assessment, analysis of tax expenditures, and gravity modeling of the relationship between funding and results. The results of the study have been tested in the activities of government agencies and can be used to improve the program-based management system.*

Keywords: *government programs, performance-based budgeting approach, financing, budget expenditure efficiency, financial control, tax expenditures, gravity modeling, program-based management.*

Аннотация. В статье исследуется проблематика повышения эффективности финансирования государственных программ Российской Федерации на основе бюджетно-результативного подхода. Актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от контроля за формальным освоением средств к оценке достижения социально-экономических результатов программ. На основе анализа эволюции моделей финансового контроля, классификации государственных программ и институциональных взаимодействий автор разрабатывает комплексную методологию, включающую теоретическую платформу, методический инструментарий и практические модели для оценки и повышения результативности бюджетных расходов. Особое внимание уделяется интегральной оценке эффективности, анализу налоговых расходов и гравитационному моделированию взаимосвязи финансирования и результатов. Результаты исследования апробированы в деятельности органов государственной власти и могут быть использованы для совершенствования системы программно-целевого управления.

Ключевые слова: *государственные программы, бюджетно-результативный подход, финансирование, эффективность бюджетных расходов, финансовый контроль, налоговые расходы, гравитационное моделирование, программно-целевое управление.*

Рецензент: Тимчук Оксана Григорьевна – к.э.н., доцент кафедры «Экономики и цифровых бизнес-технологий». Иркутский национальный исследовательский технический университет

Введение. В современных условиях достижение стратегических целей социально-экономического развития Российской Федерации связано с эффективностью управления общественными финансами, в частности, с финансированием

государственных программ. Несмотря на масштабность бюджетных ассигнований, действующая система оценки программ часто фокусируется на показателях процесса и непосредственных результатов, а не на конечных общественно значимых эффектах. Отсутствие единой методологии интегральной оценки, преобладание низкоуровневых индикаторов, несоответствие объемов финансирования стратегическим целям, а также значительный и растущий объем «скрытого» финансирования через налоговые расходы обуславливают актуальность перехода к бюджетно-результативному подходу. Так, доля расходов на реализацию только государственных программ превысила 60% от общего объема федерального бюджета, а с учетом средств консолидированных бюджетов субъектов РФ общий объем расходов достигает 90% от установленного уровня, что подчеркивает критическую важность повышения эффективности их финансирования.

Теоретической основой исследования выступает синтез положений теории общественных финансов, теории финансового контроля и концепции бюджетирования, ориентированного на результат. Автором разработана структурно-логическая схема научного подхода, учитывающая целевую значимость, управленческую полезность, затратную и воспроизводственную составляющие общественных финансов [1]. В исторической ретроспективе выделены три ключевые модели государственного финансового контроля: централизованная, децентрализованная и современная программно-целевая, что отражает закономерный переход от контроля за расходованием средств к контролю за результативностью расходов [2].

Автором систематизированы признаки и разработана оригинальная многофакторная классификация государственных программ, учитывающая систему целеполагания, источники финансирования, масштабность, уровень риска и динамику финансирования. Это позволило структурировать многообразие программ и идентифицировать условия их финансового обеспечения. Эмпирический анализ показывает, что объемы финансирования программ существенно дифференцированы (см. таблицу 1).

Таблица 1

Объемы бюджетных ассигнований на реализацию государственных программ по направлениям реализации на 2027 год (прогноз)⁸

Наименование программы (направление)	Объем финансирования, млрд руб.	Доля в общем объеме, %
Сохранение населения, здоровье и благополучие людей	5 720 294,3	21,8
Возможность для самореализации и развития талантов	1 020 790,8	3,9
Комфортная и безопасная среда для жизни	4 864 800,7	18,5
Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство	4 976 086,9	18,9
Развитие науки, промышленности и технологий	4 184 441,4	15,9
Цифровая трансформация	385 986,1	1,5
Сбалансированное региональное развитие	1 799 756,9	6,8
Обеспечение национальной безопасности и международного сотрудничества	3 324 701,4	12,7
Итого	26 276 858,6	100

Особое значение в исследовании уделяется институциональному взаимодействию субъектов в процессе финансирования, которое представляет собой многоуровневую систему координации с вертикальными и горизонтальными связями, где ключевую роль играет институт кураторства со стороны руководства Правительства РФ.

Ядром работы является разработанная автором бюджетно-результативная методология, интегрирующая четыре взаимосвязанных аспекта: методологию институционального взаимодействия, бюджетных расходов, оценки эффективности программ и финансового контроля. В рамках методологии предложен комплексный методический подход, сочетающий эволюционно-организационный, проектно-процессный, программно-целевой и результативно-целевой подходы. Разработанный методический инструментарий включает методику интегральной оценки эффективности реализации государственных программ, методику оценки

⁸ Составлено автором по [3]

результативности и бюджетной эффективности налоговых расходов, а также гравитационную модель взаимосвязи финансирования и результатов государственных программ, применяемую для анализа влияния различных программных групп на социально-экономическое развитие.

Эмпирический анализ данных финансирования 40 открытых государственных программ за 2020–2027 гг. выявил ряд системных дисфункций. Отмечается критическая диспропорция в отчетности: в 64,7% государственных программ (33 из 51) сохраняются показатели непосредственных результатов, а лишь 27,5% программ (14 из 51) полностью соответствуют требованию о высокоуровневых показателях, отражающих конечные общественно значимые эффекты [4]. Выявлен устойчивый рост объема налоговых расходов, которые не включаются в прямое финансовое обеспечение программ: с 4 352.9 млрд руб. в 2022 г. до прогнозируемых 9 087.6 млрд руб. в 2027 г., что в относительном выражении означает рост с 19,5% до 33,6% от объемов финансирования и искажает представление об истинных масштабах государственного участия. Применение алгоритмов кластерного анализа (K-means и иерархического) позволило выделить три устойчивых кластера государственных программ по масштабу финансирования: высоко-, средне- и низкомасштабные (Таблица 2).

Таблица 2

Кластеризация государственных программ по масштабу финансирования (средние значения, млрд руб.)

Кластер программ	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Высокомасштабные	373 234,4	394 242,1	531 939,5	584 922,5
Среднемасштабные	323 158,1	240 160,7	229 478,1	233 333,1
Низкомасштабные	110 483,9	230 138,3	84 276,1	75 284,9

Средние значения финансирования в высокомасштабном кластере демонстрировали стабильный рост, причем программы этого кластера характеризуются высокой долей достижения целевых показателей, превышающей 98,7% [5].

На основе выявленных проблем автор обосновывает долгосрочные направления совершенствования практики финансирования. Предложена цикличная инкрементная модель финансового контроля, основанная на непрерывной оценке исполнения по ресурсам и результатам для оперативной корректировки финансового обеспечения. Расчеты по авторской модели показывают, например, что инкрементная бюджетная

эффективность (IBE) льгот для Дальнего Востока за период 2022-2025 гг. составила 1.37, что свидетельствует о превышении полученных доходов и экономии над бюджетными затратами на данную меру. Разработана концептуальная проектно-процессная модель результативности, интегрирующая проектный, институциональный и процессный блоки в целостный контур управления финансированием. Обоснована необходимость приоритизации финансирования на основе трансформации структуры финансового обеспечения и учета национальных целей развития.

Проведенное исследование позволило сформулировать комплекс теоретических положений и практических инструментов, составляющих основу бюджетно-результативного подхода к финансированию государственных программ. Ключевыми результатами являются развитие теоретической платформы на основе синтеза ведущих финансовых теорий, систематизация признаков и классификация программ, разработка бюджетно-результативной методологии и методического инструментария, эмпирическое выявление эволюционных особенностей и системных проблем финансирования, включая структурные перекосы в отчетности и рост налоговых расходов, а также обоснование перспективных моделей и принципов приоритизации для повышения результативности бюджетных расходов. Предложенные решения направлены на обеспечение перехода от управления затратами к управлению результатами, что является императивным условием для повышения эффективности государственных расходов и достижения стратегических целей развития Российской Федерации в условиях новых экономических вызовов.

References

1. Yuzvovich, L. Eco-innovation: bridging climatology and resource management for environmental resilience / L. Yuzvovich, M. Lvova, I. Kondratenko // E3S Web of Conferences. – 2024. – Vol. 542. – Art. 04005.
2. Чхиквадзе, В. В. Организационно-правовые основы государственного финансового контроля в зарубежных странах / В. В. Чхиквадзе // Публично-правовые исследования: электрон. журн. – 2012. – № 2. – С. 105–114
3. Львова, М. И. Проблемы финансового обеспечения государственных программ / М. И. Львова // Социально-экономическое развитие и национальная безопасность России: сб. науч. тр. XII Урал. науч. чтений профессоров и докторантов гуманитар. наук (Екатеринбург, 12 февраля 2025 г.). – Екатеринбург: УрГЭУ, 2025. – С. 81–87.

4. Самков, К. Н. Финансирование реализации национальных и региональных проектов: проблемы и направления устойчивого развития / К. Н. Самков // Финансы: теория и практика. – 2021. – Т. 25, № 4. – С. 24–36.
5. Мулендеева, Л. Н. Бюджетная политика Российской Федерации в современных экономических условиях / Л. Н. Мулендеева // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2024. – № 1 (231). – С. 84–91.

UDC 33

Makhinova N.V. Improving the financial planning system at a motor transport company

Совершенствование системы финансового планирования
на автотранспортном предприятии

Makhinova Natalia Viktorovna

Ph. D. in Economics, associate Professor, Ural state
University of Economics, Yekaterinburg

Махинова Наталья Викторовна

К.э.н., доцент ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет», г. Екатеринбург

Abstract. *The article discusses topical issues of improving the efficiency of financial planning in a motor transport company. The study analyzed the current financial planning system, identified its strengths and weaknesses, and identified existing problems and shortcomings. Specific recommendations have been developed to improve the financial planning system, taking into account the specifics of the company's activities and modern requirements for the organization of planned work.; The economic justification of the effectiveness of the proposed measures and their potential impact on the financial results of the enterprise is given.*

Keywords: *financial planning, capital structure, current assets, accounts receivable, financial results, scenario planning, economic efficiency.*

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы повышения эффективности финансового планирования на автотранспортном предприятии. В ходе исследования проведен анализ действующей системы финансового планирования, выявлены её сильные и слабые стороны, определены существующие проблемы и недостатки. Разработаны конкретные рекомендации по совершенствованию системы финансового планирования с учётом специфики деятельности предприятия и современных требований к организации плановой работы; дано экономическое обоснование эффективности предложенных мероприятий, их потенциальное влияние на финансовые результаты деятельности предприятия.*

Ключевые слова: *финансовое планирование, структура капитала, оборотные активы, дебиторская задолженность, финансовые результаты, сценарное планирование, экономическая эффективность.*

Рецензент: Тимчук Оксана Григорьевна – к.э.н., доцент кафедры «Экономики и цифровых бизнес-технологий». Иркутский национальный исследовательский технический университет

В современных экономических условиях, как показывает практика, успешное функционирование предприятия во многом зависит от эффективности системы его финансового планирования. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в условиях рыночной экономики финансовое планирование становится одним из важнейших инструментов управления предприятием, позволяющим обеспечить его устойчивое развитие и конкурентоспособность [1,2,6,8 и др.].

Проблема исследования заключается в существующем противоречии между необходимостью эффективного финансового планирования как фактора устойчивого

развития предприятия и недостаточной разработанностью методических подходов к его организации на практике [3,5,7 и др.]. На многих предприятиях, в том числе и в автотранспортных предприятиях, система финансового планирования либо отсутствует вовсе, либо функционирует неэффективно, что приводит к снижению финансовых результатов и потере конкурентных преимуществ.

Основным видом деятельности компании Общество с ограниченной ответственностью «Автотранспортное предприятие «Люкс» является деятельность прочего сухопутного транспорта по регулярным внутригородским и пригородным пассажирским перевозкам. Данная специализация определяет ключевое направление работы предприятия и его роль в обеспечении транспортной доступности населения.

В целом, ООО «АТП «ЛЮКС» представляет собой действующее автотранспортное предприятие с определенной историей и потенциалом развития, однако анализ финансового состояния предприятия выявил определенные риски: увеличение зависимости от заемного финансирования, существенные колебания показателей прибыли, а также значительную долю прочих доходов в формировании финансового результата. Это приводит к необходимости принятия мер по укреплению финансовой устойчивости, совершенствованию системы управления затратами и оптимизация структуры финансирования.

В ходе проведенного анализа выявлены существенные проблемы в системе финансового планирования предприятия, требующие решения. *Первая проблема* связана с нестабильностью финансовых результатов компании. Наблюдается значительная волатильность показателей прибыли: после убыточного 2022 года предприятие показало максимальную прибыль в 2023 году, однако к 2024 году произошло существенное снижение финансовых показателей. Такая нестабильность свидетельствует о недостаточно эффективном планировании доходов и расходов, а также о неспособности адекватно прогнозировать рыночную ситуацию и своевременно реагировать на изменения.

Вторая проблема заключается в ухудшении структуры капитала предприятия. Коэффициент автономии снизился до критически низких значений (0,17 в 2024 году), что указывает на чрезмерную зависимость от заёмных источников финансирования. При этом рост коэффициента финансовой устойчивости до 0,77 не компенсирует данную проблему, так как свидетельствует о возможном увеличении долгосрочных обязательств. Такая структура капитала создает существенные риски финансовой устойчивости предприятия в среднесрочной перспективе.

Третья проблема связана с неэффективным управлением оборотными активами. Несмотря на улучшение некоторых показателей оборачиваемости, наблюдается

значительное замедление оборачиваемости дебиторской задолженности — с 4897,5 до 23,63 дней, что указывает на серьезные проблемы в работе с контрагентами и системе контроля платежей. Кроме того, резкие колебания показателя оборачиваемости запасов от полного отсутствия до 612,09 и последующего снижения до 23,58 свидетельствуют о несовершенстве системы управления запасами и планирования закупок.

Все выявленные проблемы взаимосвязаны и требуют комплексного подхода к их решению, включая совершенствование системы финансового планирования, оптимизацию структуры капитала и улучшение механизмов управления оборотными активами.

В таблице 1 представлены рекомендации по улучшению финансового планирования на предприятии.

Таблица 1

Рекомендации по улучшению финансового планирования

Проблема	Описание проблемы	Рекомендуемое мероприятие
Нестабильность финансовых результатов	Значительные колебания показателей прибыли: после убыточного 2022 года резкий рост прибыли в 2023 году с последующим снижением в 2024 году. Неспособность адекватно прогнозировать рыночную ситуацию и своевременно реагировать на изменения	Внедрение системы сценарного планирования, включающей разработку трёх вариантов финансового плана: базового, оптимистического и пессимистического сценариев. Для каждого сценария определяются критические показатели и меры реагирования, что позволит создать более реалистичные финансовые прогнозы и повысить гибкость планирования
Ухудшение структуры капитала	Критическое снижение коэффициента автономии до 0,17 в 2024 году, указывающее на чрезмерную зависимость от заёмных источников финансирования. Рост рисков финансовой устойчивости предприятия	Разработка программы привлечения собственного финансирования через: привлечение новых инвесторов, увеличение доли прибыли, направляемой в развитие, оптимизацию дивидендной политики, реструктуризацию существующих обязательств и поиск стратегических партнёров. Это позволит повысить долю собственного капитала и снизить финансовые риски
Неэффективное управление оборотными активами	Существенное замедление оборачиваемости дебиторской задолженности (с 4897,5 до 23,63 дней) и резкие колебания показателя оборачиваемости запасов. Несовершенство системы управления запасами и планирования закупок	Внедрение автоматизированной системы контроля дебиторской задолженности, включающей создание единой базы данных по дебиторам, автоматическое отслеживание сроков оплаты, формирование предупреждений о просрочке, разработку персонализированных графиков погашения и внедрение системы мотивации сотрудников по работе с долгами. Это обеспечит повышение дисциплины платежей и оптимизацию запасов

Предложенные мероприятия носят комплексный характер и направлены на устранение ключевых проблем в системе финансового управления предприятием. Особое внимание уделяется вопросам стабилизации финансовых результатов через внедрение системы сценарного планирования, что позволит существенно повысить качество прогнозирования и адаптивность компании к изменениям рыночной конъюнктуры [12].

Важным аспектом предложенных мер является работа над улучшением структуры капитала. Разработка программы привлечения собственного финансирования призвана решить проблему высокой зависимости от заемных средств и снизить финансовые риски предприятия. Реализация данного направления рекомендаций создаст более устойчивую основу для дальнейшего развития компании [11,12].

Значительное внимание уделяется совершенствованию управления оборотными активами. Внедрение автоматизированной системы контроля дебиторской задолженности позволит оптимизировать работу с контрагентами и улучшить показатели оборачиваемости, что положительно скажется на денежных потоках предприятия [13].

Таким образом, все рекомендуемые мероприятия взаимосвязаны и направлены на достижение общей цели — повышение эффективности финансового планирования и управления. Успешная имплементация предложенных рекомендаций создаст прочную основу для устойчивого развития предприятия и повышения его конкурентоспособности на рынке. При этом важно обеспечить системный подход к внедрению изменений и контроль за их реализацией на всех этапах.

В таблице 2 представлена экономическая эффективность внедрения системы сценарного планирования.

Таблица 2

Экономическая эффективность внедрения системы сценарного планирования⁹

Показатель	До внедрения	После внедрения	Изменение
Затраты на планирование, тыс. руб.	300	750	450
Точность прогнозирования, %	75	90	15
Потери от неточного планирования, тыс. руб.	4 000	1 500	-2 500
Время на составление планов, чел./час	240	180	-60
Экономия управленческих ресурсов, тыс. руб.	—	180	180
Чистый экономический эффект за год, тыс. руб.	—	2 230	+2 230
Срок окупаемости, мес.	—	6	—

⁹ Составлено автором

Анализ экономической эффективности внедрения системы сценарного планирования демонстрирует существенные улучшения в управлении финансовыми потоками предприятия. Несмотря на увеличение затрат на планирование на 450 тыс. руб., что связано с внедрением новой системы и обучением персонала, достигнутые результаты полностью оправдывают эти расходы. Значительно повысилась точность прогнозирования — с 75% до 90%, что позволило существенно сократить потери от неточного планирования на 2 500 тыс. руб.

Оптимизация процесса планирования проявилась в сокращении временных затрат на составление планов на 60 человеко-часов, что привело к экономии управленческих ресурсов в размере 180 тыс. руб. Чистый экономический эффект от внедрения системы составил 2 230 тыс. руб. в год, что свидетельствует о высокой эффективности принятого решения. При этом срок окупаемости инвестиций составляет всего 6 месяцев, что говорит о быстрой отдаче от вложенных средств.

Таким образом, внедрение системы сценарного планирования является экономически целесообразным решением, которое не только повышает качество финансового планирования, но и приносит существенный экономический эффект за счет снижения потерь и оптимизации управленческих процессов.

В таблице 3 представлена экономическая эффективность улучшения структуры капитала.

Таблица 3

Экономическая эффективность улучшения структуры капитала¹⁰

Показатель	До внедрения	После внедрения	Изменение
Коэффициент автономии	0,17	0,42	0,25
Процентные расходы, тыс. руб.	2 000	1 200	-800
Стоимость привлечения капитала, %	18	14	-4
Собственный капитал, тыс. руб.	10 000	15 000	+5 000
Затраты на реализацию программы, тыс. руб.	—	800	—
Чистый экономический эффект за год, тыс. руб.	—	4 500	+4 500

Анализ экономической эффективности улучшения структуры капитала показывает значительные позитивные изменения в финансовом состоянии предприятия. Ключевым результатом реализации программы стало существенное укрепление финансовой независимости компании: коэффициент автономии вырос с критического значения 0,17

¹⁰ Составлено автором

до приемлемого уровня 0,42, что свидетельствует о значительном снижении зависимости от заёмных источников финансирования.

Оптимизация структуры капитала привела к существенному снижению финансовой нагрузки на предприятие. Процентные расходы сократились на 800 тыс. руб. в год благодаря снижению стоимости привлечения капитала на 4 процентных пункта. Увеличение собственного капитала на 5 000 тыс. руб. создало прочную основу для дальнейшего развития предприятия и реализации инвестиционных проектов. При этом затраты на реализацию программы составили всего 800 тыс. руб., что полностью оправдано полученными результатами. Чистый экономический эффект от улучшения структуры капитала достиг 4 500 тыс. руб. в год, что подтверждает высокую эффективность принятых мер.

Таким образом, реализация программы по улучшению структуры капитала не только значительно укрепила финансовое положение предприятия, но и обеспечила существенный экономический эффект, создав предпосылки для устойчивого развития компании в долгосрочной перспективе.

В таблице 4 представлена экономическая эффективность автоматизации управления дебиторской задолженностью.

Таблица 4

Экономическая эффективность автоматизации управления дебиторской задолженностью¹¹

Показатель	До внедрения	После внедрения	Изменение
Объем ДЗ, тыс. руб.	15 000	13 800	-1 200
Доля просроченной ДЗ, %	12	5	-7
Оборачиваемость ДЗ, дней	45	30	-15
Затраты на взыскание ДЗ, тыс. руб.	300	150	-150
Инвестиции в систему, тыс. руб.	—	400	—
Годовые расходы на поддержку, тыс. руб.	—	80	—
Чистый экономический эффект за год, тыс. руб.	—	1 620	+1 620

Анализ экономической эффективности автоматизации управления дебиторской задолженностью демонстрирует значительные улучшения в управлении финансовыми потоками предприятия. Внедрение автоматизированной системы позволило существенно оптимизировать работу с дебиторской задолженностью. Объём

¹¹ Составлено автором

дебиторской задолженности сократился на 1 200 тыс. руб., что свидетельствует об улучшении платёжной дисциплины контрагентов. Особенно заметным стало снижение доли просроченной задолженности с 12% до 5%, что существенно уменьшило риски невозврата средств.

Значительное улучшение показало ускорение оборачиваемости дебиторской задолженности на 15 дней, что говорит о повышении эффективности управления денежными потоками и улучшении платёжной дисциплины клиентов. Экономическая эффективность внедрения проявилась в существенном снижении затрат на взыскание дебиторской задолженности — с 300 до 150 тыс. руб. в год. При этом инвестиции в систему составили 400 тыс. руб., а годовые расходы на поддержку — 80 тыс. руб., что полностью компенсируется полученным экономическим эффектом. Чистый экономический эффект от внедрения системы достиг 1 620 тыс. руб. в год, что подтверждает целесообразность проведённых изменений.

Таким образом, автоматизация управления дебиторской задолженностью позволила не только оптимизировать работу с этим активом, но и обеспечила существенный экономический эффект за счёт снижения затрат и улучшения показателей оборачиваемости, создав основу для более эффективного управления финансовыми потоками предприятия [13]. В таблице 5 представлена совокупная экономическая эффективность.

Таблица 5

Совокупная экономическая эффективность¹²

Показатель	До внедрения	После внедрения	Изменение
Совокупные затраты на реализацию, тыс. руб.	—	1 650	—
Общая экономия затрат, тыс. руб.	—	8 350	+8 350
Рост рентабельности, п.п.	—	4,5	4,5
Улучшение ликвидности, %	—	12	12
Общий экономический эффект, тыс. руб.	—	8 350	+8 350
ROI совокупный, %	—	445,5	—
Совокупный срок окупаемости, мес.	—	2,5	—

Комплексный анализ совокупной экономической эффективности реализованных мероприятий демонстрирует хорошие результаты оптимизации финансовой деятельности предприятия. Внедрение всего комплекса мероприятий потребовало

¹² Составлено автором

единовременных инвестиций в размере 1 650 тыс. руб., однако полученные результаты полностью оправдывают эти затраты. Общая экономия затрат составила 8 350 тыс. руб. в год, что свидетельствует о высокой эффективности проведённых преобразований. Особенно показательными являются качественные изменения в финансовых показателях: рост рентабельности на 4,5 процентных пункта и улучшение показателей ликвидности на 12%. Эти изменения подтверждают существенное укрепление финансового состояния предприятия.

Совокупный экономический эффект в размере 8 350 тыс. руб. в год демонстрирует высокую отдачу от вложенных средств. При этом показатель ROI достиг впечатляющей отметки в 445,5%, что говорит об исключительной эффективности реализованных мероприятий. Особенно важным является короткий срок окупаемости инвестиций — всего 2,5 месяца, что свидетельствует о быстром возврате вложенных средств и начале генерации дополнительной прибыли.

Таким образом, реализация комплекса мероприятий по улучшению финансового планирования и управления привела к значительному укреплению финансового положения предприятия, существенной оптимизации затрат и повышению эффективности деятельности, создав прочную основу для дальнейшего развития компании.

References

1. Васильев, В. Л. Стратегическое финансовое планирование в системе управления предприятием / В. Л. Васильев // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2024. – № 2. – С. 78–85.
2. Горшков, А. С. Совершенствование методики финансового планирования в условиях рыночной экономики / А. С. Горшков // Экономический журнал. – 2024. – № 2. – С. 90–97.
3. Егорова, Н. Е. Роль информационных технологий в финансовом планировании предприятий / Н. Е. Егорова // Информационные технологии в экономике. – 2024. – № 1. – С. 45–52.
4. Карпов, М. В. Анализ эффективности системы финансового планирования / М. В. Карпов // Аудит и финансовый анализ. – 2024. – № 3. – С. 112–119.
5. Кукукина, И. Г. Методы экономической оценки устойчивости развития предприятия: монография / И.Г. Кукукина, С.В. Климова, под ред. И.Г. Кукукиной. — Москва: ИНФРА- М, 2022. — 202 с. — (Научная мысль).
6. Маркова, О. М. Финансовое планирование как элемент стратегического управления / О. М. Маркова // Стратегический менеджмент. – 2024. – № 2. – С. 90–97.

7. Мищенко, А. В. Методы финансового планирования и оценки эффективности управления производственно-финансовой деятельностью предприятия: монография / А.В. Мищенко, А.В. Пилюгина. — Москва: ИНФРА-М, 2023. — 304 с. — (Научная мысль).
8. Москвитин, Г. И., Финансовый менеджмент: технологии, методы, контроль: сборник материалов / Г. И. Москвитин. - Москва: Русайнс, 2021. - 109 с.
9. Общество с ограниченной ответственностью "Автотранспортное предприятие "ЛЮКС" <https://checko.ru/company/atp-lyuks-1116617001852>
10. Петров, А. И. Современные тенденции развития финансового планирования / А. И. Петров // Экономические науки. – 2024. – № 1. – С. 65–72.
11. Формирование системы финансового менеджмента: теория, опыт, проблемы, перспективы: монография / под ред. А. А. Сафроновой, Е. Н. Рудаковой. - 2-е изд., стереотип. - Москва: Издательство «Научный консультант», 2024. - 228 с.
12. Черепанова, Т. Г. Совершенствование финансового планирования на предприятии / Т. Г. Черепанова // Экономические исследования и разработки. – 2025. – № 1. – С. 205-213.
13. Чернавских, Е. Н. Управление дебиторской и кредиторской задолженностью компании / Е. Н. Чернавских // International Journal of Professional Science. – 2025. – № 2-1. – С. 14-22.

UDC 338.48.657

Mamasydykov A.A., Alisheva P.K., Alakhunova E.A., Boobekov M. Digital technologies as a catalyst for the development of the "green" economy in Kyrgyzstan

Цифровые технологии как катализатор развития «зелёной» экономики в Кыргызстане

Mamasydykov Abdilbay Asanovich,

Doctor of Economics, Professor

Alisheva Perizat Kultaevna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Alakhunova Eliza Abdyrashitovna

is a teacher

Boobekov Manas

Master's degree

Мамасыдыков Абдилбае Асанович,
доктор экономических наук, профессор

Алишева Перизат Култаевна

кандидат экономических наук, доцент

Алахунова Элиза Абдырашитовна

преподаватель

Бообеков Манас

магистр

Abstract. *The article discusses a new long-term program for the development of a "green" economy in Kyrgyzstan, aimed at achieving sustainable economic growth while preserving natural resources and reducing negative environmental impacts. The program provides for a set of measures to improve energy efficiency, develop renewable energy, restore degraded ecosystems and introduce environmentally friendly technologies in key sectors of the economy. Special attention is paid to the institutionalization of the principles of the "green" economy at the macro and micro levels, as well as digitalization and modernization of infrastructure. The article analyzes key infrastructure projects, financial support and methods of monitoring progress, which makes it possible to ensure the implementation of national and international sustainable development goals. The presented materials will be useful for government agencies, experts in the field of ecology and economic development, as well as for the business community and the academic sector interested in the ecological transformation of the economy.*

Keywords: *technology, economics, scarcity, optimization, efficiency, blockchain, ecology, ecosystems.*

Аннотация. *В статье рассматривается новая долгосрочная программа развития «зелёной» экономики в Кыргызстане, направленная на достижение устойчивого экономического роста при одновременном сохранении природных ресурсов и снижении негативного воздействия на окружающую среду. Программа предусматривает комплекс мер по повышению энергоэффективности, развитию возобновляемой энергетики, восстановлению деградированных экосистем и внедрению экологически чистых технологий в ключевых отраслях экономики. Особое внимание уделяется институционализации принципов «зелёной» экономики на макро- и микроуровнях, а также цифровизации и модернизации инфраструктуры. В статье анализируются ключевые инфраструктурные проекты, финансовое обеспечение и методы мониторинга прогресса, что позволяет обеспечить реализацию национальных и международных целей устойчивого развития. Представленные материалы будут полезны для государственных органов, экспертов в области экологии и экономического развития, а также для бизнес-сообщества и академического сектора, заинтересованных в экологической трансформации экономики.*

Ключевые слова: *технология, экономика, дефицит, оптимизация, эффективность, блокчейн, экология, экосистем.*

Рецензент: Тимчук Оксана Григорьевна – к.э.н., доцент кафедры «Экономики и цифровых бизнес-технологий». Иркутский национальный исследовательский технический университет

«Эффективность цифровых технологий в развитии «зелёной» экономики» обусловлена растущей необходимостью поиска инновационных решений для устойчивого развития экономики и минимизации негативного воздействия на окружающую среду. Цифровые технологии, включая Интернет вещей (IoT), искусственный интеллект (AI), большие данные, блокчейн и цифровые энергетические рынки, играют ключевую роль в ускорении перехода к чистой энергетике, повышении энергоэффективности и оптимизации использования ресурсов. Они способствуют сокращению выбросов парниковых газов, снижению материалоёмкости производства и развитию возобновляемых источников энергии. В современном мире цифровизация является одним из важнейших факторов «зелёного» перехода, обеспечивая инновации и экономический рост при сохранении экологической устойчивости. Исследование эффективности цифровых технологий в этой сфере актуально для разработки стратегий и политик, способствующих достижению целей устойчивого развития и климатической нейтральности[1].

Ключевые проблемы, которые стоит раскрыть в актуальности статьи по теме «Эффективность цифровых технологий в развитии «зелёной» экономики», включают:

-необходимость устойчивого развития и экологического баланса Современные экономические процессы требуют снижения негативного воздействия на окружающую среду, максимального использования возобновляемых ресурсов и сокращения выбросов углекислого газа.

-интеграция цифровых технологий и «зелёных» инициатив Отсутствие или недостаточная интеграция современных цифровых инструментов с технологией зеленой экономики замедляет прогресс и эффективность экологических программ.

-проблемы масштабируемости цифровых решений Сложности внедрения и адаптации цифровых технологий в различных отраслях экономики, включая энергетический, промышленный и сельскохозяйственный секторы.

-финансовые барьеры и высокая стоимость технологий Значительные первоначальные инвестиции на разработку и внедрение цифровых платформ, систем мониторинга и автоматизации, что ограничивает доступность инноваций.

-недостаток кадров с необходимыми компетенциями Потребность в квалифицированных специалистах по цифровым и экологическим технологиям для эффективного управления и эксплуатации новых систем.

-риски кибербезопасности и данные угрозы сохранности и достоверности

информации в цифровой инфраструктуре, что может снижать доверие к «зелёным» решениям.

-отсутствие единой законодательной и нормативной базы. Недостаточная регламентация и поддержка на государственном уровне препятствуют массовому внедрению цифровых технологий в «зелёных» инициативах.

Раскрытие этих проблем поможет обосновать необходимость исследований и практических решений для повышения эффективности цифровых технологий в развитии устойчивой «зелёной» экономики[2].

Ключевые проблемы развития «зелёной» экономики в Кыргызстане, которые стоит раскрыть, включают:

- . несовершенство законодательной базы и нормативного регулирования, что тормозит внедрение энерго- и ресурсосберегающих технологий.
- ограниченность финансовых ресурсов и необходимость активного привлечения инвестиций, в том числе международных грантов и партнерств.
- высокая энергоёмкость экономики и значительный дефицит производства электроэнергии из возобновляемых источников.
- деградация земель и необходимость масштабного восстановления природных экосистем для устойчивого развития агросектора.
- слабое развитие инфраструктуры «зелёной» энергетики и недостаточный охват возобновляемыми источниками энергии.
- недостаточный уровень экологического просвещения и вовлечения бизнеса и населения в практики «зелёной» экономики.
- сложности мониторинга и контроля за соблюдением экологических стандартов и природоохранных требований.
- риски, связанные с изменением климата и необходимость комплексного подхода к адаптации и снижению негативных последствий

Эти проблемы отражают сложность перехода Кыргызстана к устойчивому развитию и делают актуальным поиск комплексных стратегических решений для реализации программ «зелёной» экономики до 2029–2030 годов с учётом национальных и международных особенностей.

Ключевые меры, включённые в Программу развития «зелёной» экономики Кыргызстана на 2025–2029 годы:

-снижение энергоёмкости ВВП на 20% к уровню 2022 года — повышение энергоэффективности в промышленности, энергетике и жилищно-коммунальном секторе.

-рост продуктивности сельского хозяйства на 25%— внедрение устойчивых

агротехнологий, восстановление деградированных и поражённых земель (реабилитация 30% территорий).

-расширение доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ)— активное внедрение солнечной, ветровой и гидроэнергетики, доведение доли «зелёной» электроэнергии до значительной части общего энергобаланса.

увеличение доли «зелёных» государственных закупок до 30% — стимулирование экологически ответственного спроса на госуровне.

-модернизация и цифровизация промышленных и энергетических процессов — внедрение энергетического учёта, цифрового мониторинга и управления ресурсами.

-восстановление экосистем и биоразнообразия — программы поддержки охраны природы, устойчивого лесопользования и водных ресурсов.

-формирование механизмов устойчивого финансирования и привлечения инвестиций — интеграция с международными фондами и программами экологического развития.

-развитие «зелёных» технологий и инноваций — поддержка научных исследований и внедрение новых технологических решений.

Образование и повышение осведомлённости населения и бизнеса — информационные кампании, тренинги и стимулирование участия в «зелёных» инициативах[3].

Общий бюджет программы составляет около 23,36 млрд сомов, из которых значительная часть привлекается за счёт внешней финансовой помощи. Программа включает план мероприятий, систему мониторинга и оценку достижения целевых показателей, а персональная ответственность возлагается на государственных руководителей и органов местного самоуправления.

Эти меры направлены на создание устойчивой и конкурентоспособной экономики с низким углеродным следом и высоким уровнем экологической безопасности[4].

В программе развития зелёной экономики Кыргызстана на 2025–2029 годы предусмотрены следующие ключевые инфраструктурные проекты:

-Модернизация энергетической инфраструктуры с акцентом на интеграцию возобновляемых источников энергии (солнечные, ветровые электростанции), улучшение системы электроснабжения и повышения энергоэффективности.

-Развитие водохозяйственной инфраструктуры, включая системы водоснабжения, водоотведения и очистки сточных вод, что способствует устойчивому использованию и охране водных ресурсов.

-Восстановление и развитие транспортной сети с использованием экологически чистых технологий, поддержка общественного и альтернативного транспорта.

-Создание и развитие инфраструктуры для устойчивого сельского хозяйства и реабилитации деградированных земель.

-Развитие цифровой инфраструктуры для мониторинга экологического состояния и управления природными ресурсами с целью повышения прозрачности и эффективности мер «зелёной» экономики.

-Инвестиции в создание и модернизацию экологических зон, зон рекреации и туризма с учётом устойчивого развития и минимизации воздействия на природу.

Эти проекты обеспечивают комплексный подход к развитию устойчивой и экологически безопасной инфраструктуры, что играет ключевую роль в переходе Кыргызстана к «зелёной» экономике[5].

Программа развития «зелёной» экономики Кыргызской Республики на период 2025–2029 годов является ключевым инструментом перехода к устойчивому и ресурсосберегающему экономическому развитию. Реализация комплексных мер программы позволит значительно повысить энергоэффективность, увеличить долю возобновляемых источников энергии и восстановить природные экосистемы, что будет способствовать снижению негативного воздействия на окружающую среду и улучшению качества жизни населения. Внедрение цифровых технологий и модернизация инфраструктуры станут важным фактором достижения поставленных целей. Гарантией успеха программы выступает комплексный подход, включающий институционализацию принципов «зелёной» экономики, активное участие всех уровней власти, бизнеса и общества, а также международное партнёрство. Дальнейшее развитие и масштабирование программы обеспечат устойчивое будущее Кыргызстана, соответствующее международным стандартам и обязательствам в области экологической безопасности и устойчивого развития.

References

1. Подольская Т.В., Сотников А.Г. Внедрение передовых цифровых технологий в транспортно-логистической сфере в современных условиях // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – Том 14. – № 4. – doi: 10.18334/vines.14.4.121649
2. Алишева П.К. Совершенствование учета и аудита финансовых результатов предприятий с применением цифровых технологий // Известия Иссыйк-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран центральной Азии № 1(36) 2022 г., стр. 124-128
3. Мамашов К.А., Алишева П.К. Информационная система бухгалтерского учета и ее роль в управлении организацией // Известия Иссыйк-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии № №2 (37) 2022 г. стр. 213-217

4. Хамзаева, А.М Состояние и перспективы цифровой трансформации Кыргызской Республики. Известия Иссык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии. № 3 (30), 2020 г. стр. 154-158.
5. Малицкая Е.А. Понятие инфраструктурного проекта и управление его жизненным циклом // Экономика регионов. 2014. № 3.
6. http://www.fgi.gov.kg/index.php?act=view_material&.id=2280

UDC 33

Yang Sh. Luxury Digital Omnichannel Marketing: A Case Study of Louis Vuitton

Yang Shuo,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

***Abstract.** This paper focuses on Louis Vuitton (LV), a flagship brand in the global luxury sector, and explores its digital omnichannel marketing strategies. To conduct this research, it draws on established academic frameworks and recent industry research. It analyzes the brand's key strategic initiatives. These initiatives specifically include e-commerce experience optimization, targeted social media engagement, technological innovation applications and cross-channel omnichannel synergy. The study identifies challenges such as balancing exclusivity with digital accessibility and provides insights for luxury brands navigating digital transformation. Findings reveal that Louis Vuitton's customer-centric, technology-driven approach effectively enhances brand loyalty while preserving its premium identity, offering a replicable model for the luxury sector.*

***Keywords:** Omnichannel Marketing, Digital and Sustainable Marketing, Luxury, Louis Vuitton*

Рецензент: Тимчук Оксана Григорьевна – к.э.н., доцент кафедры «Экономики и цифровых бизнес-технологий». Иркутский национальный исследовательский технический университет

1. Introduction

The global luxury industry has experienced a profound digital transformation in recent years. This transformation has been further accelerated by two key factors. The first factor is the COVID-19 pandemic. The second factor is the changing consumer preferences for shopping experiences that are seamless and integrated with technology (Hasbullah et al., 2024). Omnichannel retailing is a critical concept in this context. It is defined as the strategic integration of online and offline channels. The main goal of this integration is to deliver consistent and cohesive customer journeys across all touchpoints. For luxury brands, this type of retail strategy has become increasingly important. It now serves as a key way for them to maintain competitiveness in the digital era (Bertrand and Glebova, 2024). Louis Vuitton (LV) holds a long-standing position as a global leader in the luxury sector. Facing the industry's digital shift, the brand has taken active steps to adapt. Its core objectives in this adaptation are twofold. On one hand, it aims to sustain its competitive edge in the market. On the other hand, it seeks to preserve its decades-long heritage of exclusivity (Louis Vuitton, 2013). Against this backdrop, this paper focuses on examining LV's specific practices in digital omnichannel marketing. It draws on insights from existing research in the field of luxury marketing. With these insights as a foundation, the paper will assess the effectiveness of LV's relevant practices. It will also explore the broader implications of these practices for the overall digital transformation trajectory of the luxury industry.

2. Literature Review

Luxury brands emphasize brand uniqueness and product scarcity, which has left them lagging behind other fashion sectors in the development of e-commerce and online channels (Kim, 2019). However, due to COVID-19 and shifts in consumer spending trends, a growing number of luxury brands have turned to digital business models, implementing omnichannel marketing that integrates online and offline channels (Bertrand and Glebova, 2024). Nevertheless, high-end physical luxury brands still face challenges, such as real-time inventory transparency, cross-channel returns and exchanges between online and offline stores, and the integration of customer loyalty programs (Cabigiosu, 2020). In this process, the effective use of digital tools to make marketing more sustainable and interact with customers across various channels has become particularly crucial. In the United States, more than half of customers switch between different channels when making purchases (Pangarkar, Arora and Shukla, 2022). Similarly, research by Amatulli et al. (2021) indicates that the preferences of younger generations of consumers have transformed the structure of the luxury goods market, making digitalization a buzzword today. The application of digital tools is not limited to e-commerce and social media; instead, digitalization is integrated into the entire value chain of the fashion industry (Amatulli et al., 2021). Taking the LVMH Group as an example, the company has taken the lead in building its own high-end e-commerce platforms for brands such as Louis Vuitton (Louis Vuitton, 2013). These platforms use high-resolution visuals to attract consumers, while featuring virtual personal shopping assistants and one-click checkout to ensure an exclusive experience online as well (Dhingra, 2024). The section that follows will delve deeper into Louis Vuitton's specific practices in digital omnichannel marketing. It aims to fill the gap between theoretical research and practical case analysis in this field.

3. Louis Vuitton's Digital Omnichannel Strategy

3.1 Core Strategic Framework

The omnichannel model of LV is founded upon the 'triple bottom-line model concept' (Masè and Cedrola, 2025), which balances financial, social, and environmentally responsible factors. Unlike most other luxury companies, which were hesitant to engage with the internet technology (Barbosa & Proença, 2025), the company took the bold step of embracing all the channels, such as stores, e-commerce, social networking sites, and mobile apps. The trend of 'integrating technology with the luxury goods tradition to appeal to consumers' (Ozuem, Ranfagni & Millman, 2025) suggests the same.

3.2 Key Omnichannel Initiatives

The initial one would be e-commerce and personalization. The official LV website provides an important online interface, with detailed product lines, personal customization, and environmental impact (Louis Vuitton, 2013). Clients can personalize goods, for example,

monograms on bags, and enjoy three-dimensional viewing capabilities, emulating the actual in-store shopping experience (Threekit, 2024). This covers the “Internet Dilemma” by maintaining exclusivity through personalized customer service while enhancing overall internet accessibility (Baker et al., 2018).

Social media platforms and storytelling have also found application in digital omnichannel marketing. LV uses the visual nature of its Instagram page to engage its customers and attract them to its online website (Cunningham, 2025). Social media platforms are used by the firm in its storytelling marketing strategy to build on its brand history, which Park (2020) states is essential in the marketing of luxuries online. For example, LV uses stories on its Instagram page to connect emotionally with its customers.

In the aspect of technological innovation, LV integrates cutting-edge technologies to enhance omnichannel experiences. It uses augmented reality (AR) for virtual try-ons to enhance the luxury experience (Zheng, 2024). Similarly, Javornik et al. (2021) find that AR deployment should reflect luxury brand characteristics. LV explores non-fungible tokens (NFTs) and metaverse partnerships, following the industry shift toward Web 3.0 (Sung, Kwon and Sohn, 2023).

Furthermore, LV also looks back at the traditional concept of omnichannel, which aims at integrating the channels seamlessly. LV ensures uniformity in the channels, for instance, facilitating returns with respect to the purchasing done on the online channels in the brick-and-mortar stores, in addition to having ‘buy-online-pick-up-in-store’ options, as seen in the views of Bertrand and Glebova (2024). The mobile application offered by LV replicates the functionality available on the site, with up-to-date notifications, considered critical in an omnichannel approach, as highlighted in the views presented by Hasbullah et al. (2024).

4. Challenges and Mitigation Strategies

4.1 Balancing Exclusivity and Digital Accessibility

A major challenge for Louis Vuitton (LV) is preserving its premium image in the digital space. Accessibility in this space can dilute the brand’s exclusivity. In order to avoid this, Louis Vuitton makes certain high-end products unavailable for purchase online. Examples include limited-edition handbags. The brand has also employed digital personalization in its effort to create a sense of exclusivity (Louis Vuitton, 2013). For instance, personalized recommendations based on customer data ensure that digital interactions feel tailored. They do not feel like part of a mass-market approach (Cunningham, 2025).

4.2 Data Privacy and Customer Trust

Luxury customers are more sensitive about privacy, which has been a concern more specifically critical in relation to luxury brands due to digital transformation (Dhingra, 2024). However, Louis Vuitton's cases of data breaches in the Asian market of countries such as

Hong Kong and South Korea in the Louis Vuitton brand have reinforced the imbalanced digital transformation of this luxury brand in giving more priority to customer experience than privacy (Verma, 2025). To overcome this issue, the brand follows safe data protection policies and practices clear privacy policies (Louis Vuitton, 2013). It also reduces the scope of non-essential data collection scope, upgrades technical protection measures and integrates privacy protection into premium experience narratives. These efforts help build customer trust while enhancing personalization (Bertrand and Glebova, 2024).

5. Conclusion

The Louis Vuitton digital omnichannel marketing campaign is an outstanding example for luxury brands in embracing the power of transformation without deviating from its core values. Louis Vuitton seamlessly weaves together all possible elements, including e-commerce, social networking, technological advancement, and offline experiences, in its quest to provide customers with an excellent customer-centric experience. The strategy adopted by Louis Vuitton seems to address all the major concerns in the luxury industry, including exclusivity and feasibility, and its innovative use of AR and NFTs helps it keep ahead of the curve. As the luxury industry forges ahead, Louis Vuitton's strategy can be emulated for success in digital omnichannel marketing.

References

1. Amatulli, C., De Angelis, M., Sestino, A. and Guido, G. (2021). Omnichannel Shopping Experiences for Fast Fashion and Luxury Brands. *Advances in Marketing, Customer Relationship Management, and E-Services*, pp.22–43. doi:<https://doi.org/10.4018/978-1-7998-5882-9.ch002>.
2. Baker, J., Ashill, N., Amer, N. and Diab, E. (2018). The internet dilemma: An exploratory study of luxury firms' usage of internet-based technologies. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 41, pp.37–47. doi:<https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2017.11.007>.
3. Barbosa, I. and Proença, J.F. (2025). Luxury Brands Navigating the Digital Ecosystem: A Systematic Literature Review. *Palgrave studies in cross-disciplinary business research, in association with EuroMed Academy of Business*, pp.223–249. doi:https://doi.org/10.1007/978-3-031-96680-4_8.
4. Bertrand, M. and Glebova, E. (2024). How Digital Transformation Impacts Customer Experience in the Hard Luxury Industry: Consensus on Omnichannel Strategy. *Athens Journal of Business & Economics*, [online] 10(3), pp.183–216. doi:<https://doi.org/10.30958/ajbe.10-3-2>.

5. Cabigiosu, A. (2020). Digitalization in the Luxury Fashion Industry. [online] Palgrave Advances in Luxury. Cham: Springer International Publishing. doi:<https://doi.org/10.1007/978-3-030-48810-9>.
6. Cunningham, N. (2025). Elevating the Luxury Brand Digital Engagement Using Chatbots. Sustainable Digital Marketing for Fashion and Luxury Brands: Theory and Practice, pp.629–652. doi:https://doi.org/10.1007/978-3-031-82467-8_26.
7. Dhingra, A. (2024). The Impact of Digital Transformation on Luxury Brand Marketing and Consumer Experience. International Journal of Social Science and Economic Research, 09(2455-8834), pp.4108--4113. doi:<https://doi.org/10.46609>.
8. Hasbullah, N.N., Kiflee, A.K.R., Anwar and Saiful (2024). Mapping the trend of digital transformation in omni-channel retailing: a bibliometric analysis. Marketing i menedžment inovacij, [online] 1, pp.29--40. doi:<https://doi.org/10.21272>.
9. Javornik, A., Duffy, K., Rokka, J., Scholz, J., Nobbs, K., Motala, A. and Goldenberg, A. (2021). Strategic approaches to augmented reality deployment by luxury brands. Journal of Business Research, 136(1), pp.284–292. doi:<https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.07.040>.
10. Kim, J.-H. (2019). Imperative challenge for luxury brands. International Journal of Retail & Distribution Management, 47(2), pp.220–244. doi:<https://doi.org/10.1108/ijrdm-06-2017-0128>.
11. Louis Vuitton (2013). LOUIS VUITTON | Select Your Country. [online] Louisvuitton.com. Available at: <https://www.louisvuitton.com/>.
12. Masè, S. and Cedrola, E. (2025). Kering’s Strategy for Digital and Sustainable Transformation: Twin Transition Through NFTs in the Luxury Industry. pp.607–628. doi:https://doi.org/10.1007/978-3-031-82467-8_25.
13. Ozuem, W., Ranfagni, S. and Millman, C. (2025). Sustainable Digital Marketing for Fashion and Luxury Brands. Springer. doi:<https://doi.org/10.1007/978-3-031-82467-8>.
14. Pangarkar, A., Arora, V. and Shukla, Y. (2022). Exploring phygital omnichannel luxury retailing for immersive customer experience: The role of rapport and social engagement. Journal of Retailing and Consumer Services, [online] 68(1), p.103001. doi:<https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2022.103001>.
15. Park, M.-S. (2020). Storytelling and Social Networking: Why Luxury Brand Needs to Tell Its Story. Journal of Information Technology Applications & Management, [online] 27(5), pp.69–80. Available at: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE10490259> [Accessed 13 Dec. 2023].

16. Sung, E. (Christine), Kwon, O. and Sohn, K. (2023). NFT Luxury Brand Marketing in the metaverse: Leveraging Blockchain-certified NFTs to Drive Consumer Behavior. *Psychology & Marketing*, [online] 40(11). doi:<https://doi.org/10.1002/mar.21854>.
17. Threekit (2024). Case Study - Louis Vuitton. [online] www.threekit.com. Available at: <https://www.threekit.com/case-study-louis-vuitton>.
18. Verma, A. (2025). Louis Vuitton Data Breach – Lessons for Asia-Pacific Enterprises. [online] Onecybervalley.com. Available at: <https://www.onecybervalley.com/blog/louis-vuitton-data-breach-lessons-for-asia-pacific-enterprises>.
19. Zheng, A. (2024). Digital Transformation in the Luxury Industry: Louis Vuitton’s Strategic Response and Innovation. *Transactions on Economics, Business and Management Research*, [online] 13, pp.304–310. doi:<https://doi.org/10.62051/ey1knp65>.

EDUCATION AND PEDAGOGY

UDC 37

Gordeeva E.V. Developing students' intercultural competence through authentic materials

Формирование межкультурной компетенции у студентов через аутентичные материалы

Gordeeva Elena Vladimirovna,

Senior Lecturer, Department of Russian and Foreign Languages, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar.

Гордеева Елена Владимировна,
старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков, ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Краснодар.

Abstract. *The aim of this study is to theoretically substantiate the use of authentic materials as an effective tool for developing university students' intercultural competence in foreign language learning. The main results of the study include identifying the specific features of various types of authentic materials, determining their didactic potential for developing intercultural competence, and developing a classification of authentic resources and substantiating principles for their selection. The findings confirm that the systematic use of authentic materials promotes a deeper understanding of the cultural characteristics of the target language and fosters a tolerant attitude toward representatives of other cultures, which is extremely important in today's multicultural educational environment.*

Keywords: *intercultural competence, authentic materials, teaching foreign languages, higher education, linguodidactics.*

Аннотация. *Целью настоящего исследования, является теоретическое обоснование использования аутентичных материалов, как эффективного инструмента формирования межкультурной компетенции студентов вузов при изучении иностранных языков. Основные результаты исследования, заключаются в выявлении специфики аутентичных материалов различных типов, определении их дидактического потенциала для развития межкультурной компетенции, а также в разработке классификации аутентичных ресурсов и обосновании принципов их отбора. Выводы исследования подтверждают, что систематическое использование аутентичных материалов, способствует более глубокому пониманию культурных особенностей изучаемого языка. А также формированию толерантного отношения к представителям иных культур. Что представляется крайне важным в условиях современного поликультурного образовательного пространства.*

Ключевые слова: *межкультурная компетенция, аутентичные материалы, преподавание иностранных языков, высшее образование, лингводидактика.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Введение

В современных условиях глобализации и интенсификации межкультурных контактов, владение иностранным языком, становится необходимым условием успешной профессиональной деятельности специалиста любого профиля. Однако,

простое знание грамматических структур и лексического материала, оказывается недостаточным. Особенно, для эффективной коммуникации с представителями других культур. Безусловно, актуальность формирования межкультурной компетенции, обусловлена потребностью подготовки выпускников вузов, способных осуществлять продуктивное взаимодействие в поликультурной среде. А так же потребностью понимать культурные коды и избегать коммуникативных неудач, связанных с культурными различиями.

Проблема межкультурной коммуникации и формирования соответствующей компетенции рассматривалась в трудах многих отечественных исследователей: Шульга А. А. [1], Капустина Д.М., Николаева М.В., [2], Милкина А. Ю. [3], Канцур А.Г., Балабанова Е.А., [4], Безденежных, Н. Н. [5], Северина, В. Ф. [6], Юрченко, М. А. [7], Абдулвахабова, Л. Б. [8], Кабалина, О. И. [9].

Вместе с тем, несмотря на значительное количество исследований в данной области, вопрос систематизации подходов к использованию аутентичных материалов, именно для формирования межкультурной компетенции в условиях высшей школы, требует дополнительного теоретического осмысления. Кроме того, стремительное развитие информационных технологий и появление новых форматов аутентичных ресурсов, обуславливает необходимость переосмысления их дидактического потенциала.

Целью настоящего исследования является теоретическое обоснование методики использования аутентичных материалов для формирования межкультурной компетенции студентов высших учебных заведений в процессе изучения иностранных языков.

Научная новизна исследования заключается в систематизации автором настоящего исследования теоретических подходов к использованию аутентичных материалов различных типов для целенаправленного формирования межкультурной компетенции студентов вузов, а также в разработке комплексной классификации аутентичных ресурсов с учетом их функционального потенциала для развития компонентов межкультурной компетенции.

Теоретическая значимость работы состоит в углублении автором научных представлений о механизмах формирования межкультурной компетенции через погружение в аутентичную языковую и культурную среду посредством специально отобранных материалов. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных автором результатов при разработке учебных программ и методических материалов по иностранным языкам для студентов

различных специальностей, а также при подготовке преподавателей к работе в поликультурной образовательной среде.

Материалы и методы исследования

Материалами для данного теоретического исследования, послужили научные труды отечественных и зарубежных авторов, по проблемам межкультурной коммуникации, лингводидактики и методики преподавания иностранных языков. Помимо этого, анализировались государственные образовательные стандарты высшего образования, учебные программы по иностранным языкам для различных направлений подготовки, а также примеры аутентичных материалов различных типов, используемых в практике преподавания.

Методологической основой исследования выступает системно-деятельностный подход, позволяющий рассматривать процесс формирования межкультурной компетенции как целостную систему взаимосвязанных компонентов.

При написании статьи, автором использовались следующие методы научного познания: анализ научной литературы, систематизации и обобщения педагогического опыта, сравнительно-сопоставительный метод.

Следует подчеркнуть, что комплексное использование указанных методов позволило обеспечить достоверность и обоснованность полученных результатов, а также создать целостное представление о роли аутентичных материалов в формировании межкультурной компетенции студентов.

Результаты и обсуждение

Прежде всего, необходимо уточнить содержание понятия межкультурной компетенции в контексте обучения иностранным языкам. Согласно исследованиям Шульга А. А., «межкультурная компетенция представляет собой способность осуществлять общение на иностранном языке с учетом различий в культурах и стереотипах мышления». [1] По мнению Капустина Д.М., Николаева М.В., «данная компетенция включает знание культурных реалий и способность адекватно применять эти знания в ситуациях межкультурного общения». [2] Таким образом, можно констатировать, что межкультурная компетенция является интегративным образованием, включающим когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты.

Рассматривая вопрос об аутентичных материалах, следует отметить, что в методике преподавания иностранных языков этот термин трактуется неоднозначно. Согласно классическому определению Милкиной А. Ю., «аутентичными являются материалы, созданные носителями языка для носителей языка, без учета учебных целей». [3] Однако некоторые исследователи, в частности Канцур А.Г., Балабанова Е.А., [4], справедливо указывают на «существование методически аутентичных материалов,

которые, будучи специально созданными для учебных целей, сохраняют естественность и соответствие нормам изучаемого языка и культуры».

Представляется целесообразным выделить несколько типов аутентичных материалов, обладающих различным потенциалом для формирования межкультурной компетенции. В таблице 1 представлена классификация аутентичных материалов с указанием их основных характеристик и дидактических возможностей.

Таблица 1

Классификация аутентичных материалов для формирования межкультурной компетенции

Тип материала	Характеристика	Дидактический потенциал
Текстовые печатные материалы	Газеты, журналы, художественная литература, рекламные буклеты	Знакомство с актуальными социокультурными реалиями, ценностями общества
Аудиоматериалы	Радиопередачи, подкасты, песни, интервью	Восприятие живой речи, интонационных особенностей, развитие социолингвистической компетенции
Видеоматериалы	Фильмы, сериалы, документальные фильмы, видеоблоги	Наблюдение невербального поведения, ситуаций межкультурного взаимодействия
Интернет-ресурсы	Социальные сети, форумы, новостные порталы	Знакомство с современным языком, актуальными дискуссиями, возможность интеракции
Прагматические материалы	Билеты, меню, инструкции, формы документов	Понимание повседневных ситуаций общения, культурных особенностей быта

Безусловно, каждый тип аутентичных материалов обладает специфическими преимуществами для формирования тех или иных аспектов межкультурной компетенции. Текстовые печатные материалы, например газетные статьи и журнальные публикации, позволяют студентам познакомиться с актуальными проблемами общества, политическим дискурсом, ценностными ориентирами представителей изучаемой культуры. Художественная литература, в свою очередь, дает возможность проникнуть в глубинные культурные смыслы, понять особенности менталитета народа через призму художественных образов. [5]

Аудиоматериалы играют важную роль в формировании социолингвистической составляющей межкультурной компетенции, поскольку, позволяют услышать различные варианты произношения, диалекты, особенности речи представителей разных социальных групп. Подкасты и радиопередачи, знакомят студентов с

форматами общения, принятыми в изучаемой культуре, особенностями ведения дискуссий, выражения согласия и несогласия.

Видеоматериалы, представляются наиболее ценными для комплексного формирования межкультурной компетенции. Поскольку они демонстрируют не только языковые, но и паралингвистические средства коммуникации. Просмотр художественных и документальных фильмов позволяет наблюдать невербальное поведение носителей языка, дистанцию общения, жестикуляцию, мимику. Что является неотъемлемой частью межкультурной коммуникации. Более того, фильмы и сериалы часто содержат ситуации межкультурного взаимодействия, демонстрируют возможные коммуникативные неудачи и способы их преодоления. [6]

Интернет-ресурсы открывают новые возможности для формирования межкультурной компетенции, благодаря интерактивности и актуальности. Социальные сети позволяют наблюдать за реальным общением носителей языка, знакомиться с современным сленгом, интернет-мемами, которые являются важной частью современной культуры. Форумы и комментарии к новостным статьям, дают представление о том, как представители изучаемой культуры реагируют на те или иные события, какие аргументы приводят в дискуссиях.

Прагматические материалы, несмотря на кажущуюся простоту, выполняют важную функцию в формировании практических навыков межкультурного взаимодействия. Умение правильно заполнить форму, понять меню в ресторане, разобраться в расписании транспорта является необходимым для успешной адаптации в иноязычной среде.

Однако следует подчеркнуть, что простое предъявление аутентичных материалов студентам, не гарантирует автоматического формирования межкультурной компетенции. Необходима целенаправленная педагогическая работа, включающая отбор материалов в соответствии с определенными принципами, разработку системы заданий, направленных на осмысление культурных особенностей, рефлексии собственного культурного опыта. [7]

В таблице 2 представлены основные принципы отбора аутентичных материалов для формирования межкультурной компетенции студентов вузов.

Таблица 2

Принципы отбора аутентичных материалов для формирования межкультурной компетенции

Принцип	Содержание	Реализация
Культурная релевантность	Материал должен отражать значимые культурные явления и реалии	Отбор материалов, демонстрирующих ценности, традиции, особенности менталитета
Языковая доступность	Соответствие уровню языковой подготовки студентов	Учет лексико-грамматической сложности, возможность адаптации
Актуальность	Отражение современного состояния языка и культуры	Использование свежих публикаций, современных медиаресурсов
Проблемность	Наличие материала для сравнения, анализа, дискуссии	Выбор текстов, содержащих культурные дилеммы, различия в подходах
Аутентичность восприятия	Сохранение естественности коммуникативной ситуации	Минимальная адаптация, сохранение контекста
Мотивационная ценность	Интерес и значимость материала для студентов	Учет возрастных особенностей, профессиональных интересов

Важно отметить, что работа с аутентичными материалами, должна строиться таким образом, чтобы обеспечивать не только понимание поверхностного содержания, но и проникновение в глубинные культурные смыслы. Для этого необходимо использовать задания, направленные на культурную рефлексию, сравнение с родной культурой, обсуждение культурных различий. Как справедливо отмечает Абдулвахабова, Л. Б., «формирование межкультурной компетенции невозможно без развития способности к культурной эмпатии и децентрации, то есть умения посмотреть на ситуацию с точки зрения представителя другой культуры». [8]

Кроме того, необходимо учитывать, что формирование межкультурной компетенции является длительным процессом, требующим систематической работы. Эпизодическое использование аутентичных материалов, не может обеспечить достижение желаемого результата. Требуется создание целостной системы работы с аутентичными ресурсами, на протяжении всего периода обучения иностранному языку в вузе, с постепенным усложнением материалов и углублением культурной рефлексии.

Следует также подчеркнуть роль преподавателя в процессе формирования межкультурной компетенции, через аутентичные материалы. Преподаватель выступает не только как источник знаний о культуре, но и как медиатор культур, помогающий студентам интерпретировать культурные явления, избегать стереотипов и предвзятости. Для этого сам преподаватель должен обладать высоким уровнем

межкультурной компетенции, знанием изучаемой культуры, способностью к культурной рефлексии. [9]

Выводы

Проведенное теоретическое исследование позволяет сделать ряд важных выводов относительно роли аутентичных материалов в формировании межкультурной компетенции студентов вузов. Прежде всего, необходимо отметить, что межкультурная компетенция представляет собой сложное интегративное образование, включающее когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты, формирование которых требует специально организованной педагогической работы.

Эффективность использования аутентичных материалов для формирования межкультурной компетенции, зависит от соблюдения определенных принципов их отбора, включающих: культурную релевантность, языковую доступность, актуальность, проблемность, аутентичность восприятия и мотивационную ценность. Работа с аутентичными материалами, должна быть систематической и целенаправленной. А так же включать задания на культурную рефлексию, сравнение культур, развитие культурной эмпатии.

Таким образом, можно утверждать, что использование аутентичных материалов является необходимым условием формирования межкультурной компетенции студентов вузов. Поскольку, только через соприкосновение с реальным языком и культурой, возможно развитие способности к эффективной межкультурной коммуникации.

References

1. Шульга А. А. Формирование межкультурной компетенции через обучение английскому языку: педагогический подход // Вестник науки. 2024. №9 (78). – С. 266-272.
2. Капустина Д.М., Николаева М.В., Преподавание английского языка в контексте обучения специалистов по межкультурной коммуникации // Проблемы современного педагогического образования. 2024. №85-1. – С. 179-181.
3. Милкина А. Ю. Роль аутентичных текстов в обучении иностранному языку // Мировая наука. 2022. №5 (62). – С. 1-5.
4. Канцур А.Г., Балабанова Е.А., Использование аутентичных материалов как средство формирования критического мышления на уроках английского языка // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2022. №18. – С. 104-109.

5. Безденежных, Н. Н. Иностраный язык как средство формирования межкультурной компетенции студента / Н. Н. Безденежных, Л. Ю. Морозова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 7(133). – С. 1-4.
6. Северина, В. Ф. Определение уровня сформированности межкультурной компетенции студентов при обучении иностранному языку в неязыковом вузе / В. Ф. Северина // Заметки ученого. – 2023. – № 4. – С. 137-142.
7. Юрченко, М. А. Мобильные технологии в развитии межкультурной компетенции студентов-международников в рамках занятий по иностранному языку / М. А. Юрченко // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – Т. 6, № 3(23). – С. 198-205.
8. Абдулвахабова, Л. Б. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иностранным языкам в вузе: психолого-педагогические условия эффективности / Л. Б. Абдулвахабова // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – № 11-2. – С. 43-50.
9. Кабалина, О. И. Формирование межкультурной компетенции у студентов педагогического направления с двойным профилем подготовки (начальное образование и иностранный язык) / О. И. Кабалина, М. В. Королева // Человеческий капитал. – 2023. – № 11-2(179). – С. 100-110.

UDC 372.881.111.1

Gordienko M.V. The Value of Video for Technical Students in English Language Classes: Theoretical Foundations and Experimental Verification

Gordienko Marina Vladimirovna

Senior Lecturer, Novosibirsk State Technical University (NSTU)

Abstract. *The article presents a comprehensive theoretical analysis and experimental validation of the effectiveness of using authentic video materials in teaching Professional English (English for Specific Purposes) to students of technical specialties. Cognitive, linguodidactic, motivational, and sociocultural aspects of integrating video into the educational process are examined. A description of a pedagogical experiment is provided, confirming the hypothesis about the significant positive impact of systematic work with video on the development of foreign language professional communicative competence. Based on the results, practical recommendations are formulated.*

Keywords: *Languages for Specific Purposes (LSP) teaching, Professional English, Technical English, authentic video materials, multimedia learning, cognitive load theory, motivation, experimental research.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Introduction

The globalization of scientific and technical cooperation and integration into the international educational space impose increased demands on the level of proficiency in English as a language of professional communication (Language for Specific Purposes – LSP) for future engineers and technologists. Bridging the gap between the "academic" language studied in the classroom and the real requirements of the professional environment remains a relevant methodological problem. Traditional textbooks often fail to keep pace with the dynamics of technological development and do not provide sufficient exposure to live, spontaneous professional speech. In this context, authentic video materials (lectures, conferences, demonstrations, interviews, documentaries) serve as a unique didactic resource, modeling situations of professional communication and providing a multimodal (visual-auditory) presentation of contextualized language.

The aim of this article is to build a holistic theoretical model for using video in teaching Technical English based on a synthesis of modern linguodidactic, psychological-pedagogical, and methodological theories, and to empirically test its effectiveness within a controlled pedagogical experiment.

1. Theoretical Foundations for Using Video in Teaching Professionally-Oriented Foreign Language

The integration of video into the process of teaching Technical English is based on several complementary theoretical platforms.

1.1. Cognitive-Psychological Theories: Multimedia Learning and Cognitive Load.

The fundamental basis is Richard Mayer's Theory of Multimedia Learning (Mayer, 2009, pp. 1-12; 2014, pp. 31-48). Its key principles directly confirm the effectiveness of video:

Multimedia Principle: People learn better from words and pictures than from words alone. Video simultaneously engages the verbal (speech, subtitles) and visual (dynamic image, graphics, text) channels of information processing.

Spatial and Temporal Contiguity Principles: Corresponding words and images presented simultaneously and close together on the screen (as in high-quality educational or popular science videos) are learned better.

Individual Differences Principle: The effect is stronger for learners with low prior knowledge and high spatial abilities, which is relevant for students just beginning to master professional terminology.

J. Sweller's Cognitive Load Theory (Sweller, 2011, pp. 37-41) explains how properly structured video can optimize the load on working memory. Authentic video, unlike a teacher's oral explanation, presents information in an integrated, "ready-made" form, reducing extraneous load (the load of processing poorly organized information). The teacher's task is to manage this load through pre-viewing tasks, activating schemas in long-term memory.

How to Combat Extraneous Load? (Practical Recommendations for Teachers):

Coherence Principle: Remove all extraneous material from videos and slides (decorative graphics, background music).

Split-Attention Principle: Place text next to the corresponding image, not separately. Narrate what is shown on the screen.

Modality Principle: It is better to accompany animation or a diagram with spoken explanation rather than a large amount of on-screen text.

Pre-Training: Provide students with a glossary of terms or introductory information before watching a complex video.

Segmenting: Divide long videos into meaningful parts with pauses for discussion or task completion.

1.2. Linguodidactic Approaches.

Communicative Approach and Task-Based Learning (TBL): Video provides an authentic context for setting real communicative tasks ("discuss the engineering solution presented in the clip," "create instructions based on what you saw"). This moves learning beyond

memorized phrases into the realm of meaningful language use for solving professionally significant problems (Ellis, 2003, pp. 27-34).

Content and Language Integrated Learning (CLIL): Video is an ideal CLIL tool, where language serves as a means of mastering professional content. Students focus on understanding a technical process or concept, while language is acquired incidentally but in a deep context (Coyle, Hood, & Marsh, 2010, pp. 54-67).

Concept of Authenticity: Theories of authentic materials (Guariento & Morley, 2001, pp. 347-349) emphasize the importance of working with resources created by natives for natives, not for educational purposes. This prepares students for perceiving real speech with all its features (pace, accents, natural pauses, informal vocabulary in discussions).

1.3. Motivational and Affective Factors.

Self-Determination Theory (Deci & Ryan): Video can satisfy three basic psychological needs:

Competence: Understanding complex authentic material increases the sense of competence.

Autonomy: The ability to independently choose topics for viewing, control playback speed (with subtitles) provides a sense of control.

Relatedness: The content connects the student with the global professional community (Ryan & Deci, 2017, pp. 80-86).

Reducing Language Anxiety: Video, especially when using subtitles, serves as a "scaffold." The visual context helps guess the meaning of unfamiliar words, reducing the fear of misunderstanding (Krashen, 1982, pp. 30-32).

2. Cognitive and Motivational Advantages: In-Depth Analysis

Based on the aforementioned theories, the advantages of video are comprehensive:

Forming Mental Models and Contextualizing Terms: Technical vocabulary is acquired not as an isolated list, but as part of an operating system linked to a visual image of an object or process. This aligns with the principles of semantic networks and enrichment of cognitive schemas (Anderson, 2014, pp. 178-185).

Developing Discursive Competence: Students observe not only what is said, but how: the structure of a professional presentation, argumentation, transitions, nonverbal behavior (gestures, eye contact), which is impossible to extract from text.

Stimulating Professional Identity: Video is a "window" into the world of the future profession, enhancing instrumental motivation and forming the image of "myself as a future engineer in an international environment."

3. Practical Implementation: From Theory to Methodology

The effectiveness of using video is determined not by the fact of its use itself, but by the quality of methodological support. Based on cognitive load and task-based theories, a three-stage model is proposed:

Pre-viewing (Anticipation and Removing Cognitive Barriers): Activation of background knowledge (brainstorming on the topic).

Introduction and practice of key terms (based on the principle of load management).

Setting a specific viewing task (focusing attention).

While-viewing (Active Perception and Information Processing):

Tasks for finding specific information, filling out tables, determining the sequence of steps.

Working with subtitles: viewing with English subtitles → viewing without them → discussion.

Post-viewing (Analysis, Practice, and Speech Production):

Discussion within the framework of sociocultural interaction theory (Vygotsky, 1978, pp. 84-91): work in pairs/small groups to solve tasks.

Role-plays, presentations, project work (e.g., create a video commentary on a process).

Reflection and analysis of linguistic means used in the video (transfer to active use).

4. Experimental Research

Hypothesis: The systematic use of authentic video materials within the proposed three-stage model leads to a statistically significant improvement in the indicators of listening comprehension of professional speech, acquisition of specialized vocabulary, and development of professionally-oriented speaking skills among technical students compared to the traditional methodology.

Methodology:

Design: Controlled quasi-experiment with pre- and post-testing.

Participants: 54 second-year students (average age 19) of engineering majors, divided into an Experimental Group (EG, n=27) and a Control Group (CG, n=27). The groups were equivalent in terms of results from an initial English proficiency test.

Duration: 18 weeks (one academic semester).

Intervention: Authentic video materials (TED Talks on technical topics, fragments of industry webinars, documentary series like "Engineering Connections," software screencasts) were integrated weekly into the EG's learning. Work was structured according to the three-stage model with an emphasis on project activities. The CG studied according to the standard program using a textbook, text materials, and educational audio recordings.

Measurement Tools:

Listening Test: Comprehension of a mini-lecture on a technical topic (authentic conference recording).

Vocabulary Test: Active and passive command of the target technical terminology of the course.

Speaking Test: Task on describing/explaining a technological process according to a given scheme using professional vocabulary. Assessed using rubrics: terminology accuracy, fluency, coherence, genre appropriateness.

Motivation Questionnaire (based on Self-Determination Theory scales).

Data Analysis: Student's t-test for independent and dependent samples was used to compare pre- and post-test results. Significance level $p < 0.05$.

Results:

Listening: The EG showed significantly greater progress (average score increase +32%, $p < 0.001$) compared to the CG (+14%, $p < 0.05$). The difference between groups in the post-test was statistically significant ($p < 0.01$).

Vocabulary: The EG's results in the test on active use of terms were reliably higher ($p < 0.01$). EG students demonstrated more contextually appropriate use of vocabulary.

Speaking: Significant improvement was observed in the EG on the criteria "terminology accuracy" and "coherence/structure of utterance" ($p < 0.01$). Progress in "fluency" was also higher, though less pronounced.

Motivation: Questionnaire data revealed higher levels of intrinsic motivation and course satisfaction in the EG, particularly in the aspects of "autonomy" and "competence."

Discussion of Results:

The results confirm the hypothesis and are consistent with the theoretical premises. The significant progress in listening is explained by constant exposure to diverse authentic speech samples, which trains the skill of auditory decoding in a professional context. The success in vocabulary acquisition and its activation in speech confirms the theses of Multimedia Learning Theory and CLIL regarding the advantages of contextualized, multimodal information presentation. The increase in motivation aligns with the provisions of Self-Determination Theory. The experiment also revealed an area for further improvement: the development of spontaneous speech fluency requires additional, possibly more interactive and game-based work formats at the post-viewing stage.

Conclusion

The theoretical analysis, supported by experimental research data, allows us to assert that authentic video materials are not merely a technical novelty, but a powerful didactic tool whose effectiveness has a solid scientific foundation. Their use aligns with the cognitive

features of learning, satisfies key psychological needs of students, and ensures the necessary authenticity and professional orientation of the educational process. For maximum effectiveness, the integration of video must be systematic, methodologically sound (in accordance with the three-stage model), and accompanied by active productive student activity. Promising directions for further research include studying the long-term effect, differentiating approaches for students with different cognitive styles, and developing algorithms for the automated selection of video resources for specific professional profiles.

References

1. Anderson, J. R. (2014). *Cognitive Psychology and Its Implications* (8th ed.). Worth Publishers. pp. 178-195.
2. Canning-Wilson, C. (2000). Practical Aspects of Using Video in the Foreign Language Classroom. *The Internet TESL Journal*, 6(11). [Note: Online journal, pages not applicable].
3. Coyle, D., Hood, P., & Marsh, D. (2010). *CLIL: Content and Language Integrated Learning*. Cambridge University Press. pp. 54-80.
4. Ellis, R. (2003). *Task-based Language Learning and Teaching*. Oxford University Press. pp. 27-45.
5. Guariento, W., & Morley, J. (2001). Text and task authenticity in the EFL classroom. *ELT Journal*, 55(4), 347-353.
6. Krashen, S. (1982). *Principles and Practice in Second Language Acquisition*. Pergamon Press. pp. 30-35.
7. Mayer, R. E. (2009). *Multimedia Learning* (2nd ed.). Cambridge University Press. pp. 1-18.
8. Mayer, R. E. (Ed.). (2014). *The Cambridge Handbook of Multimedia Learning* (2nd ed.). Cambridge University Press. pp. 31-55.
9. Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2017). *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. Guilford Press. pp. 80-100.
10. Sweller, J. (2011). Cognitive load theory. In *Psychology of learning and motivation* (Vol. 55, pp. 37-76). Academic Press.
11. Vygotsky, L.S. (1978). *Thought and Language*. Moscow University Press. pp. 84-95. (In Russian)
12. Zimnyaya, I.A. (2004). Key competencies – a new paradigm of educational outcomes. *Expertise*. (In Russian) [Note: Specific pages for this reference are not provided in the original].

13. Passov, E.I., & Kuzovleva, N.E. (2010). Fundamentals of Communicative Theory and Technology of Foreign Language Education: A Methodological Guide for Teachers. Russian Language. (In Russian) [Note: Specific pages for this reference are not provided in the original].
14. Polat, E.S., & Bukharkina, M.Yu. (2011). Modern Pedagogical and Information Technologies in the Education System. Academia. (In Russian) [Note: Specific pages for this reference are not provided in the original].
15. Serova, T.S. (2013). Professionally-Oriented Foreign Language Teaching in a Non-Linguistic University: Theory and Practice. Perm National Research Polytechnic University Publishing House. (In Russian) [Note: Specific pages for this reference are not provided in the original].
16. Solovova, E.N. (2018). Methods of Teaching Foreign Languages: An Advanced Course. AST: Astrel. (In Russian) [Note: Specific pages for this reference are not provided in the original].
17. Tarnaeva, L.P. (2018). Using authentic video materials in teaching professional English to technical university students. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, (6), 87-92. (In Russian)

HEALTHCARE AND MEDICAL ETHICS

UDC 616.332.129

Korosteleva E. A., Mollaeva D. A., Bogacheva E. V. The occurrence of gastrointestinal diseases on the background of irregular nutrition in students of the medical university of 1-3 courses

Возникновение заболеваний ЖКТ на фоне нерегулярного питания у студентов медицинского университета 1-3 курса

Korosteleva Elizaveta Andreevna

3rd year student of the Faculty of Medicine, group L-320
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko.

Mollaeva Dinara Azamatovna

3rd year student of the Faculty of Medicine, group L-320
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko.

Bogacheva Elena Vasilevna

Ph.D, Associate Professor
Department of Management in Health Care Department,
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
Коростелева Елизавета Андреевна
студентка 3 курса лечебного факультета группы Л-320
Воронежского государственного медицинского университета
имени Н.Н. Бурденко
Моллаева Динара Азаматовна
студентка 3 курса лечебного факультета группы Л-320
Воронежского государственного медицинского университета
имени Н.Н. Бурденко
Богачёва Елена Васильевна
кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры Управления в здравоохранении,
Воронежский государственный медицинский
университет им. Н.Н. Бурденко

Abstract. *Irregular meals are a common problem among students, especially in medical schools. Our article shows the dynamics of eating disorders in students from 1-3 years of medical school. A negative trend towards an increase in the frequency of abdominal pain with an increase in the course was revealed. While 82.4% of medical students denied pain in the 1st year, only 68.2% denied pain in the 3rd year. There is a clear trend towards a deterioration in the regularity of nutrition. The proportion of students who eat only 1-2 meals a day increases from 23% in the 1st year to 34.1% in the 3rd year, while the proportion of those who eat 5 or more times decreases.*

Keywords: *nutrition, gastrointestinal diseases, pain, breakfast, lunch, dinner, students.*

Аннотация. *Нерегулярное питание частая проблема среди студентов, особенно медицинского вуза. В нашей статье показана динамика нарушений питания у студентов с 1 по 3 курс медицинского вуза. Выявлена негативная тенденция к увеличению частоты абдоминальных болей с повышением курса. Если на 1 курсе боли отрицали 82,4% студентов-медиков, то на 3 курсе – только 68,2%. Установлена четкая тенденция к ухудшению*

регулярности питания. Доля студентов, питающихся всего 1-2 раза в день, возрастает с 23% на 1 курсе до 34,1% на 3 курсе, в то время как доля питающихся 5 и более раз сокращается.

Ключевые слова: питание, заболевания ЖКТ (желудочно-кишечного тракта), боль, завтрак, обед, ужин, студенты

Рецензент: Сагитов Рамиль Фаргатович, кандидат технических наук, доцент, заместитель директора по научной работе в ООО «Научно-исследовательский и проектный институт экологических проблем», г. Оренбург

Актуальность. Проблема заболеваний ЖКТ у студентов-медиков на фоне нерегулярного питания — это не просто частный случай, а системная проблема, находящаяся на стыке медицины, образования и общественного здоровья [1]. Проведенные среди студентов опросы показывают, что получение медицинского образования не служит гарантией полной осведомленности о вреде нерегулярного питания и развитием заболеваний желудочно-кишечного тракта [2].

Нерегулярное питание является важной проблемой для студентов, поскольку эта категория людей испытывает высокие эмоциональные и умственные нагрузки. Из-за ограниченности финансов и нехватки свободного времени в течение учебного дня в их рационе часто наблюдается уменьшение качественных и полезных продуктов. Также у студентов наблюдаются нерегулярные приемы пищи, частые перекусы, потребление еды на ходу, иногда с чрезмерными ограничениями в питании и необоснованным использованием диет [3]. Это ведет к нарушению питания и, как следствие, может вызвать появление заболеваний ЖКТ. Таким образом, необходимость в регулярном питании становится особенно актуальной для студентов проблемой.

Целью работы является анализ показателей распространённости заболеваний ЖКТ среди студентов и оценка важности консультирования со специалистом.

Материалы и методы исследования. В Воронежском медицинском университете им. Н.Н. Бурденко был проведен опрос среди студентов 1-3 курса.

Обработка материала выполнялась методами описательной статистики для расчета и сопоставления относительных величин в выборочной совокупности и формирования прогнозов для генеральной совокупности при $p \leq 0,05$ с учетом ошибок репрезентативности.

Результаты. Было проведено исследование по возникновению заболеваний ЖКТ на фоне нерегулярного питания среди студентов-медиков в ВГМУ им. Н. Н. Бурденко в г. Воронеже. В исследовании приняли участие студенты лечебного, педиатрического, фармацевтического и медико-профилактического факультетов и института стоматологии.

По результатам опроса получены следующие результаты: боли со стороны ЖКТ отсутствуют у большинства студентов, среди которых 61 человек (82,4%) - студенты 1 курса, 50 человек (75,8%) - 2 курс и 30 человек (68,2%) - 3 курс (Диаграмма 1).

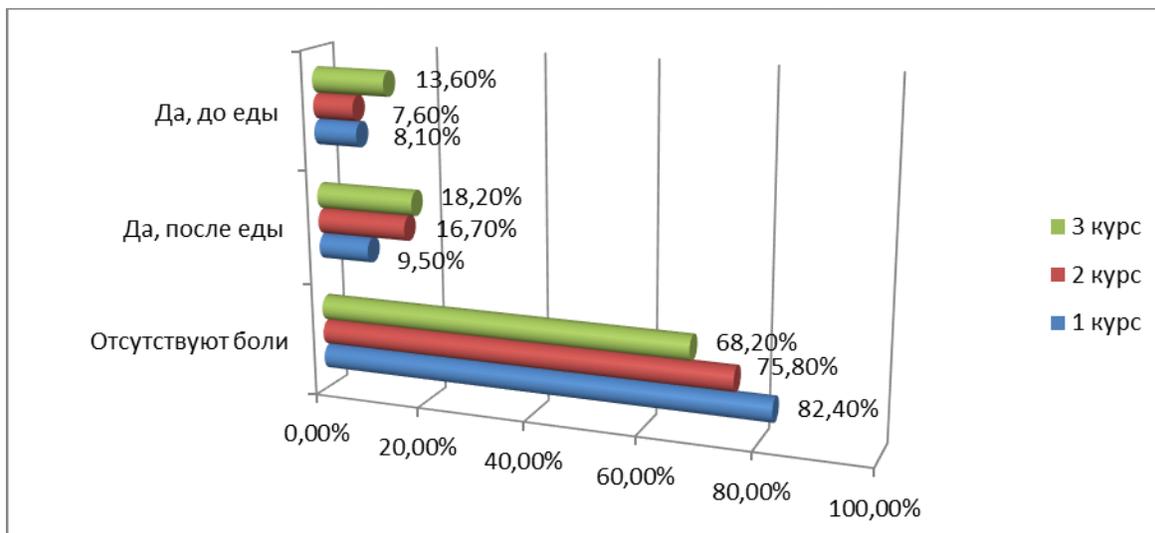

Диаграмма 1. Боли со стороны ЖКТ.

О наличии боли, после еды среди всех ответов, больше всего ответов студентов 3 курса: после еды-8 чел. (18,2%) и до еды- 6 чел. (13,6%). Также у 11 человек (25%) студентов 3 курса, 11 человек (16,7%) - 2 курса и 10 человек (13,5%) студентов 1 курса отмечалась ноющая боль (Диаграмма 2).

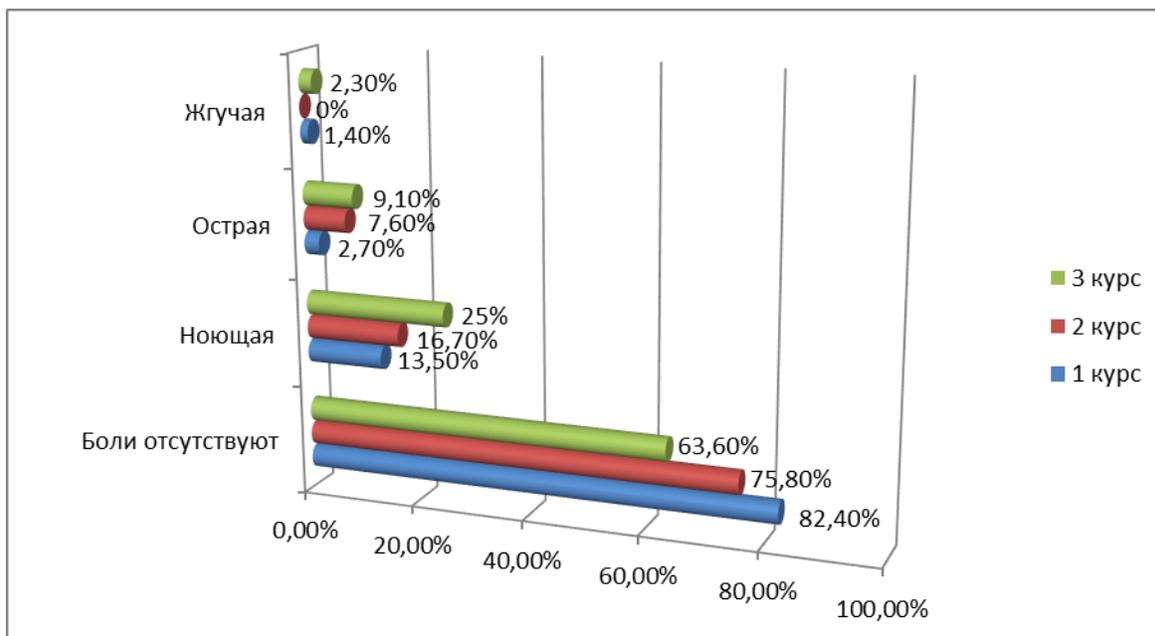

Диаграмма 2. Характер боли.

Наиболее распространённый режим питания для всех курсов - 3 – 4 раза в день:
1 курс: 45 человека (60,8%); 2 курс: 43 человека (65,2%); 3 курс: 26 человек (59,1%).

Существенная часть студентов питается только 1–2 раза в день - 1 курс: 17 человек (23%); 2 курс: 16 человек (24,2%); 3 курс: 15 человек (34,1%).

Меньше всего студентов выбирают 5 и более приемов пищи: 1 курс: 12 человек (16,2%); 2 курс: 7 человек (10,6%); 3 курс: 3 человека (6,8%)

Видно, что по мере повышения курса становится меньше студентов, кто принимает пищу более 5 раз в день, и увеличивается доля питающихся в режиме 1–2 раза в день. Большинство студентов всех курсов придерживаются режима 3–4 разового питания (Диаграмма 3).

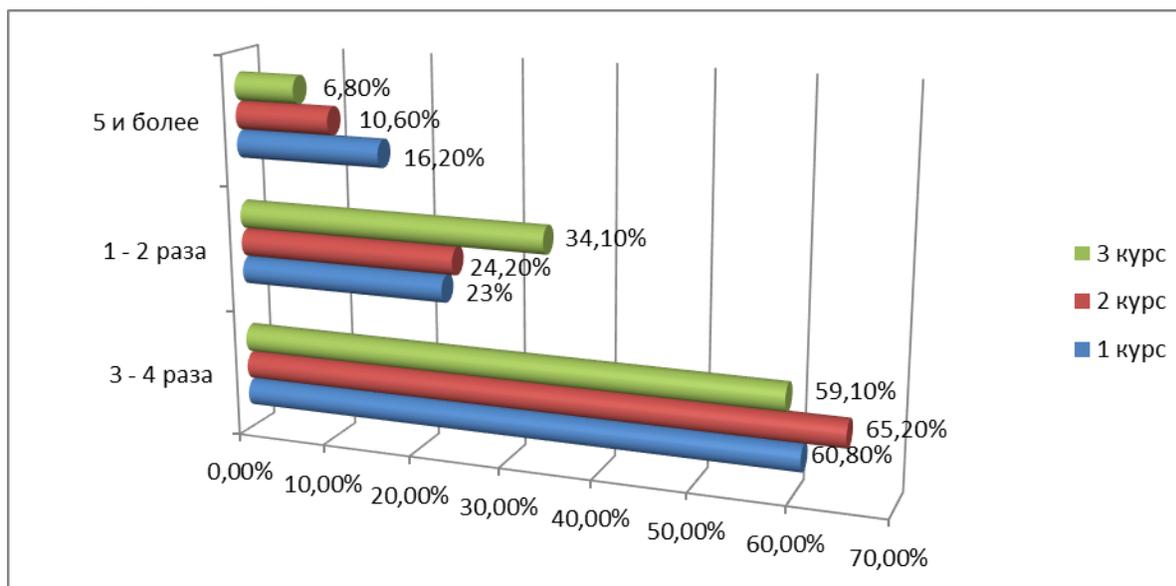

Диаграмма 3. Питание в течение дня, учитывая перекусы.

В пищевом рационе студентов всех курсов лидируют мясо и мясные продукты, особенно у студентов 2 курса - 26 человек (39,4%), затем у 1 курса-25 человек (33,8%), меньше у 3 курса -14 человек (31,8%). Готовая продукция занимает второе место среди предпочтений студентов: у студентов 3 курса -13 человек (29,5%), затем у 1 курса - 22 человек (29,7%) и 2 курса - 13 человек (22,7%). Мучные изделия и выпечка менее популярны: у 3 курса - 9 человек (20,5%), 2 курс - 15 человек (19,7%), 1 курс - 15 человек (20,3%). Овощи и фрукты преобладают у старших курсов: 3 курс - 2 человека (13,6%), 2 курс - 8 человек (12,1%) 1 курс 9 человек (12,2%). Молоко и молочные продукты занимают последнее место в предпочтении студентов: 3 курс - 6 человек (4,5%), 2 курс - 4 человека (6,1%), 1 курс —3 человека (4,1%). (Диаграмма 4).

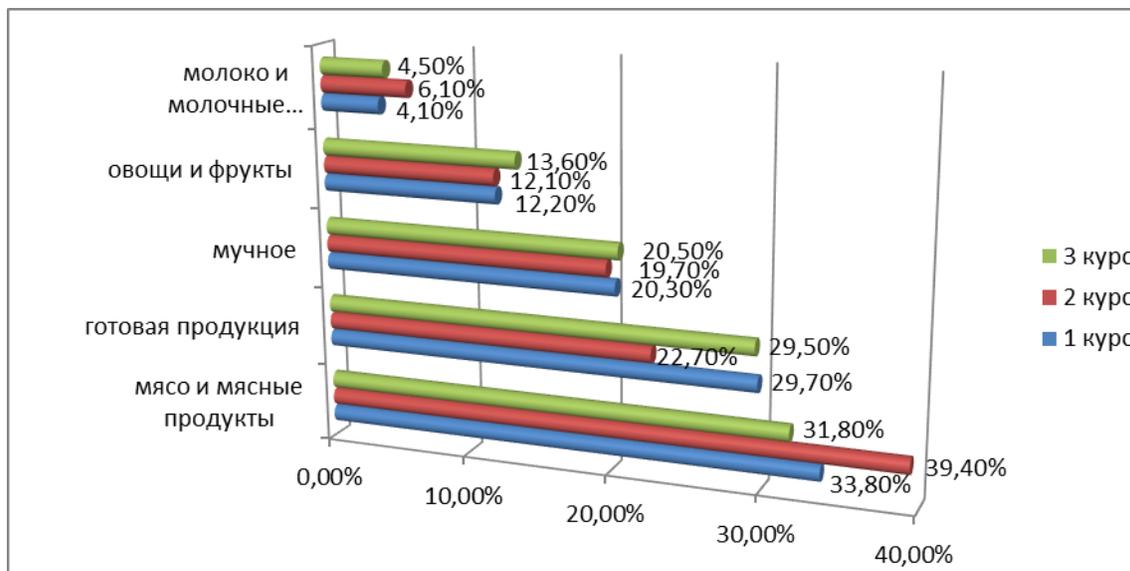

Диаграмма 4. Продукты, чаще всего присутствующие в рационе студентов.

Большинство студентов завтракают (более 60% на каждом курсе). Наибольшая доля завтракающих - 1 курс: 53 человека (71,6%); наименьшая - 2 курс: 43 человека (65,2%). Доля студентов которые не завтракают: 23 человека (34,8%) у 2 курса и 21 человек у 1 курса (28,4%). (Диаграмма 5).

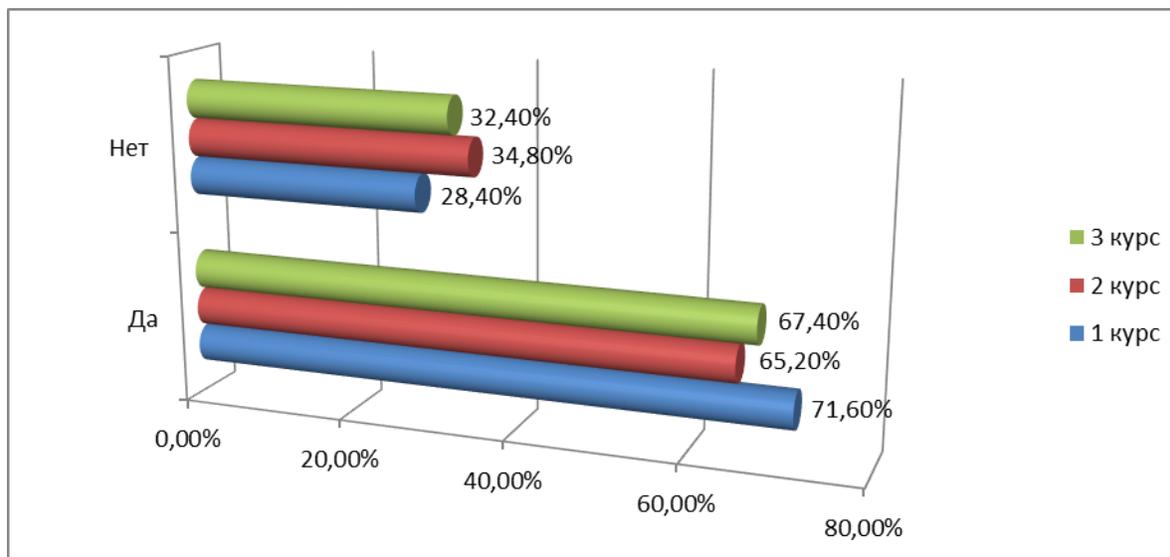

Диаграмма 5. Присутствие завтрака в режиме питания студентов.

На завтрак студенты предпочитают следующие продукты: лидером является «кофе/чай с печеньем» ($\approx 33-43\%$), особенно такой завтрак популярен на 1-м и 3-м курсах; это указывает на предпочтение быстрых/жидких перекусов.

Пропускают завтрак значительная часть студентов (26–29,5%); процент чуть выше у 2–3 курсов — возможно, из-за усталости, плотного расписания или невнимания к питанию.

Яичницу/омлет или кашу на завтрак предпочитают очень малый процент студентов: у 3 курса 4 чел. (9,1%), что говорит о малой распространённости «тёплых» и сытных завтраков.

Сравнение между курсами: 1 курс чаще выбирает кофе/чай и реже пропускает завтрак по сравнению с 2–3 курсами; 2 курс демонстрирует наибольшую долю отказа от завтрака; 3 курс сочетает высокий процент по употреблению на завтрак кофе/чая и высокий процент тех, кто не завтракает. (Диаграмма 6).

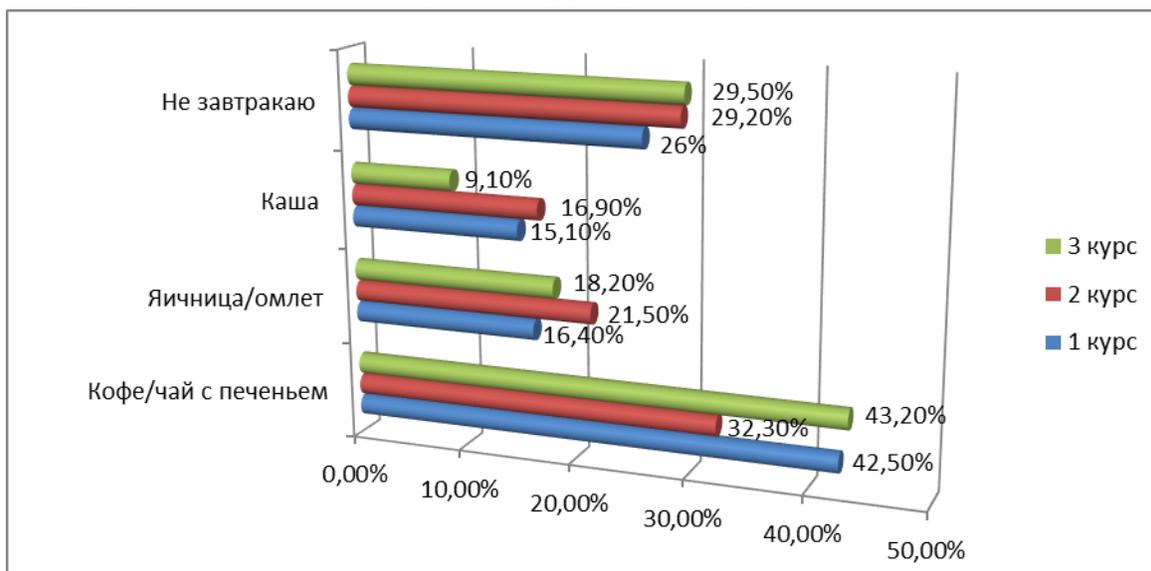

Диаграмма 6. Продукты, входящие в завтрак студентов.

Большинство студентов завтракают перед парами: 57–70% на каждом курсе (наибольший показатель у 3-го курса: перед парами завтракают 30 человек (69,8%) и у 1-го курса - (51 человек). Значительная доля студентов пропускает завтрак: особенно на 2 курсе 19 человек (29%), у 1 курса - 15 человек (20%). (Диаграмма 7).

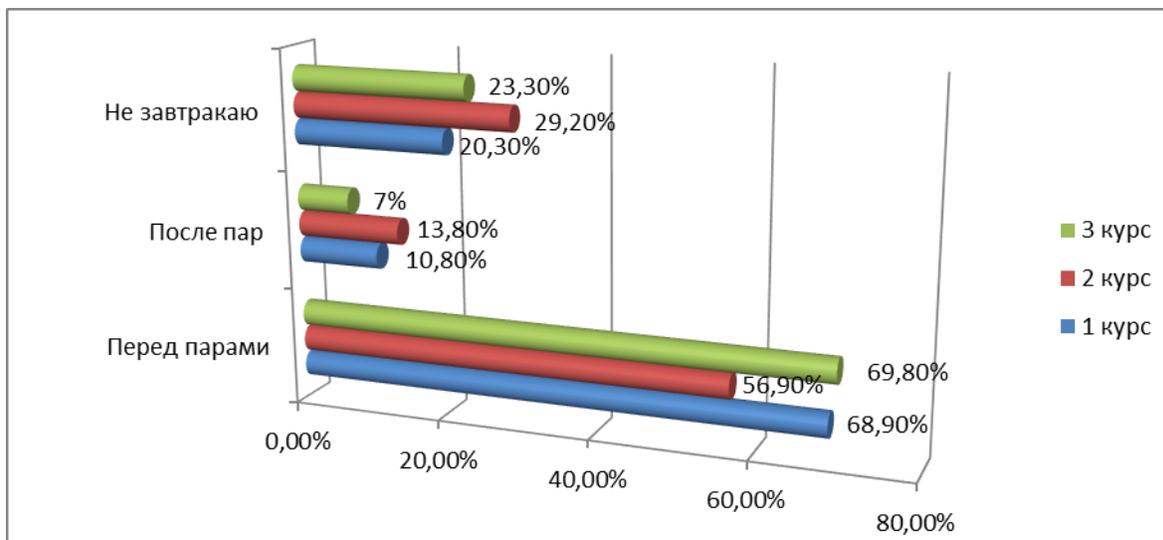

Диаграмма 7. Время завтрака

Большинство студентов обедают: 34 человека (77%) на 3 курсе и 66 человек (89%) на 1 курс. Доля тех, кто не обедает, увеличивается с курсом: 10,8% → 13,6% → 22,7%; на 3 курсе заметно чаще студенты пропускаю обед (20, 5% - 9 человек). (Диаграмма 8).

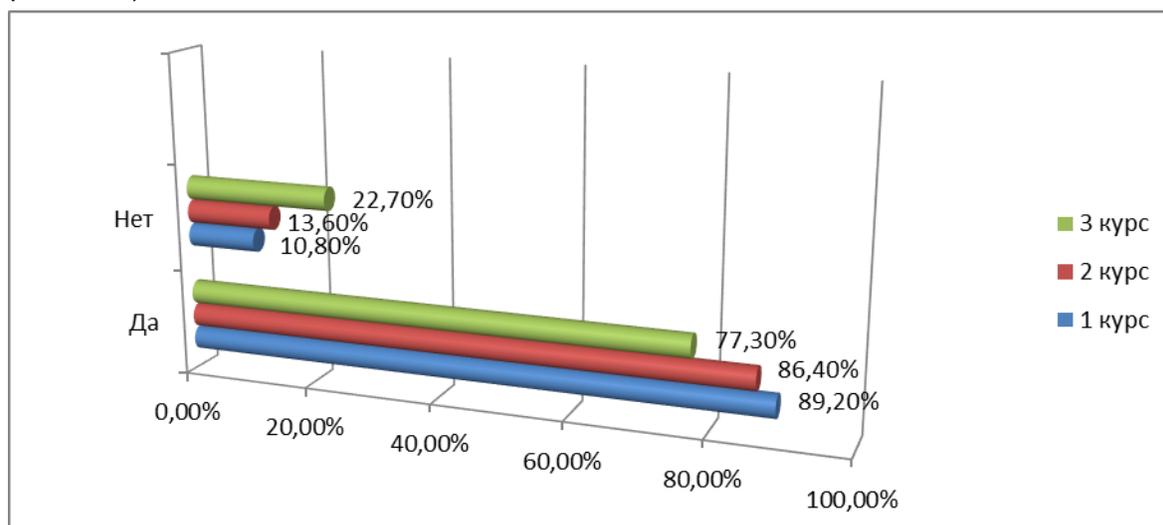
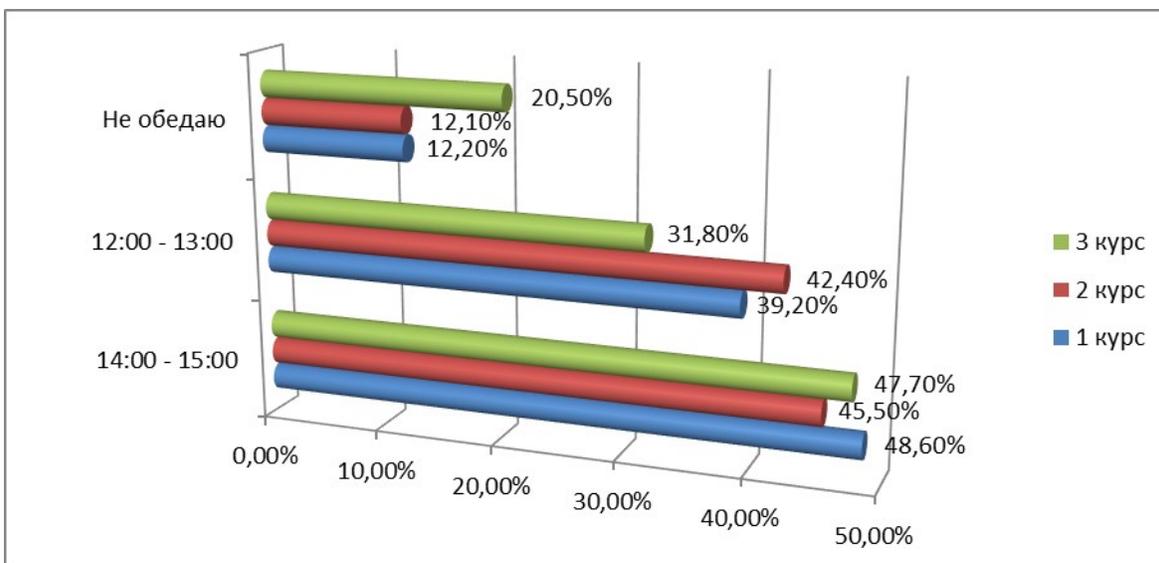

Диаграмма 8. Присутствие обеда в рационе.

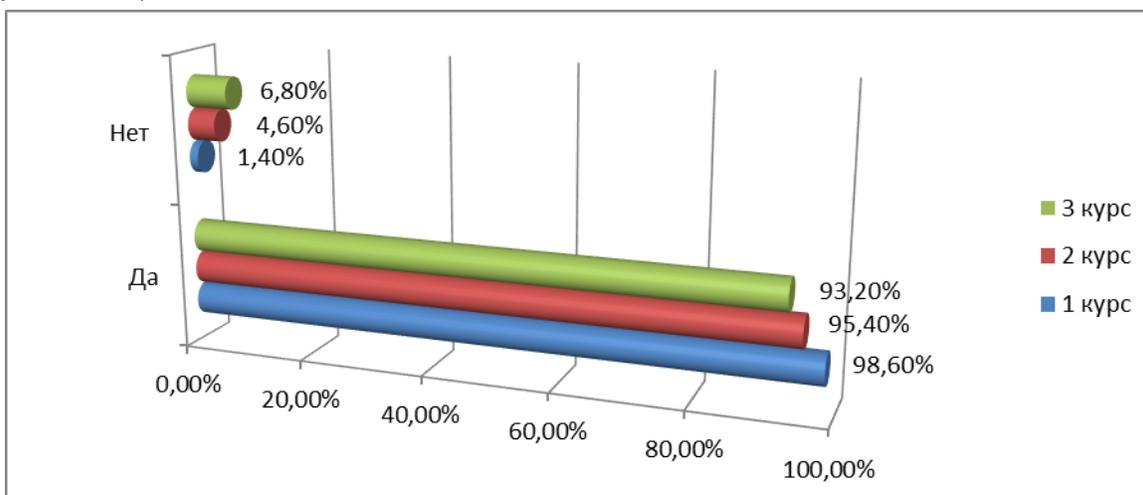
Большинство студентов всех курсов обедают в интервале 14:00–15:00 часов (48–52%). Второе по распространённости время обеда: 12:00–13:00 часов (38–46%). Доля тех, кто не обедает, растёт с курсом: 1 курс 8 человек (11%), 2 курс 8 человек (14%), 3 курс 10 человек (23%). (Диаграмма 9).

Диagramма 9. Время обеда

Почти все студенты всех курсов ужинают: доля ответа «Да» очень высока (93–99%). Доля студентов пропускающих ужин увеличивается с курсом: от 1 человека (1,4%) на 1 курс, до 3 чел. (6,8%) на 3 курс, но остаётся невысокой.

Вывод: проблема пропуска ужина незначительна, однако среди старшекурсников пропуски встречаются чаще — возможно, из-за занятости или смены режима. (Диagramма 10).

Диagramма 10. Присутствие ужина в рационе.

Большинство студентов всех курсов выбирают плотный ужин (≈59-61%). Доля лёгких ужинов стабильна и составляет примерно 39-41% на всех курсах. Различия между курсами минимальны (менее 2%), тенденций изменения по курсам не выявлено. (Диagramма 11).

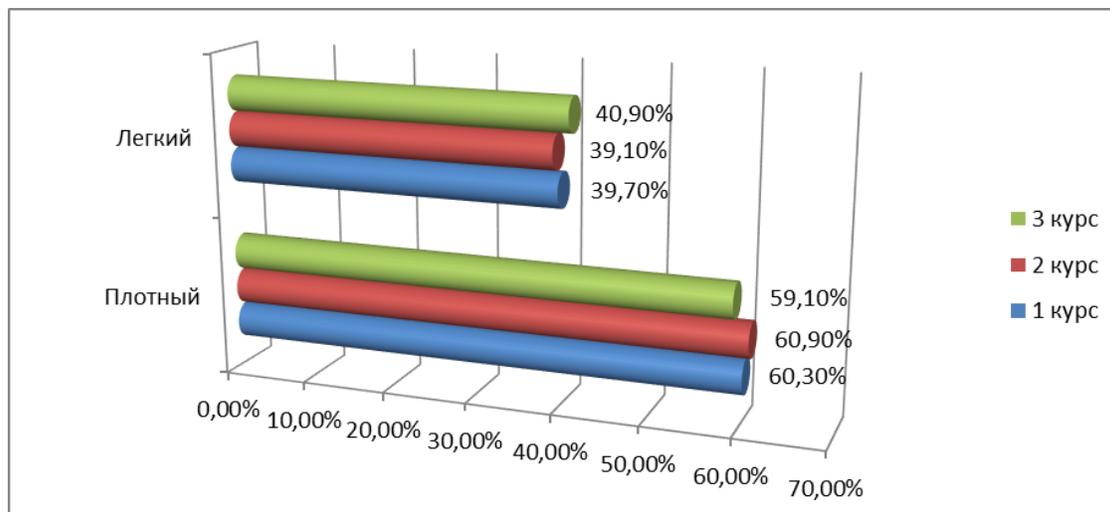

Диаграмма 11. Легкий и плотный ужин.

Большинство студентов всех курсов ужинают в интервале 19:00-20:00 ($\approx 58-65\%$). Второй по популярности интервал — 17:00-18:00 ($\approx 16-21\%$), поздний ужин 21:00-22:00 — менее распространён ($\approx 15-19\%$). Практически все студенты ужинают; доля студентов пропускающих ужин мала ($\approx 2-3\%$) (Диаграмма 12).

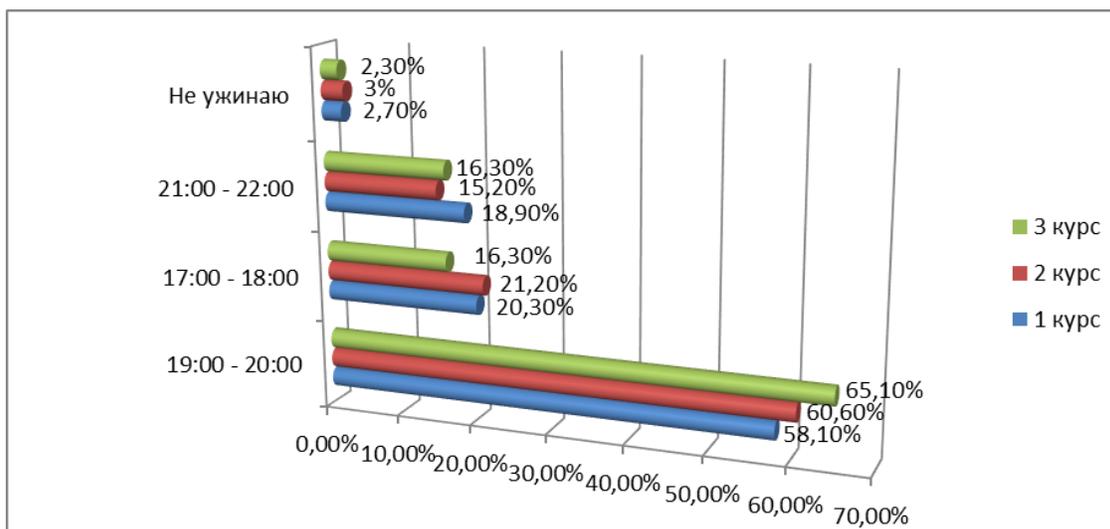

Диаграмма 12. Время ужина.

Заключение:

1. Риск патологий ЖКТ растёт с курсом. Несмотря на то, что большинство студентов не испытывают болей, их частота достоверно увеличивается от младших курсов к старшим. На 3-м курсе отмечается наибольший процент студентов с болями после еды (18,2%) и ноющими болями (25%), что может указывать на формирование хронических функциональных расстройств.

2. Режим питания ухудшается. Наблюдается чёткая тенденция: с повышением курса растёт доля студентов, питающихся всего 1-2 раза в день (с 23% на 1 курсе до 34,1% на 3 курсе), и сокращается число тех, кто ест 5 и более раз. Это свидетельствует о прогрессирующем нарушении режима питания под влиянием учебной нагрузки.

3. Рацион несбалансирован. Преобладает пища с высокой степенью обработки: мясные продукты, готовая продукция и мучное. При этом критически низко потребление овощей, фруктов и молочных продуктов. Такой рацион является фактором риска для развития заболеваний ЖКТ.

4. Ключевые нарушения в режиме:

Завтрак: Значительная часть студентов заменяет полноценный завтрак быстрым перекусом (кофе/чай с печеньем), а доля пропускающих завтраки высока на всех курсах.

Обед: Наибольшую тревогу вызывает рост числа студентов, не обедающих (с 10,8% на 1 курсе до 22,7% на 3 курсе). Обед часто смещается на позднее время (14:00–15:00).

У студентов-медиков, особенно старших курсов, выявляется устойчивая тенденция к нерегулярному и несбалансированному питанию, что напрямую коррелирует с увеличением частоты жалоб со стороны ЖКТ. Это указывает на необходимость внедрения образовательных программ по коррекции пищевого поведения в рамках профилактики заболеваний среди данной группы [4].

References

1. Власова, А. А. Заболевания ЖКТ среди студентов медицинского университета / А. А. Власова, А. С. Гордеев, С. Ф. Абдуганиева // Молодой ученый. – 2024. – № 49(548). – С. 370-372.
2. Балабина, М. Н. Наличие симптомов заболевания органов ЖКТ у студентов КГМУ / М. Н. Балабина, Д. В. Борисова // Молодежная наука и современность: Материалы 89 Международной научной конференции студентов и молодых ученых, посвященной 89-летию КГМУ: в 2-х томах, Курск, 25–26 апреля 2024 года. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2024. – С. 192-193.
3. Валиев, Р. Р. Осведомленность студентов медицинских вузов о питании во время сессий и её связь с когнитивной продуктивностью / Р. Р. Валиев, И. А. Коровкин, Д. А. Толмачев // Дневник науки. – 2024. – № 11(95).
4. Бурмистров, С. Е. Сон и питание: как нарушение режима влияет на успеваемость студентов медицинского вуза / С. Е. Бурмистров, А. Р. Гуфраева, Д. А. Толмачев // Дневник науки. – 2024. – № 12(96).

UDC 616.9-022.7

Obukhova S.G., Podgaetskaya M.S., Bogacheva E.V. The dynamics of the incidence of acute respiratory viral infections (ARVI) among students of higher educational institutions in the city of Voronezh over the annual academic cycle

Динамика заболеваемости ОРВИ студентов высших учебных заведений города Воронежа в годичном цикле обучения

Obukhova Snezhana Gennadyevna

3rd year student of the Faculty of Medicine, group L-320
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Podgaetskaya Maria Sergeevna

3rd year student of the Faculty of Medicine, group L-320
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Bogacheva Elena Vasilevna

Ph.D, Associate Professor
Department of Management in Health Care Department,
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko.

Обухова Снежана Геннадьевна
студентка 3 курса лечебного факультета группа 320

Воронежского государственного
медицинского университета им. Н. Н. Бурденко

Подгаецкая Мария Сергеевна
студентка 3 курса лечебного факультета группа 320

Воронежского государственного
медицинского университета им. Н. Н. Бурденко

Богачёва Елена Васильевна
кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры Управления в здравоохранении,
Воронежский государственный медицинский
университет им. Н.Н. Бурденко

Abstract. *The study focuses on analyzing the incidence of acute respiratory viral infections (ARVI) among university students in Voronezh, as well as identifying factors contributing to their spread. Based on a survey of 329 respondents, it was found that more than 70% of students experienced ARVI during the year, most commonly 1–2 times. A pronounced seasonal pattern was also identified, with a peak in incidence during the autumn period. The majority of respondents prefer self-treatment and seldom seek medical assistance. The obtained data indicate the need to enhance the effectiveness of preventive measures and to improve student awareness of factors contributing to the spread of ARVI.*

Keywords: *acute respiratory viral infections (ARVI), incidence, prevention, self-treatment, immunity.*

Аннотация. *Исследование направлено на анализ заболеваемости ОРВИ среди студентов высших учебных заведений города Воронежа, а также выявление факторов, способствующих её распространённости. На основе опроса 329 респондентов было выяснено, что более 70% студентов переносили ОРВИ в течение года, чаще всего 1-2 раза. Так же была установлена выраженная сезонная заболеваемость с пиком в осенний период. Большая часть опрошенных предпочитает самолечение и редко обращается за медицинской помощью. Полученные данные свидетельствуют о необходимости повышения эффективности мер профилактики и информировании обучающихся о факторах, способствующих распространению ОРВИ.*

Ключевые слова: острые респираторные вирусные инфекции (ОРВИ), заболеваемость, профилактика, самолечение, иммунитет.

Рецензент: Сагитов Рамиль Фаргатович, кандидат технических наук, доцент, заместитель директора по научной работе в ООО «Научно-исследовательский и проектный институт экологических проблем», г. Оренбург

Актуальность. Острые респираторные вирусные инфекции (ОРВИ) ежегодно занимают одно из ведущих мест в структуре инфекционной заболеваемости как в России, так и во всем мире. Студенческая молодежь относится к группе риска вследствие высокой плотности контактов в лекционных аудиториях, общежитиях, общественном транспорте, ввиду учебной нагрузки и частых стрессовых факторов, влияющих на иммунитет.

Довольно обширное исследование по оценке распространенности заболеваемости ОРВИ было проведено среди студентов города Воронежа. [1], [2].

Исследование в г. Воронеже показало, что недостаточная личная ответственность за здоровье и склонность перекладывать ее на других, являются значимыми факторами риска заболеваемости ОРВИ среди студентов. Оценка годового цикла заболеваемости среди студентов высших учебных заведений позволяет выявить периоды максимального риска и обосновать профилактические мероприятия [6]. Большая часть опрошенных студентов 184 (55,90%) учатся на 3 курсе, что составляет более половины все участников. Остальные курсы представлены в меньшей степени: 2-й курс – 49 (14,9%), 5-й курсы – 37 (11,20%), 4-й курс – 30 (9,10%), 1-й курс – 29 (8,80%).

Полученные данные анкетирования наглядно демонстрируют высокий уровень распространённости ОРВИ: 233 (70,8%) опрошенных студентов отметили, что сталкивались с данным заболеванием в течение учебного года, тогда как лишь 96 (29,2%) указали, что не болели. Это свидетельствует о том, что инфекция имеет устойчивый характер распространения в условиях организованных коллективов и представляет значимую эпидемиологическую проблему.

Целью работы является проведение анализа показателей охвата и динамики заболеваемости ОРВИ среди студентов высших учебных заведений города Воронежа.

Материалы и методы исследования. В учебных заведениях высшего профессионального образования города Воронежа был проведен опрос репрезентативной по ВУЗам и курсу обучения выборки 329 из студентов (соответствует уровню значимости 95%) с выяснением заболеваемости ОРВИ за 2025 год. Среди опрошенных респондентов 178 (54,1%) из ВГМУ им. Н. Н. Бурденко, 38 (11,6%) - ВГУ, 27

(8,2%) - ВГПУ, 17 (5,2%) - РГУП им. В.М. Лебедева, 9 (2,7%) - ВГТУ, 1 (0,3%) - Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина».

Обработка выполнена методами описательной статистики для расчета и сопоставления относительных величин в выборочной совокупности – формирования прогнозов для генеральной совокупности при $p \leq 0,05$ с учетом ошибок репрезентативности.

Результаты. Анализируя полученные данные, демонстрирующие частоту заболеваемости ОРВИ среди обучающихся высших учебных заведений за 2025 год, представляется возможным сделать несколько выводов.

В ходе проведенного опроса студентам был задан вопрос о том, сколько раз они болели ОРВИ за год. Преобладающим вариантом ответа является - «1 раз», который отмечается у 105 (31,9%) участников опроса, практически незначительна разница выбора ответа «2 раза», который составляет 100 (30,4%) опрошенных. Таким образом, преимущественная доля респондентов отметили заболевание ОРВИ 1 или 2 раза в течение исследуемого периода. Следует подчеркнуть, что 53 (16,10%) обучающихся предоставили информацию об отсутствии эпизодов заболевания, что дает основания полагать о наиболее повышенной устойчивости организма к неблагоприятным факторам, так и нахождении в эпидемиологически благополучной среде. У оставшейся группы респондентов зарегистрирована частота эпизодов ОРВИ «3 раза»- 51 (15,5%), «4 раза и более» - 20 (6,1%), что позволяет предполагать наличие факторов риска, которые способствуют развитию инфекции и повышают вероятность заболеваемости. Полученные данные указывают на то, что количество эпизодов ОРВИ находится в рамках типичной сезонной динамики. (Диаграмма 1).

Диаграмма 1. Заболеваемость ОРВИ за последний учебный год.

На вопрос о тяжести течения ОРВИ были получены следующие варианты ответа: основная масса респондентов 124 (37,70%) оценивают тяжесть как лёгкую, 111 (33,7%) - как среднюю тяжесть, требующую постельного режима, 22 (6,70%) - очень легко переносят ОРВИ, в то время как, 19 (5,80%) не встают с постели и испытывают высокую температуру, 53 (16,10%) - вовсе не болели.

Особое значение имеет сезонная вариабельность заболевания. Исходя из полученных результатов опроса, по мнению респондентов, пик заболеваемости приходится на осенний период - сентябрь–октябрь 97 (29,5%). Рост заболеваемости заметно увеличивается с осени. Следствием является снижение климатической температуры, ее колебаниям, выходу студентов на учебу после каникул, что способствует увеличению коммуникаций. Так же немало важное влияние оказывает стресс от возвращения к учебе, изменения режима дня. [3] Второй значимый подъём заболеваемости наблюдается в ноябре -декабре 63 (19,2%). Потенциальные факторы увеличения заболеваемости уже рассмотрены в наиболее предпочтительном варианте ответа. Особого внимания заслуживает тот факт, что 55 (16,7%) респондентов не смогли выделить конкретный сезон. Заболеваемость в январе-феврале 30 (9,1%) и марте-апреле 22 (6,7%) заметно ниже, что объясняется снижением циркуляции вирусов к концу зимы и началу весны. Минимальные показатели май-июнь 9 (2,7%). Летнее время года чаще воспринимается как период минимальной заболеваемости ОРВИ из-за теплой погоды, снижения контактов между обучающимися и редкими случаями болезни. 53 (16,1%) сообщили, что за год не болели, что может быть связано с повышенной резистентностью организма к респираторным вирусным инфекциям.

Диаграмма 2. Календарь заболеваемости ОРВИ.

Около половины респондентов 160 (48,60%) считают, что процент студентов в их ВУЗе, которые заболевают ОРВИ в осенне-зимний период составляет около 50%, 63 (19,10%) выбрали вариант «менее 25%», 62 (18,80%) - «около 75%», меньшее количество студентов 13 (4%) предполагают, что болеют практически все. 31 (9,4%) затрудняются с ответом. Оценки варьируются, можно сказать, что не каждый в полной мере осведомлен о заболеваемости ОРВИ среди студентов в период с октября по февраль.

Также стоит отметить, что больше половины респондентов 186 (56,5%) считают, что заболеваемость ОРВИ среди студентов возникает «периодически» (с заметными вспышками 2–3 раза в год). 81 (24,6%) - «очень часто», 36 (10,9%) - «довольно редко». Лишь 26 (7,9%) затруднились ответить. Таким образом, распространённость заболеваемости среди студентов в группе/потоке достаточно высокая.

Диаграмма, отражающая продолжительность заболевания ОРВИ у студентов, показывает, что большинство опрошенных переносят респираторные инфекции в относительно короткие сроки. 135 (41 %) - выздоравливает менее чем за неделю. Это говорит о том, что у значительной части студентов ОРВИ проходит быстро, что может быть связано с возрастными особенностями иммунной системы и отсутствием тяжёлых сопутствующих состояний, которые более характерны для старших возрастных групп. 103 (31,3%) респондента указывают длительность болезни 7–10 дней, что также укладывается в рамки стандартного течения ОРВИ. Отдельного внимания заслуживает группа, которая не болела в течение года 53 (16,1%). Подобный результат может отражать либо удачное сочетание индивидуальных факторов (иммунная устойчивость, образ жизни, условия проживания), либо выраженные навыки самопрофилактики, что важно учитывать при оценке общей структуры восприимчивости студенческой популяции [4]-[5]. Продолжительное течение болезни встречается значительно реже: 30 (9,1%) болеют 11–14 дней, более 14 дней - 8 (2,4%). Можно предположить, что затяжное течение ОРВИ среди студентов носит скорее исключительный характер. Таким образом, общая длительность ОРВИ у студентов преимущественно невелика. Кроме того, наличие заметной группы, не подвергшейся заболеванию в течение года, подчёркивает неоднородность студенческой среды по уровню инфекционной восприимчивости.

Диаграмма 3. Продолжительность заболевания ОРВИ.

Лихорадочный период ОРВИ у студентов имеет различную продолжительность. У 114 (34,7%) составляет 1-2 дня. 79 (24%) отмечают отсутствие температуры или крайне редкое ее проявление, 74 (22,50%) страдают от температуры 3-4 дня. У 9 (2,70%) затяжной лихорадочный период от 5 и более дней. 53 (16,1%) - не болели.

Следует отметить, что значительная часть студентов предпочитает обходиться без медицинской помощи при появлении симптомов ОРВИ.

Наиболее многочисленная группа -134 (40,7%) - указала, что вообще не обращается к врачу при заболевании. Это может отражать распространённую тенденцию к самолечению среди молодёжи, а также убеждённость в «несерьёзном» характере респираторных инфекций, которые не требуют обращения к врачу. Ещё 72 (21,9%) обращаются к врачу только в том случае, если болезнь приобретает затяжной или более тяжёлый характер. Студенты готовы искать медицинскую помощь лишь при выраженном ухудшении состояния. 43 (13,1%) идут к врачу лишь на 2-3 день болезни, только 27 (8,2%) обращаются в первый же день появления симптомов. Это подчёркивает невысокую склонность молодёжи к раннему обращению за медицинской помощью, что может способствовать более длительному течению заболевания или повышению риска осложнений. Отдельная категория - 53 (16,1%) указали, что не болели в течение года. Таким образом, для студентов характерна низкая частота раннего обращения к врачу и самолечение.

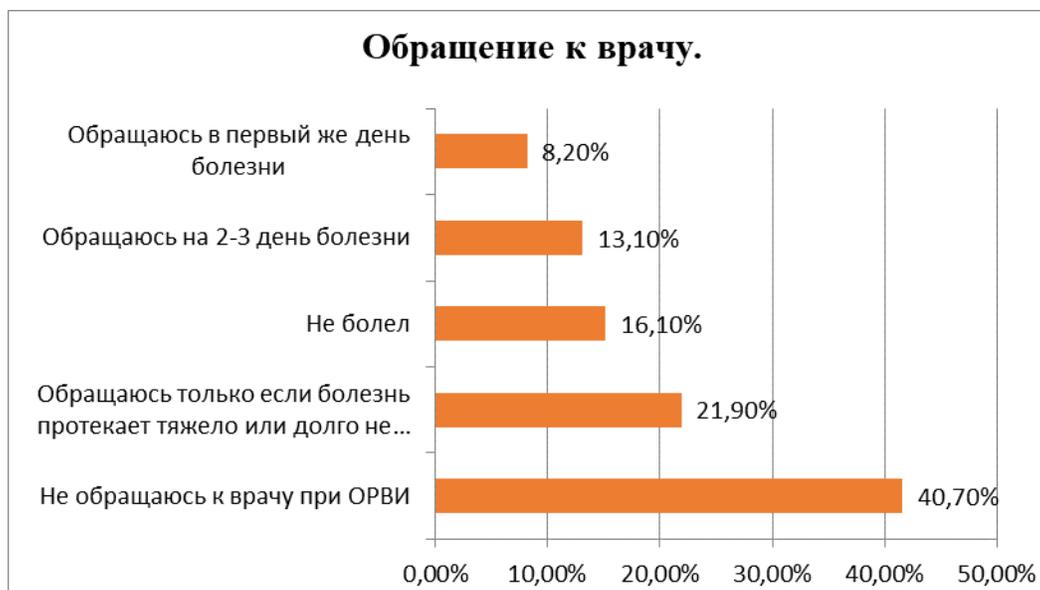

Диаграмма 4. Обращение к врачу.

При анализе средств и способов лечения были получены следующие результаты: «Безрецептурные симптоматические препараты 228 (30,6%)»- выбрали наибольшее количество респондентов. Однако в целом более рациональным подходом является консультация врача, но тем не менее лица, которые имеют достаточную компетентность в вопросах лекарственной терапии способны более обоснованно принимать решение о выборе безрецептурных средств. К такому способу лечения ОРВИ часто всего прибегают студенты по причине экономии времени. 200 (26,8%) опрошиваемых предпочитают «постельный режим, обильное питье и народные средства», поскольку выбранные меры не требуют специальной подготовки, консультации врача, способствуют облегчению состояния, доступны, безопасны. Но надо понимать, что данный подход к лечению инфекционных заболеваний основывается на общих рекомендациях, в то время как врач учитывает все необходимые данные для выбора наиболее подходящей терапии в зависимости от индивидуальных особенностей пациента. Противовирусные препараты 177 (23,7%) и антибиотиков 75 (10,1%) - которые студенты чаще всего подбирают без консультации врача могут быть подобраны некорректно, что в наиболее благоприятном варианте не приведет к лечебному эффекту, но в неблагоприятном - вызовет ухудшение состояния. К сожалению, лишь 54 (7,2%) обучающихся обращаются за консультацией к врачу. Результат по данному вопросу указывает на то, что студенты профессиональную медицинскую помощь рассматривают как второстепенный выбор при лечении ОРВИ, в то время как самолечение является предпочтительным вариантом. Но также минимальная доля

анкетированных 12 (1,6%) заявили, что не занимаются лечением. Следует осознавать: подход, основанный на полном отказе от лечения является неблагоприятным и потенциально опасным. Такая модель поведения может привести к возникновению серьезных осложнений, увеличить период заболевания, ухудшить течение, а также способствовать прогрессированию распространения ОРВИ среди окружающих.

Диаграмма 5. Средства и способы лечения ОРВИ.

Ни одно лечение не обходится без финансовых затрат, например, на лекарственные средства или прием у врача. Часть опрошенных 126 (38,3%) тратят более 1000 рублей, 102 (31%) от 500 до 1000 рублей, 35 (10,6%) - до 500 рублей. Лишь 28 (8,50%) вообще не тратят деньги. Категория 38 (11,6%) затрудняется с ответом.

Анализируемый вопрос предоставляет данные о том, что по мнению участников опроса является ведущим фактором в возникновении ОРВИ.

Ведущую позицию занимает вариант ответа «контакт с заболевшими в университете 232 (29,3%)». Это даёт повод задуматься о том, что студенческая среда представляет из себя основной очаг распространения ОРВИ, так как высокая интенсивность межличностных контактов создает благоприятные условия для вспышек ОРВИ. Далее студенты выделяют «снижение иммунитета на фоне стресса и учебных нагрузок 192 (24,2%)», что так же существенно влияет на вероятность возникновения заболеваний. Необходимо учитывать то, что из-за систематического давления, чрезмерного объема работы и социальных требований, возникает глубокое и долгосрочное негативное воздействие на организм человека. Недосып и переутомление

способны ослаблять иммунный ответ, кроме того, нерегулярное питание, нередко характерное для студенческой среды, так же оказывает значительное влияние на организм. На третьем месте по частоте выбора вариант ответа «контакты в общественном транспорте 169 (21,3%)», что является вполне обоснованным, так как зачастую данный способ является наиболее используемым студентами для пути следования к образовательному учреждению. «Переохлаждение 143 (18,1%)»- несмотря на то, что данный вариант ответа занимает 4 позицию, он так же остается значимым. Переохлаждение ослабляет как местный, так и общий иммунитет, вследствие происходит снижение активности барьерных функций организма, защитных свойств клеток иммунитета, это облегчает способность вирусов проникать в макроорганизм. В результате риск возникновения ОРВИ значительно повышается.[4] Меньшая часть респондентов – 37 (4,7%) считает, что «несоблюдение мер профилактики» является не столь значимым условием возникновения респираторных заболеваний. Хотя студенты и склонны недооценивать влияние несоблюдения мер профилактики, на самом деле этот фактор играет ключевую роль в развитии инфекции.

Диаграмма 6. Основная причина заболевания ОРВИ.

Говоря про меры профилактики, почти половина опрошенных 147 (44,7%) используют меры профилактики только в период эпидемий, 75 (22,8%) - регулярно, а 72 (21,9%) - не прибегает вовсе. 35 (10,6%) выбрали вариант «нет, но считаю, что нужно начать». Можно сказать, что не все в полной мере задумываются о достаточных мерах профилактики в период ОРВИ. Данный аспект требует особого внимания.

На вопрос посещаете ли Вы занятия в университете при наличии симптомов ОРВИ значительная часть участников анкетирования 147 (44,7%) «приходит в университет при условии отсутствия температуры», 70 (21,3%) - не пропускают пары из-за легкой простуды. Затрагивая тему о соблюдении масочного режима, можно сказать, что большинство студентов 115 (35%) стараются его соблюдать, но не всегда, в отличие от (31,60%), которые не прибегают к ношению маски. 41 (12,50%) всегда носят средство защиты от ОРВИ. 21 (6,40%) не выходят из дома/общезития, а 48 (14,60%) не болели.

Посещение занятий студентами, которые имеют симптомы ОРВИ, но без температуры, или имея признаки легкой простуды, с одной стороны это может быть связано с тем, что большинство недооценивают клинические симптомы и не в полной мере осознают эпидемиологическую значимость, а с другой стороны, не исключены другие факторы, к примеру, страх пропустить важные пары, которые приведут к пробелам в знаниях или станут причиной трудностей на экзамене, так же во многих вузах имеются строгие требования посещаемости, являющиеся дополнительными основаниями к необходимости посещения. В отличие от тех, кто относится к первой группе, участники второй демонстрируют противоположную ситуацию: 36 (10,9%) предпочитают оставаться дома до исчезновения основных симптомов (таких как температура и выраженная слабость); 23 (7%) возвращаются к занятиям только после полного выздоровления. Полученные результаты дают основание полагать, что вторая группа респондентов обладает более высоким уровнем осведомленности в вопросе профилактики и рационального лечения ОРВИ, а также следуют рекомендациям по ограничению контактов во время болезни. И 53 (16,1%) опрошиваемых вовсе не переносили болезнь.

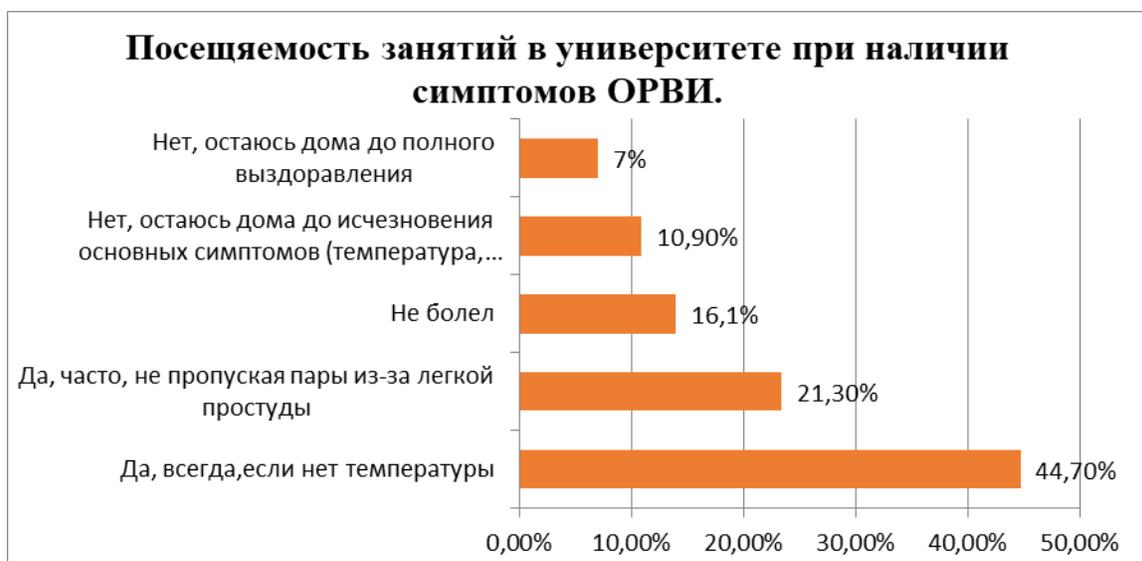

Диаграмма 7. Посещаемость занятий в университете при наличии симптомов ОРВИ.

Заключение. Согласно проведенному опросу, можно сделать вывод, о том, что заболеваемость ОРВИ среди студентов Воронежских вузов характеризуется высокой распространённостью и устойчивой сезонностью, с наиболее выраженными подъемами в осенний и зимний период. Большинство обучающихся переносят заболевание в лёгкой или средней форме. Среди опрошенных лишь малая доля обращалась за консультацией к врачу, большая часть студентов лечилась самостоятельно. Основными факторами риска студенты выделили тесные межличностные контакты и учебный стресс. Профилактические меры, включая масочный режим и заботу об иммунитете, выполняются редко в студенческой среде, только в периоды эпидемий. На основе данных можно полагать, что просвещение обучающихся в вопросах профилактики и других аспектах, связанных с ОРВИ имеет существенное значение.

References

1. Булатов, И. Р. Влияние различных факторов на заболеваемость ОРВИ в Кировской области / И. Р. Булатов, Т. К. Абдурапов // Молодежь и медицинская наука в XXI веке: Материалы XXV Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых с международным участием, Киров, 01–02 апреля 2024 года. – Киров: Кировский государственный медицинский университет, 2024. – С. 238.
2. Лубков, А. А. Оценка влияния факторов риска на частоту заболеваемости ОРВИ среди студентов / А. А. Лубков, М. А. Каплин, О. А. Черных // Мечниковские чтения-2021: материалы 94-я Всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 29 апреля 2021 года
3. Михеев, М. С. Исследование уровня заболеваемости ОРЗ и ОРВИ среди студентов СФ МЭИ / М. С. Михеев // Студенческий вестник. – 2023. – № 21-3(260). – С. 39-42.
4. Подкопаева Д. С. Современные аспекты профилактики гриппа и ОРВИ у студентов медицинских вузов (на примере обучающихся Курского государственного медицинского университета) / Д. С. Подкопаева, А. А. Бартенева, М. О. Чурилова // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: Материалы V Международной научно-практической конференции молодых учёных и студентов, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, 90-летию УГМУ и 100-летию медицинского образования на Урале, Екатеринбург, 09–10 апреля 2020 года. Том 2. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный медицинский университет" Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2020. – С. 572-577.

5. Поздеева М. А., Агафонов В. М., Михайлова В. Н. [и др.] Эпидемиология и неспецифическая профилактика гриппа и острых респираторных вирусных инфекций // Терапевт. 2025. № 6(216). С. 15.

6. Шайхатарова А. С. Динамика заболеваемости острыми респираторными заболеваниями (ОРВИ) в Российской Федерации / А. С. Шайхатарова // В мире научных открытий: Материалы VIII Международной студенческой научной конференции, Ульяновск, 14–15 марта 2024 года. – Ульяновск: Ульяновский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, 2024. – С. 629-633.

UDC 612. 822.7

Okhremenko S.K., Chotchaeva A.R., Tebueva R.I., Bogacheva E.V. The impact of chronotype on health, productivity and social adaptation of medical University students

Влияние хронотипа на здоровье, производительность и социальную адаптацию
студентов медицинского университета

Okhremenko Sofiya Konstantinovna

3rd year student, group L-324
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Chotchaeva Amina Rasulovna

3rd year student, group L-324
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Tebueva Radmila Ilyasovna

3rd year student, group L-324
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Bogacheva Elena Vasilevna

Ph.D, Associate Professor
Department of Management in Health Care Department,
Voronezh State medical University named after N.N. Burdenko
Охременко София Константиновна
студентка 3 курса, группы Л-324
Воронежского государственного медицинского университета
имени Н.Н. Бурденко
Чотчаева Амина Расуловна
студентка 3 курса, группы Л-324
Воронежского государственного медицинского университета
имени Н.Н. Бурденко
Тебуева Радмила Ильясовна
студентка 3 курса, группы Л-324
Воронежского государственного медицинского университета
имени Н.Н. Бурденко
Богачёва Елена Васильевна
кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры Управления в здравоохранении,
Воронежский государственный медицинский
университет им. Н.Н. Бурденко

Abstract. *The article examines the relationship between and key aspects of the life of medical students. Based on the survey and analysis of academic performance, belonging to the "morning", "evening" or "intermediate" chronotype and its impact on the state of physical and psycho-emotional health, cognitive performance and academic performance, and social adaptation were revealed. The study highlights the importance of the chronobiological approach for improving the quality of education and maintaining the health of medical students.*

Keywords: *chronotype, health, lack of sleep, fatigue, stress, academic performance.*

Аннотация. *В статье исследуется взаимосвязь между и ключевыми аспектами жизнедеятельности студентов-медиков. На основе анкетирования и анализа академической успеваемости выявлена принадлежность к «утреннему», «вечернему» или «промежуточному» хронотипу и его влияние на состояние физического и*

психозмоционального здоровья, когнитивную производительность, академическую успеваемость и социальную адаптацию. Исследование подчёркивает значимость хронобиологического подхода для повышения качества обучения и сохранения здоровья студентов-медиков.

Ключевые слова: *хронотип, здоровье, недосып, усталость, стресс, успеваемость.*

Рецензент: Сагитов Рамиль Фаргатович, кандидат технических наук, доцент, заместитель директора по научной работе в ООО «Научно-исследовательский и проектный институт экологических проблем», г. Оренбург

Актуальность. Современная образовательная среда медицинского университета характеризуется высоким уровнем академической нагрузки, необходимостью усвоения большого объема информации и напряженным графиком, включающим как аудиторные, так и внеаудиторные (дежурства, практика) занятия. Это создает повышенные требования к психофизиологическим ресурсам студентов. [1]

В условиях хронического дефицита времени и необходимости подстраиваться под единое расписание, игнорирующее индивидуальные биологические ритмы, проблема влияния хронотипа становится особенно острой. [2] Студенты - «совы» вынуждены проявлять высокую когнитивную активность в утренние часы, что приводит к хроническому недосыпу, накоплению усталости и снижению успеваемости. Это, в свою очередь, провоцирует стресс, эмоциональное выгорание и проблемы с социальной адаптацией. Изучение взаимосвязи хронотипа с ключевыми аспектами жизни будущих медиков необходимо для разработки научно-обоснованных рекомендаций по оптимизации учебного процесса, профилактики профессионального выгорания и сохранения здоровья следующего поколения врачей. [3]

Целью исследования было выявление характера и силы влияния хронотипа на показатели физического и психического здоровья, академическую производительность и уровень социальной адаптации у студентов медицинского университета.

Задачи исследования:

1. Определить распространенность различных хронотипов (утренний, дневной, вечерний) среди студентов разных курсов Воронежского государственного медицинского университета имени Н. Н. Бурденко.

2. Оценить субъективные показатели здоровья и качества жизни: уровень дневной сонливости, качество сна, наличие симптомов выгорания и тревожности в группах с разными хронотипами.

3. Исследовать особенности социальной адаптации: уровень социальной активности, удовлетворенность межличностными отношениями, склонность к социальной изоляции у представителей разных хронотипов.

Материалы и методы исследования.

Дизайн исследования: Поперечное одномоментное исследование с использованием анкетного опроса.

Выборка:

- Участники: Студенты 1-6 курсов лечебного, педиатрического и медико-профилактического факультетов.
- Объем выборки: Расчет производится по формулам статистики, ориентировочно 110 человек для обеспечения репрезентативности.
- Критерии включения: информированное согласие, возраст 18-25 лет и более, очная форма обучения.
- Критерии исключения: наличие диагностированных серьезных соматических или психических заболеваний.

Методы и инструменты сбора данных:

- Анкета социодемографических данных: пол, возраст.
- Оценка хронотипа,
- Оценка здоровья и качества сна;
- Оценка психоэмоционального состояния.

Статистические методы обработки данных:

- Статистическая значимость: уровень $p < 0,05$.

Результаты. Был проведен опрос среди студентов 1-6 курсов лечебного, педиатрического, медико-профилактического факультетов Воронежского государственного медицинского университета имени Н. Н. Бурденко. Данные опроса демонстрируют, что большинство участников (66 человек) - молодёжь в возрасте 18–20 лет (60%). Группа респондентов 15-17 лет представлена количеством 10 человек (9,1%). 24 студента возрастом 21-23 года составляют 21,8% опрошенных, а старше 25 лет всего 5 опрошенных (4,5%). Это говорит о том, что результаты опроса отражают особенности более молодой группы. (Диаграмма 1)

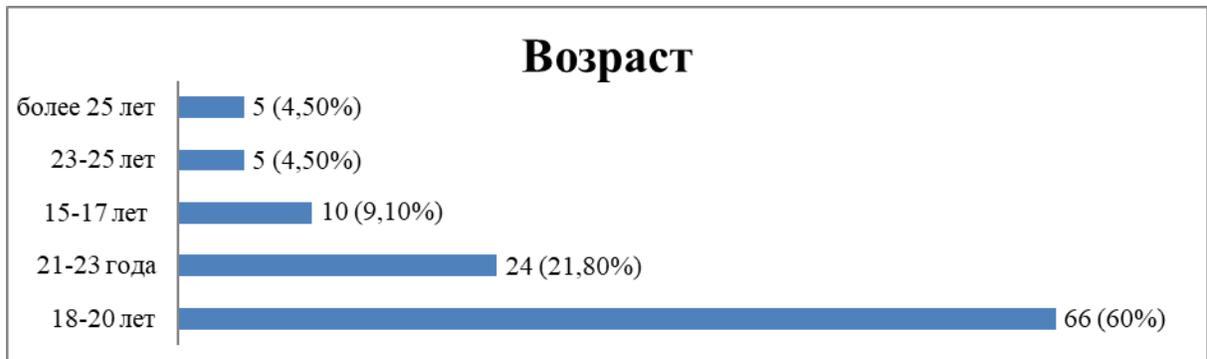

Диаграмма 1: Возраст.

Опрос проводился в выборке, где значительно преобладают женщины – 82 участницы (74,5%). Мужской пол – 28 опрошенных (25,5%). (Диаграмма 2)

Диаграмма 2: Распределение по полу.

Данные опроса показывают, что 45 участников чаще всего считают себя продуктивными вечером (40,9%). Второй по популярности ответ – день – так ответило 36 человек (32,7%). Ночью продуктивными себя чувствуют 18 тудентов (16,4%). Утро — самый непопулярный вариант, так ответило всего 11 участников (10%). Это коррелирует с молодым возрастом респондентов, среди которых часто встречается «вечерний» или «совиный» хронотип. (Диаграмма 3)

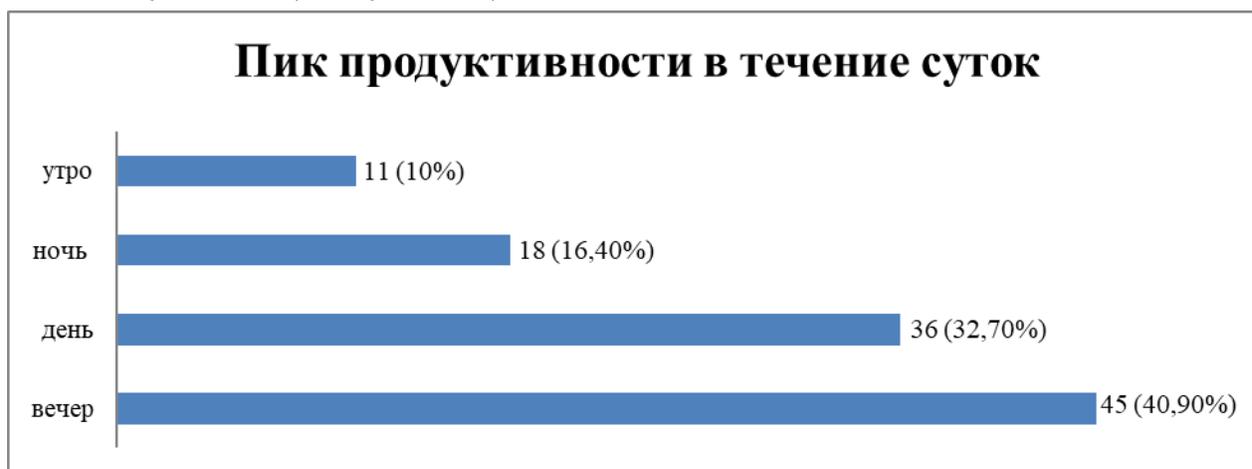

Диаграмма 3: Пик продуктивности в течение суток.

Результаты опроса об утреннем самочувствии показали два одинаковых показателя - 42 человека (по 38,2%): одни респонденты утром чувствуют усталость, другие - достаточно легко себя чувствуют. 15,5% опрошенных (17 участников) говорят, что чувствуют себя очень тяжело. Малая часть - 9 участвующих - просыпается легко и энергично – 8,2%. (Диаграмма 4)

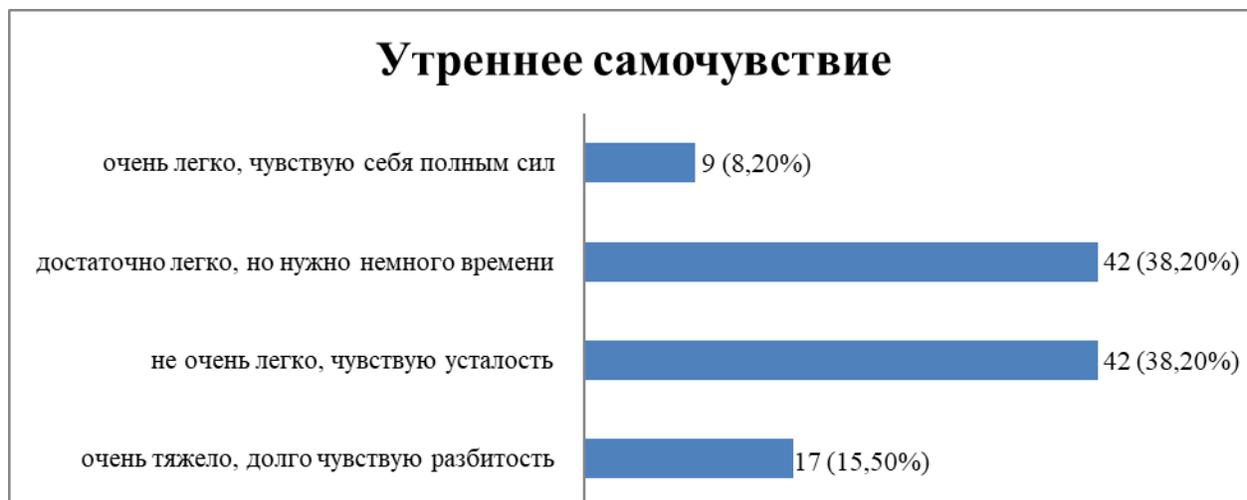

Диаграмма 4: Утреннее самочувствие.

Данные опроса демонстрируют, что большинство респондентов (69 человек) не работают ночами (63,1%). Однако примерно треть опрошенных – 41 участник (около 37%) - всё же сталкиваются с ночными сменами с разной частотой - от редких до регулярных. Это может влиять на их физиологическое состояние, сон и продуктивность в течение дня. (Диаграмма 5)

Диаграмма 5: Регулярность ночной смены на работе.

Согласно результатам опроса почти 92% респондентов (101 участник) испытывают проблемы с засыпанием в той или иной степени. Каждый четвёртый сталкивается с этим часто, а большинство — иногда или редко. Полное отсутствие проблем со сном встречается крайне редко – 9 человек (8,2%). (Диаграмма 6)

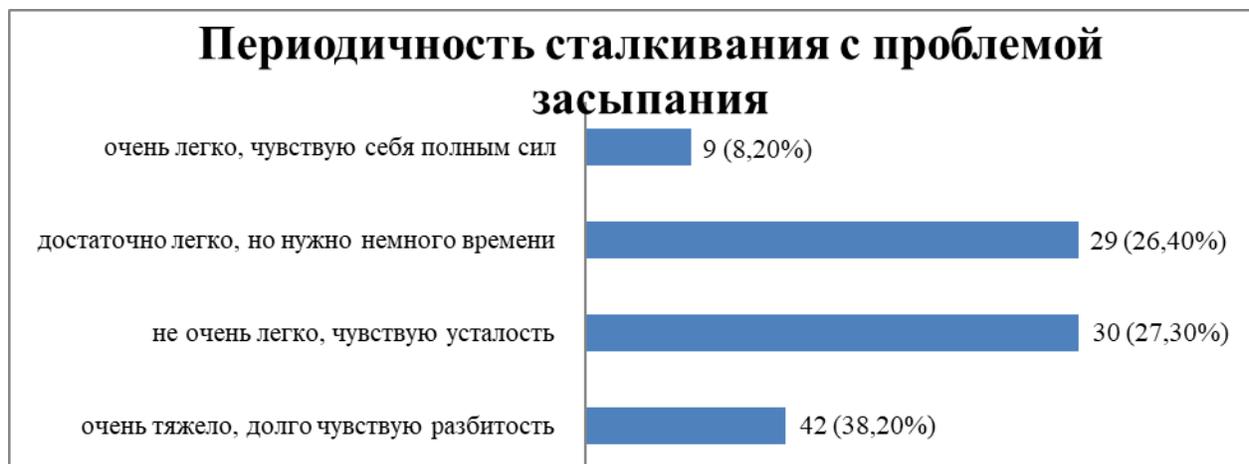

Диаграмма 6: Периодичность сталкивания с проблемой засыпания.

Данные опроса показали, что почти 93% респондентов (107 человек) используют гаджеты перед сном регулярно или очень часто. Это крайне высокий показатель, который может объяснить распространённость проблем с засыпанием. Всего 3 опрошенных (2,7%) ответили, что никогда не используют гаджеты перед сном. (Диаграмма 7)

Диаграмма 7: Регулярность использования гаджетов перед сном.

Показатели опроса свидетельствуют, что большая часть респондентов- 45 человек (почти 41%) совсем не спят днём. Однако у остальной части аудитории дневной сон довольно выражен: у 33 студентов он длится 1- 1,5 часа (30%), а у 18 участников (16,4%) - даже более 2 часов. Только небольшая часть - 14 опрошенных - (12,7%)

предпочитает короткий «здоровый» дневной сон около 30 минут. (Диаграмма 8)

Диаграмма 8: Время дневного сна.

Данные опроса свидетельствуют, что подавляющее большинство респондентов сильно зависят от будильника. Сумма категорий «очень зависим» - 40% (44 опрашиваемых) и «довольно зависим» - 36,4% (39 студентов) составляет 76,4%. Это указывает на то, что для более трех четвертей опрошенных пробуждение в нужное время без помощи будильника является трудной или невозможной задачей. 10 анкетированных (9,1%) совсем не зависят от будильника. (Диаграмма 9)

Диаграмма 9: Зависимость от будильника.

Согласно данным опроса респонденты обладают крайне высокой чувствительностью сна. Абсолютное большинство -70% (77 участников) - сообщают, что их сон постоянно, очень часто или часто нарушается внешними факторами (шум, свет, температура и т.д.). Это свидетельствует о всеобщей проблеме с поддержанием

непрерывного и качественного сна. 33 респондента не реагируют на внешние факторы во время сна. (Диаграмма 10)

Диаграмма 10: Восприимчивость к внешним факторам во время сна.

Заключение. Анализ данных показывает, что выборка состоит преимущественно из молодых людей, большинство из которых имеют выраженный вечерний хронотип. Респонденты часто сталкиваются с проблемами засыпания, высокой утренней усталостью и заметной зависимостью от будильника. Сон у многих чувствителен к внешним факторам, а почти все используют гаджеты перед сном, что может ухудшать его качество. Дневной сон распространён и нередко длится дольше нормы. В совокупности результаты указывают на несформированный или нерегулярный режим сна у большинства участников и риск снижения общей продуктивности из-за нарушений сна.

References

1. Павленко С.И., Ведясова О.А. «Особенности когнитивной деятельности у студентов с разными хронотипами в течение учебного дня» // «Человек. Спорт. Медицина». 2024. Т. 24, №S2. С. 159–166.
2. Войцев Л.С., Павлова О.Н., Захаров А.В., Гуленко О.Н. «Влияние гигиены сна на качество ночного сна и дневную сонливость у студентов-медиков» // Современные вопросы биомедицины/ 2025. Т. 9, №3.
3. Пучкова А.Н., Гандина Е.О., Таранов А.О., Свешников Д.С., Дорохов В.Б. Режим сна и бодрствования и хронотипы студентов: формирование социального десинхроноза и связь с успеваемостью // Эффективная фармакотерапия. 2023. Т. 19, № 41. С. 38–43.

UDC 340.134

Sokolovskaya E.M., Shvedov V.V. Evolution of sanitary-epidemiological supervision in the public administration system: strategic guidelines and institutional constraints

Эволюция санитарно-эпидемиологического надзора в системе публичного управления: стратегические ориентиры и институциональные ограничения

Sokolovskaya Ekaterina Mikhailovna,

Master's student, Department of Public and Municipal Administration, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Shvedov Vladislav Vitalyevich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Public and Municipal Administration, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Соколовская Екатерина Михайловна,

магистрант кафедры государственного и муниципального управления,

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия

Шведов Владислав Витальевич,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры государственного и муниципального управления,

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия

Abstract. *Sanitary and epidemiological surveillance plays a key role in national security, yet its development is driven not only by the dynamics of epidemic threats but also by transformations in public administration, legal regulation and health-care infrastructure. The article examines the evolution of sanitary and epidemiological surveillance in the system of public administration, from early forms of sanitary regulation to modern risk-based and digital models. Sanitary and epidemiological surveillance is defined as a set of organizational, legal, managerial and informational mechanisms aimed at preventing and controlling infectious morbidity, managing sanitary risks and maintaining the sanitary well-being of the population. Based on a bibliographic analysis, the paper identifies historical stages in the formation of surveillance, specific features of legal evolution and the impact of emergencies (including the COVID-19 pandemic) on institutional reform. The main part proposes a table that compares key stages of sanitary and epidemiological surveillance, the strategic guidelines of each period and the dominant institutional constraints. The analysis shows that the transition from a purely repressive and control-oriented model to preventive, risk-based and digital surveillance is accompanied by a more complex legal environment, higher requirements for interagency coordination and an increasing role of information technologies and analytics. The article argues for systemic codification of legislation, strengthening the human and digital capacity of surveillance authorities, and integrating sanitary and epidemiological tasks into the broader architecture of strategic management in health care and public administration.*

Keywords: *sanitary and epidemiological surveillance, public administration, sanitary safety, legal regulation, institutional constraints, digitalization, risk-based approach*

Аннотация. Санитарно-эпидемиологический надзор занимает ключевое место в системе обеспечения национальной безопасности, однако его развитие определяется не только динамикой эпидемических угроз, но и трансформацией публичного управления, правового регулирования и инфраструктуры здравоохранения. В статье рассматривается эволюция санитарно-эпидемиологического надзора в системе публичного управления от ранних форм санитарной регламентации до современных риск-ориентированных и цифровых моделей. Уточняется содержание санитарно-эпидемиологического надзора как совокупности организационно-правовых, управленческих и информационных механизмов, обеспечивающих предупреждение и контроль инфекционной заболеваемости, управление санитарными рисками и поддержание санитарно-эпидемиологического благополучия населения. На основе библиографического анализа выделяются исторические этапы формирования надзора, особенности правовой

эволюции и влияние чрезвычайных ситуаций (включая пандемию COVID-19) на институциональную реформу. В основной части предложена таблица, сопоставляющая ключевые этапы развития санитарно-эпидемиологического надзора, стратегические ориентиры каждого периода и доминирующие институциональные ограничения. Показано, что переход от репрессивно-контрольной модели к превентивному, риск-ориентированному и цифровому надзору сопровождается усложнением правового поля, ростом требований к межведомственной координации и повышением значимости информационных технологий и аналитики. Обосновывается необходимость системной кодификации законодательства, укрепления кадрового и цифрового потенциала органов надзора, а также интеграции санитарно-эпидемиологических задач в общую архитектуру стратегического управления здравоохранением и публичной администрацией.

***Ключевые слова:** санитарно-эпидемиологический надзор, публичное управление, санитарная безопасность, правовое регулирование, институциональные ограничения, цифровизация, риск-ориентированный подход*

Рецензент: Сагитов Рамиль Фаргатович, кандидат технических наук, доцент, заместитель директора по научной работе в ООО «Научно-исследовательский и проектный институт экологических проблем», г. Оренбург

Введение

Санитарно-эпидемиологический надзор традиционно рассматривается как специализированная функция органов здравоохранения, направленная на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения и предупреждение распространения инфекционных заболеваний. Однако в современных условиях его значение значительно шире узкопрофессиональной сферы. Надзор за санитарно-эпидемиологической обстановкой тесно связан с национальной безопасностью, устойчивостью социальной и экономической систем, доверием населения к институтам власти и качеством публичного управления в целом. Эволюция санитарно-эпидемиологического надзора отражает изменения в архитектуре публичного управления: от ранних форм санитарной полиции и фрагментарных нормативных актов до сложных многоуровневых систем с развитой нормативной базой, системой мониторинга, превентивных мероприятий и межведомственного взаимодействия. Исторические эпидемии, а в последние десятилетия – новые инфекционные угрозы и пандемии, становятся катализаторами реформ, стимулируя усиление роли государства, пересмотр полномочий органов надзора и внедрение инновационных подходов к управлению санитарными рисками.

Современный этап развития санитарно-эпидемиологического надзора характеризуется переходом к риск-ориентированным моделям, включающим приоритизацию объектов и территорий по уровню санитарно-эпидемиологической опасности, использованием данных эпидемиологического мониторинга, математического моделирования и технологий искусственного интеллекта. Это требует иной логики публичного управления: акцент переносится с преимущественно репрессивного и инспекционного подхода на превентивные меры, прогнозирование,

коммуникацию рисков, развитие санитарной культуры населения и открытость информации. Вместе с тем институциональная среда надзора остаётся противоречивой. Высокая нормативная фрагментарность, многослойность подзаконного регулирования, дублирование полномочий, перегруженность отчётностью и ограниченность кадровых и цифровых ресурсов создают существенные препятствия для перехода к современным моделям управления. Пандемия COVID-19 дополнительно обнажила слабые места в системе координации между уровнями власти, в механизмах взаимодействия санитарно-эпидемиологической службы с другими ведомствами, в прозрачности управленческих решений и в устойчивости инфраструктуры здравоохранения.

Актуальность статьи определяется необходимостью теоретического и институционального осмысления санитарно-эпидемиологического надзора именно как элемента системы публичного управления.

Цель исследования состоит в раскрытии ключевых этапов эволюции санитарно-эпидемиологического надзора, характеристике стратегических ориентиров каждого этапа и выявлении институциональных ограничений, препятствующих переходу к риск-ориентированным и цифровым моделям. Для достижения цели используются методы библиографического анализа, историко-правовой реконструкции и структурно-логического моделирования, что позволяет представить развитие санитарно-эпидемиологического надзора в виде последовательности управленческих и нормативных трансформаций, интегрированных в контекст реформ публичного управления и цифровой трансформации государства.

Исследования санитарно-эпидемиологического надзора в системе публичного управления развиваются на пересечении правовой, исторической, административной и здравоохранительной проблематики. С точки зрения сущности государственного управления в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения акцент делается на координирующей роли государства, необходимости баланса между надзорными и профилактическими функциями, а также на значении институциональной устойчивости специализированных органов [12]. Пандемия COVID-19 стимулировала анализ санитарно-эпидемиологического благополучия как объекта административно-правового регулирования, выявив разрыв между федеральным и региональным уровнями и ограниченность традиционных моделей реагирования [2]. Вопросы кодификации и унификации нормативной базы стали ключевыми в обсуждении перспектив развития законодательства о санитарном благополучии [10]. Исторический контекст развития санитарно-эпидемиологического надзора раскрывается в работах, посвящённых правовым основам обеспечения санитарной безопасности в

дореволюционный период и в рамках формирования первых систем санитарной службы [3]. История специальной санитарно-эпидемиологической службы в отдельных секторах, например в пенитенциарной системе, демонстрирует, как под воздействием специфических рисков формировались особые модели организации надзора, тесно связанные с эволюцией уголовно-исполнительной системы [7].

Вопросы совершенствования законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения рассматриваются в исследованиях, акцентирующих необходимость комплексной модернизации нормативной базы, усиления превентивного компонента, уточнения полномочий и ответственности различных уровней власти [6]. Параллельно анализируются инновационные подходы в административно-правовом регулировании санитарно-эпидемиологических отношений, включая использование новых моделей риск-ориентированного надзора, интеграцию международных стандартов и механизмов правовой глобализации [4], а также оценка трансформации санитарно-эпидемиологической сферы в условиях посткоронавирусного кризиса [5]. Медико-биологический и эпидемиологический аспект санитарно-эпидемиологического надзора представлен в работах, рассматривающих управление инфекционной заболеваемостью на основе воздействия превентивных мероприятий на уязвимые периоды циклического развития эпидемического процесса [9]. Эти исследования подчёркивают важность интеграции эпидемиологических моделей с управленческими решениями, ориентированными на своевременное принятие мер и рациональное распределение ресурсов.

Отдельный блок исследований посвящён роли государства в обеспечении санитарно-эпидемиологической безопасности и механизмам правового регулирования, где подчеркивается необходимость системного подхода, включающего нормативную, организационную и информационную составляющие [1]. В работе, посвящённой экономике здравоохранения, санитарно-эпидемиологический надзор рассматривается через призму инфраструктурных показателей и факторов развития отрасли, что позволяет оценивать его ресурсное обеспечение и влияние на устойчивость системы здравоохранения [8]. Цифровая трансформация публичного управления, включая использование искусственного интеллекта и цифровых платформ, рассматривается как важное направление повышения прозрачности и эффективности государственного управления, что открывает новые возможности и для модернизации санитарно-эпидемиологического надзора [11]. В совокупности проанализированные исследования формируют методологическую основу для понимания надзора как динамичного института, меняющегося под воздействием эпидемиологических вызовов, правовых реформ и цифровизации.

Результаты и обсуждения

Эволюция санитарно-эпидемиологического надзора демонстрирует, как под воздействием эпидемических угроз, научно-технологического прогресса и институциональных реформ трансформируются цели, инструменты и организационные формы публичного управления. Для аналитических целей целесообразно выделить несколько ключевых этапов. Первый этап связан с формированием санитарных норм и институтов в рамках ранней государственной санитарной политики, когда доминировала логика локальных ограничительных мер, санитарных инспекций и санитарной полиции. Надзор носил преимущественно реактивный характер, а его правовая основа отличалась фрагментарностью и казуистичностью. Второй этап приходится на период становления централизованных систем санитарно-эпидемиологического надзора, опирающихся на расширенную сеть специализированных учреждений, централизованный сбор данных о заболеваемости, развитие лабораторной базы. В этот период формируется представление о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения как самостоятельном объекте государственного управления, укрепляется нормативная база, выстраиваются вертикали подведомственности. Третий этап характеризуется постсоветской трансформацией, связанной с изменением институциональной архитектуры государства, перераспределением полномочий, поиском баланса между функциями контроля и профилактики, а также с переходом к программно-целевым формам управления в здравоохранении. Одновременно усиливаются влияние международных стандартов и глобальных практик, растёт роль прав человека и гарантий доступа к медицинской помощи.

Современный, четвёртый этап, во многом ускоренный пандемией COVID-19, связан с переходом к риск-ориентированным и цифровым моделям надзора. Акцент переносится на использование эпидемиологических моделей, систем раннего предупреждения, больших данных, технологий искусственного интеллекта. Надзор становится элементом комплексных систем управления рисками, интегрированных с инфраструктурой здравоохранения, цифровыми платформами и системами стратегического планирования. При этом каждый этап характеризуется собственными стратегическими ориентирами, набором управленческих инструментов и специфическими институциональными ограничениями. Для систематизации этих характеристик представлена таблица, позволяющая сопоставить ключевые этапы развития санитарно-эпидемиологического надзора, доминирующие управленческие подходы и основные барьеры, препятствующие реализации стратегических приоритетов (таблица 1).

Таблица 1

Этапы развития санитарно-эпидемиологического надзора, стратегические ориентиры и институциональные ограничения

Этап развития санитарно-эпидемиологического надзора	Ключевые характеристики модели управления	Стратегические ориентиры периода	Основные институциональные ограничения
Ранний санитарный контроль и санитарная полиция	Локальные санитарные меры, разрозненные нормативные акты, надзор через инспекции и запреты	Локализация очагов заболеваний, минимизация явных санитарных нарушений	Фрагментарность правового регулирования, слабая научная база, ограниченные ресурсы и кадровый потенциал
Централизованный санитарно-эпидемиологический надзор	Развитая сеть санитарных служб, централизованный учёт и отчётность, единые стандарты	Обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, унификация требований	Жёсткая вертикаль управления, слабая ориентация на профилактику, недостаточная гибкость и открытость системы
Постсоветская трансформация и программно-целевой подход	Переформатирование полномочий, интеграция надзора в программы здравоохранения, усиление правовых гарантий	Сочетание контроля и профилактики, адаптация к рыночной экономике и международным стандартам	Нормативная фрагментарность, дублирование функций, недостаточная согласованность уровней власти
Период пандемии и постпандемийной адаптации	Чрезвычайные санитарно-эпидемиологические режимы, межведомственные штабы, масштабные профилактические кампании	Сдерживание эпидемии, сохранение устойчивости системы здравоохранения, защита уязвимых групп	Перегрузка системы, дефицит ресурсов, противоречия между санитарными мерами и экономическими интересами
Риск-ориентированный и цифровой надзор	Использование больших данных, моделей риска, цифровых платформ и ИИ, интеграция с электронным здравоохранением	Превентивное управление санитарными рисками, повышение прозрачности и эффективности контроля	Нехватка цифровых и аналитических компетенций, проблемы кибербезопасности, необходимость кодификации и упрощения нормативной базы

Представленная таблица 1 позволяет увидеть, что развитие санитарно-эпидемиологического надзора представляет собой не просто накопление функций и ресурсов, а последовательную смену управленческих логик. На раннем этапе доминировал реактивный и репрессивный подход, ориентированный на локальные вмешательства и устранение наиболее явных санитарных нарушений. Ограниченная научная база, отсутствие системного мониторинга и фрагментарность правового

регулирования не позволяли выстроить долгосрочную стратегию управления санитарными рисками, что делало систему уязвимой к крупным эпидемиям. Формирование централизованной системы санитарно-эпидемиологического надзора стало важным шагом к институционализации санитарной безопасности. Развитие сети специализированных учреждений, внедрение единых стандартов, регулярная отчётность и контроль позволили повысить управляемость ситуации, однако усилили ориентацию на вертикальные механизмы и контрольные процедуры. В этой модели профилактическая составляющая присутствовала, но нередко рассматривалась как производная от контроля, а население – как объект, а не субъект санитарной политики.

Постсоветская трансформация привела к усложнению институциональной архитектуры. С одной стороны, усилилась роль программно-целевого подхода, появились новые инструменты стратегического планирования, возросло внимание к правам пациента и к международным стандартам. С другой – возникли многочисленные коллизии и дублирования в нормативной базе, усилилась рассогласованность между уровнями власти, а ресурсное обеспечение санитарно-эпидемиологической службы оказалось под давлением реформ здравоохранения и бюджетных ограничений. Пандемия COVID-19 стала стресс-тестом для всей системы. Чрезвычайные режимы, масштабные профилактические кампании, мобилизация ресурсов продемонстрировали как способность органов надзора быстро наращивать активность, так и пределы адаптивности сложившейся модели. Перегрузка управленческих и инфраструктурных ресурсов, конфликт между санитарными мерами и экономической активностью, проблемы коммуникации с населением выявили необходимость глубокой модернизации не только инструментов, но и принципов управления.

На этом фоне риск-ориентированный и цифровой надзор выступает как следующая фаза эволюции. Использование данных мониторинга, математических моделей и технологий искусственного интеллекта позволяет дифференцировать меры по уровням риска, оптимизировать распределение ресурсов, повышать прозрачность решений и вовлекать население в профилактические практики. Однако для реализации такой модели требуются развитая цифровая инфраструктура, защищённые каналы обмена данными, компетенции в области аналитики и кибербезопасности, а также упрощённая и кодифицированная нормативная база, обеспечивающая понятность требований для всех участников. Таким образом, институциональные ограничения на современном этапе связаны не только с дефицитом ресурсов, но и с инерцией предыдущих управленческих моделей. Преодоление этой инерции требует переориентации санитарно-эпидемиологического надзора с функции преимущественно контрольного органа на роль интегратора санитарной безопасности в системе

публичного управления, где превентивные, аналитические и коммуникационные функции рассматриваются как равнозначные традиционным контрольным полномочиям.

Заключение

Анализ эволюции санитарно-эпидемиологического надзора в системе публичного управления показал, что изменения в этой сфере тесно связаны с общими трансформациями государственного управления, реформами здравоохранения, развитием научного знания и цифровых технологий. От локальных санитарных мер и фрагментарной регламентации надзор постепенно трансформировался в специализированную институциональную систему, интегрированную в контуры стратегического управления общественным здоровьем и национальной безопасностью.

Ключевой вывод заключается в том, что современный этап развития санитарно-эпидемиологического надзора характеризуется переходом к риск-ориентированным и цифровым моделям, предполагающим усиление превентивного компонента, использование данных и аналитики, развитие межведомственного взаимодействия и вовлечение населения в профилактические практики. Вместе с тем этот переход наталкивается на ряд институциональных ограничений: нормативную фрагментарность, сложность кодификации законодательства, дефицит кадровых и цифровых компетенций, высокую нагрузку на инфраструктуру здравоохранения и ограниченную интеграцию санитарно-эпидемиологических задач в систему стратегического управления.

Для преодоления указанных ограничений требуется системная модернизация санитарно-эпидемиологического надзора как элемента публичного управления. Приоритетными направлениями представляются кодификация и упрощение нормативной базы, перераспределение акцентов в сторону превентивных и аналитических функций, развитие цифровой инфраструктуры и компетенций, а также институциональное оформление механизмов межведомственного и межуровневого взаимодействия. Важным условием устойчивости реформ является включение санитарно-эпидемиологических задач в стратегические документы развития здравоохранения, цифровой экономики и национальной безопасности.

References

1. Umanets, I. F. The role of the state in ensuring sanitary and epidemiological safety and mechanisms of legal regulation / I. F. Umanets, N. A. Musinova // Правовая реформа. – 2025. – No. 1. – P. 44-45. – EDN AAWDRP.

2. Боренштейн, А. Л. Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения как объект административно-правового регулирования: федеральные и региональные проблемы в условиях пандемии COVID-19 / А. Л. Боренштейн // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 3. – С. 471-478. – EDN MZCXLY.
3. Бурилина, М. А. Правовые основы обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности в Российской империи / М. А. Бурилина, Д. А. Пашенцев // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2025. – № 3. – С. 63-70. – DOI 10.24412/2309-152-2025-3-63-70. – EDN GDPKPV.
4. Голобородько, Ю. С. Инновационные подходы в аспекте административно-правового регулирования сферы санитарно-эпидемиологических отношений / Ю. С. Голобородько // Юридическая гносеология. – 2024. – № 1. – С. 23-33. – EDN QZQJQY.
5. Голобородько, Ю. С. Санитарно-эпидемиологической сферы в условиях правовой глобализации и посткоронавирусного кризиса: анализ и оценка / Ю. С. Голобородько // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 10(137). – С. 87-89. – EDN RPERBG.
6. Головкин, В. В. Основные направления совершенствования законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения Российской Федерации / В. В. Головкин, А. И. Сахно // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 2. – С. 96-104. – DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(2).96-104. – EDN MUKXVL.
7. Провоторова, С. В. История развития службы санитарноэпидемиологического надзора пенитенциарной системы Российской Федерации / С. В. Провоторова // Эпидемиология и инфекционные болезни. Актуальные вопросы. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 90-94. – DOI 10.18565/epidem.2021.11.1.90-4. – EDN HZRPXS.
8. Рыкалина, О. А. Экономика здравоохранения России: динамика инфраструктурных показателей и факторы развития / О. А. Рыкалина, В. В. Калицкая, А. Ю. Бабинцева // Фундаментальные исследования. – 2025. – № 3. – С. 77-83. – DOI 10.17513/fr.43799. – EDN LIEMUX.
9. Савилов, Е. Д. Управление инфекционной заболеваемостью на основе воздействия превентивных мероприятий на уязвимый период в циклическом развитии эпидемического процесса / Е. Д. Савилов // Вестник Российской академии медицинских наук. – 2021. – Т. 76, № 1. – С. 20-27. – DOI 10.15690/vramn1349. – EDN CNRBLL.
10. Сахно, А. И. Проблемы кодификации законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения Российской Федерации / А. И. Сахно //

Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, № 2. – С. 216-227. – DOI 10.19073/2658-7602-2021-18-2-216-227. – EDN LFRYKZ.

11. Сулимин, В. В. Анализ использования искусственного интеллекта в цифровой экономике для улучшения прозрачности и эффективности государственного управления / В. В. Сулимин, В. В. Шведов // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 6(182). – С. 181-186. – DOI 10.24158/tpor.2023.6.22. – EDN WVCHRG.

12. Ямпольская, А. И. Сущность государственного управления в сфере санитарно-эпидемиологического управления благополучием населения в Российской Федерации / А. И. Ямпольская, А. С. Мамин // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 72-6. – С. 172-176. – DOI 10.18411/lj-04-2021-263. – EDN TBMZDS.

JURISPRUDENCE AND LAW

UDC 34

Georginsky E.V. Warranty retention in a construction contract: the legal nature through the analysis of judicial practice and the possibility of charging contractual penalties for warranty retention

Georginsky Evgeny Vladislavovich,

Senior Lecturer, Department of Civil Law, Law Institute
Kemerovo State University

***Abstract.** The article explores the legal nature of retention money in construction contract agreements, analyses judicial practice on this issue, and identifies problematic aspects of applying this institution in civil circulation. Particular attention is paid to the issues of qualifying retention money and the mechanisms of liability for its untimely return.*

***Keywords:** Security retention, construction contract, security measures, contractual practice, judicial protection, civil liability.*

Рецензент: Рехтина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

The concept and legal nature of the guarantee retention.

In the literature, the issue of warranty retention is considered in various aspects. Although O. G. Yershov⁴ notes a lack of attention in the legal literature to the problem of warranty deductions. Research is mainly focused on the legal nature and security function of this mechanism, while the aspect of the return of warranty deductions has not been sufficiently studied.

Shadrin⁶ notes that, despite the popularity of guarantee retention in construction relations, there is no direct regulation of it in the civil legislation of the Russian Federation, and the position of the courts on this issue varies. For this reason, legal uncertainty is created for the parties to the contract during its execution or termination, in case of bankruptcy of the parties to the contract and in other situations.

In the works of N. B. Shcherbakov⁷, it is noted that the guarantee retention clause actually acts as an economic barrier for new contractors in the market. The author emphasizes the need to balance the interests of customers and contractors.

O.A. Belyaeva¹ concludes that guarantee deductions do not correspond to modern models of security transactions, and suggests considering bank guarantees as a more legitimate and effective tool for ensuring the fulfillment of obligations under the contract.

The construction industry does not have many ways to ensure the fulfillment of obligations, especially when it comes to protecting the interests of the customer. Often, this function is performed by traditional fines and penalties for delay or non-fulfillment (poor-quality performance) of work. At the same time, D. V. Bolokhov² strives to show that retention guarantees can be a useful tool for ensuring the fulfillment of contractual obligations in the construction industry, despite gaps in legislation.

In general, it can be argued that against this background, a more original and effective interim measure for a number of cases is a guarantee retention.

The warranty deduction is a part of the price of the work (usually 5-15%), which the customer retains until the expiration of the warranty period or the fulfillment of additional conditions (for example, the elimination of defects). Its purpose is to encourage the contractor to fulfill its obligations with high quality and compensate for the possible costs of the customer for correcting deficiencies.

Despite the absence of direct regulation in the Civil Code of the Russian Federation, its legal nature and conditions of application are shaped by judicial practice, including the positions of the Supreme Court of the Russian Federation. The courts recognize it as a legitimate way to ensure the contractor's obligations (art. 329 – Ways to ensure the fulfillment of obligations, 421 – freedom of contract of the Civil Code of the Russian Federation).

According to clause 1 of Article 711 of the Civil Code of the Russian Federation, payment for works is made after their acceptance, but the parties have the right to change this procedure. In this case, the guarantee retention is considered as a deferred payment, and not an interim measure in the classical sense (art. 329 of the Civil Code of the Russian Federation). The legal nature of the retention guarantee remained controversial for a long time.

The Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, in its Resolution No. 4030/13 dated 07/23/2013, indicated that "The inclusion of such a provision on payment for work in the contract does not contradict paragraph 2 of Article 746 of the Code" (payment for work). Thus, in fact, the guarantee deduction is qualified by the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation as a special procedure for paying for contract work under a suspensive condition.

This position was later reflected in two Rulings of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.06.2017 in case No. 304-ES17-1977 and dated 12.03.2018 in case No. 305-ES17-17564. The judicial acts state that "from an economic point of view, such a payment procedure performs a security function, is relatively common in circulation and does not contradict paragraph 2 of Article 746 of the Civil Code of the Russian Federation (Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 07/23/2013 No. 4030/13)."

Warranty retention is not provided for by law.

The Civil Code of the Russian Federation does not contain the direct concept of "guarantee retention". The only general rule on retention is fixed in clause 1 of Article 359 of the Civil Code of the Russian Federation, according to which the creditor who has the thing to be transferred to the debtor has the right to hold it until the corresponding obligation is fulfilled.

A guarantee retention is also not a retention within the meaning of art. 712 (contractor's right to retention) The Civil Code of the Russian Federation, because the thing is being held, not the money, against the obligation to pay, and the creditor has the right to withhold it when the debtor is in arrears (according to the terms of the contract agreements, the contractor is not in arrears at the time the customer withholds the money).

381.1 of the Civil Code of the Russian Federation (security payment), since the debtor must provide such security in the form of money himself. This article of the Civil Code of the Russian Federation refers to a security payment. The legal structure of a security payment is that the obligated party secures its obligation by depositing a certain amount of money in favor of the other party (security payment). The deposit by the obligated party and the retention by the eligible party are different constructions.

In case of non-fulfillment of a breach of obligations by the obligated party within the time period stipulated in the contract or termination of the secured obligation, the security payment is subject to refund.

In contractual legal relations, there can be no question of any refund, since this is a part of the payment that was withheld by the customer, i.e. the contractor himself did not pay the amount of the guarantee payment, and in addition, he did not receive the full cost of payment for the work performed in the amount of the guarantee deduction when paying for the work performed. The procedure for granting and refunding a security payment is a significant difference between the legal structures contained in art. 381.1. of the Civil Code of the Russian Federation and the guarantee deductions in the contract.

However, the Supreme Court of the Russian Federation, in Ruling No. 305-ES21-14922 dated 12/16/2021, indicated that such a structure can serve as a security payment (art. 381.1 of the Civil Code of the Russian Federation) if it is explicitly stipulated in the contract. It turns out that the withheld funds have the nature of a security payment, and not a part of the price of the work. This means that the obligation to pay the warranty deduction arises only if there are no claims to the quality of the work after the expiration of the warranty period.

The issue of warranty deductions is debatable in theory and law enforcement practice. For a long time, there was a perception that using warranty deductions was risky. This was explained by negative judicial practice, which boiled down to the fact that the guarantee deduction does not correspond to any of the methods of securing obligations, and the current

legislation does not contain legal grounds not to pay the contractor extra for the work performed (resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District dated 11/28/05 № KG-A40/11581-05-P-1,2).

Nevertheless, the legislation of the Russian Federation provides for the use by the parties of any means not prohibited by law to ensure the fulfillment of obligations (paragraph 1 of Article 329 of the Civil Code of the Russian Federation). Therefore, there are no grounds for non-application of the terms of the contract on the guarantee retention of the quality of the work performed by the contractor.

The guarantee deduction is part of the payment.

Thus, the guarantee retention is carried out by reducing the payment due to the contractor. Simply put, the settlement procedure agreed upon by the parties provides for a partial deferral of payment for completed works in the amount of, for example, 5% of the cost of work under the act of KS-2, because the withheld guarantee amount (part of the payment for work) is returned in equal installments after each calendar year in the absence of a guarantee case within 5 years from the date of receipt of the act. commissioning of the facility (the return procedure may differ in different contracts).

If we assume that by withholding funds from the obligation to pay, the parties have agreed to transform the funds into an interim measure (the legal nature is changing), then when the grounds for withholding disappear, the funds are transformed back (their interim measure is terminated) into an obligation to pay for the work performed. The absence of an indication of the reverse transformation in the terms of the contract is explained by the absence of a condition for the termination of the customer's obligation to pay for the work performed in the amount of the guarantee deduction. I.e. by making a deduction, the customer receives a delay in payment, but continues to be due for the work performed.

Under these circumstances, after the obligation to refund the deduction arises (in the absence of a guarantee case), the legal nature of the funds is preserved or restored – this is part of the payment for the work performed.

A warranty retention is an interim measure only for a period strictly defined by the contract – from the moment the customer's obligation to pay and the corresponding retention arises until the expiration of each calendar year in the absence of a warranty event, i.e. after this period of time, the obligation to pay for the work performed in the remaining 5 percent amount is resumed (the deferral has expired).

The consequence of the contractor's breach of obligations under the contract is the customer's right to use the required amount of money from the guarantee amount in his favor. This right correlates with the norm of art. 723 of the Civil Code of the Russian Federation, which provides for the right of the customer to a commensurate reduction in the price set for

the work or reimbursement of his expenses for the elimination of deficiencies, i.e. at the expense of remuneration of the contractor.

It is precisely this effect that the customer pursues by withholding the guarantee amounts, saving his money, by delaying payment of the amount of money owed to the contractor for the work performed. Therefore, the warranty deduction is nothing more than a part of the payment to be transferred to the contractor in the absence of defects in the work.

Has the obligation to pay ceased after the guarantee retention?

If the parties did not stipulate a condition for termination of the payment obligation, then it was postponed for the period of the guarantee retention, i.e. the obligation cannot be considered terminated solely on the basis of the guarantee retention.

In accordance with Article 407, obligations are terminated in whole or in part by virtue of a law or contract. Termination of an obligation on the initiative of one party is allowed only in cases stipulated by law or contract.

Chapter 26 of the Civil Code of the Russian Federation names the following grounds for termination of obligations: proper performance, provision of compensation, set-off, coincidence of debtor and creditor in one person, innovation, debt forgiveness, actual or legal impossibility of performance, death of a citizen, liquidation of a legal entity.

The guarantee retention is not one of the grounds listed by the Civil Code of the Russian Federation.

In our opinion, payment with retention cannot be considered a proper fulfillment of the obligation to pay for the work performed. If the contract does not provide for the termination of the obligation to pay for the work performed in the amount of the guarantee deduction, then the parties have not given the guarantee deduction the basis on which the obligation is terminated.

This is especially true if the parties have agreed in the contract that the proper fulfillment of the payment obligation by the customer will be the "transfer of funds to the contractor's current account."

By itself, withholding does not terminate the obligation to pay, unless the parties have agreed on it (this should be explicitly stated in the contract), that withholding terminates the obligation to pay (Clause 3, Article 407 of the Civil Code of the Russian Federation).

The customer's obligation to pay for the work performed by the contractor from the guarantee deduction can be terminated only by offsetting (art. 410 of the Civil Code of the Russian Federation) and only when the customer has counter-monetary claims, and they can arise only in case of violation of obligations by the contractor.

Therefore, the parties must explicitly stipulate a condition for termination of the payment obligation, otherwise it should not be considered terminated. Withholding under the

terms of the agreement is not a transfer of funds in favor of the withholding person, it is a temporary suspension (postponement) of the fulfillment of the obligation to pay.

Only in the event of a breach of obligations by the contractor does the right arise to transfer funds in favor of the retaining person. If such a violation does not occur, then the withheld amount (and this is part of the payment, according to the position of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation in Resolution No. 4030/13 dated 07/23/2013) must be paid (refunded) to the subcontractor by crediting it to his settlement account – this moment ends the proper fulfillment of the payment obligation by the customer.

Terms of the agreement: how to avoid ambiguity

The key aspect is the wording contained in the contract:

- The amount of deduction (fixed amount or percentage of the stage).
- The return period (for example, after signing the commissioning certificate or expiration of the warranty).
- The purposes of use (covering the costs of eliminating defects, penalties, etc.).

If the conditions are not clearly formulated, the courts may recognize the deduction as part of the price of the work, which entails the obligation of the customer to pay it, taking into account art. 711 of the Civil Code of the Russian Federation. For example, in the Decision of the Administrative Court of the Volga Region No. F06-9379/2021, the court ordered the customer to return the warranty deduction, since the shortcomings of the work had not been proven.

Is it possible to charge a contractual penalty for the delay in payment of completed works for the arrears of the guarantee deduction?

According to the position of the Supreme Court of the Russian Federation set out in Definition No. 305-ES21-14922 dated 12/16/2021, the contractual penalty for late payment of works does not apply to the guarantee deduction, since it is not part of the price. However, if the parties have explicitly stipulated in the contract a penalty for violating the terms of repayment of the guaranteed amount withheld, the courts will recover it.

The position of the Supreme Court of the Russian Federation

In Definition No. 305-ES21-14922 dated 12/16/2021, the Supreme Court of the Russian Federation distinguished:

- Penalty for late payment of work — is applied to the basic price of the contract.
- Interest under art. 395 of the Civil Code of the Russian Federation is charged on the amount of the guarantee deduction if its refund is delayed.

The court pointed out that the guarantee retention has a different legal nature — it is a security mechanism, and not part of the payment. Consequently, the general conditions for

late payment penalties do not apply to him if the contract does not contain a direct indication of responsibility for the delay of this particular amount.

Examples from judicial practice:

- In case no. A40-63799/2020 (Resolution of the Moscow District Arbitration Court no. F05-2818/2021), the contractor demanded a penalty for late repayment of the warranty retention. The court refused, citing the fact that the penalty clause in the contract applied only to the main payments, and not to the deduction.

- Refusal to collect a penalty: In case no. A40-125377/2015 (Definition of the Supreme Court of the Russian Federation no. 305-ES16-7657), the court dismissed the claim, stating that the penalty for late payment of work does not apply to the guarantee deduction, as it has a different legal nature.

- Collection of interest under art. 395 of the Civil Code of the Russian Federation: If the contract does not provide for a penalty, the customer is obliged to pay interest for using other people's money from the moment of violation of the refund period (Definition of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES21-14922).

How to provide for a penalty in the contract?

To collect a penalty for late repayment of the warranty deduction, it is necessary:

1. Explicitly state in the contract that the guarantee deduction is part of the price of the work, and its delay is equivalent to late payment.

2. Specify the conditions for calculating the penalty specifically for the amount of deduction, separately from the general provisions on payment.

3. Eliminate ambivalence of interpretations. For example:

"In case of violation by the Customer of the warranty retention refund period (clause 5.3 of the Agreement) The contractor has the right to demand payment of a penalty in the amount of 0.1% of the retention amount for each day of delay."

An example of a successful formulation from the Resolution of the AU of the Far Eastern District No. F03-10/2022:

"The guarantee deduction in the amount of 10% of the cost of the stage of work is subject to refund within 10 days after signing the act of commissioning the facility. For violation of the refund deadline, the Customer pays the Contractor a penalty in the amount of 0.05% of the retention amount for each day of delay."

In this case, the court satisfied the claim for the recovery of a penalty, since the condition was unambiguous and did not cause disputes about the nature of the deduction.

Development of judicial practice in judicial acts of the Supreme Court of the Russian Federation since 2013:

Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 4030/13 dated 07/23/2013: The Court confirmed the validity of the guarantee retention clause, indicating that the parties have the right to agree on postponement of payment of part of the price until additional conditions (for example, acceptance of the object) are fulfilled. This decision became the basis for subsequent disputes.

Definition of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES17-17564 dated 12.03.2018: The Court emphasized that the deduction is not a set-off, but is a special payment procedure conditional on the proper fulfillment of obligations.

Definition of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES21-14922 dated 12/16/2021: The key conclusion is that the warranty retention is not included in the price of the work, therefore, violation of the deadline for its return does not fall under the conditions of a late payment penalty.

After the Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES21-14922, arbitration courts take a stricter approach to assessing the terms of the contract (courts have begun to apply new approaches):

- If the penalty is not provided for the guarantee deduction, only interest is charged under art. 395 of the Civil Code of the Russian Federation. For example, in the Decision of the Moscow District Arbitration Court dated 05/08/2024 in case no. A40-219073/2023, the court refused to collect a contractual penalty, stating that the general conditions of liability for late payment "do not apply to a special mechanism of guarantee retention."

- If there is a penalty condition, but the deadline for the return of the deduction has not been determined, the courts may declare it not concluded. So, in case no. A41-90130/2023 (Resolution of the Tenth AAC dated 04/09/2024), the court refused to recover, since the contract did not contain a clear time frame for repayment.

- Resolution of the Judicial Court of the West Siberian District dated 02/13/2025 in case no. A27-8996/2024. The case involved a dispute over the recovery of a guarantee deduction and penalties. In the ruling, the court confirmed that the guarantee deduction can be considered a security payment, and interest can be charged for its delay under art. 395 of the Civil Code of the Russian Federation.

Important conclusions from judicial practice:

- The guarantee deduction is recognized as a security payment, since its function is to cover the possible costs of eliminating work deficiencies.

- Interest is charged for late repayment of such amounts under art. 395 of the Civil Code of the Russian Federation, even if the contract does not contain a direct penalty clause.

- The Court emphasized that the deduction is not part of the price of the work, but serves as a guarantee of obligations.

The examples given confirm that without a special penalty clause in the contract, only interest can be collected for the delay in the return of the guarantee deduction under art. 395 of the Civil Code of the Russian Federation. At the same time, the examples illustrate how the courts distinguish between the nature of the guarantee deduction (payment vs. part of the price of work), which is critical for determining liability measures.

But there are exceptions where retention is recognized as part of the price of work. In the Decision of the Administrative Court of the North-Western District No. A56-90094/2020, the court levied a penalty, since the contract directly linked the retention to the payment of the stage, and not to securing obligations.

In 2024-2025, there were disputes where the courts collected a contractual penalty for delaying the return of the guarantee deduction, but only if there were clear conditions in the contract.

Practical examples:

1) Case no. A40-122131/21-110-823 (Resolution of the Moscow District Arbitration Court dated 06/10/2024)

- The essence: The contractor demanded to collect from the customer 1.2 million rubles. penalties for late repayment of the warranty deduction (5% of the cost of work).

- Court decision: The penalty was collected, as the contract explicitly stipulated that the guarantee deduction was part of the price of the work, and its delay was equivalent to late payment.

- The key argument: "The terms of the contract do not allow us to qualify the guarantee retention as a security payment. The parties agreed that the deduction is subject to refund 10 days after signing the act, and a general late payment penalty is applied for violation of the deadline."

2) Case no. A56-46919/2023 (Resolution of the Administrative Court of the North-Western District dated 07/10/2024)

- Outcome: The Court refused the penalty, since the contract did not contain a special condition for a penalty for late repayment of the retention.

- Conclusion: "The guarantee deduction has a different legal nature than the payment for work. In the absence of a direct indication of a penalty for its delay, only interest is applied under art. 395 of the Civil Code of the Russian Federation"

3) Case no. A04-2834/2022 (Resolution of the Administrative Court of the Far Eastern District dated 03/14/2024)

- Successful example: The Court collected a penalty because the contract:

- o Clearly linked the guarantee deduction with the payment of the stage of work;
- o Contained a separate clause: "For violation of the warranty retention repayment period, the Customer pays the Contractor a penalty of 0.1% of the amount for each day of delay."

- Bottom line: The requirement is 100% satisfied.

Trends in 2024-2025:

1) If there is a direct condition for a penalty in the contract, the courts will recover (for example, case No. A40-122131/21-110-823).

2) If there is no condition or the wording is vague, only interest is applied under art. 395 of the Civil Code of the Russian Federation (for example, case no. A56—46919/2023).

3) It is critically important to distinguish in the contract:

- o Warranty deduction as part of the price of the work (then a penalty is possible);

- o Guarantee retention as a security payment (then only interest).

To ensure that the penalty is collected, include a separate clause in the contract, for example:

"For violation of the return period of the warranty retention, the Customer pays the Contractor a penalty in the amount of ___% of the retention amount for each day of delay."

Conclusion.

Courts often take the position that the nature of the guarantee deduction differs from the payment for work performed, and if the contract does not specify separately the right to charge a penalty for late repayment of the guarantee deduction, then it is unlawful to charge a penalty for late payment.

The possibility of collecting a contractual penalty for late repayment of the guarantee deduction depends on the wording in the contract. The Supreme Court of the Russian Federation and arbitration practice consistently adhere to the position that if the withholding is of the nature of a security payment, only interest is applied under art. 395 of the Civil Code of the Russian Federation. To protect the interests of the contractor, a direct penalty clause is necessary, and customers should avoid ambiguity in determining the legal nature of the retention.

References

1. Belyaeva O.A. Guarantee deductions in contract relations in construction // Law and Economics. 2008. No. 5. pp. 26-30.

2. Bolokhov D. V. Guarantee retention as a way to ensure fulfillment of obligations under the contract // Issues of modern jurisprudence. 2014. No. 44. pp.

37-42. 3. Bekmurzиеv A.M. Guarantee retention as a way to ensure fulfillment of obligations under a construction contract. // Eurasian Scientific Association. 2021. pp. 317-320.

4. Yershov O. G. On the contractor's right to interest on the guarantee deduction // Civil Law, 2021, No. 5. pp. 18-21.

5. Methodological recommendations for the development of conditions for construction contracts on guarantees and guarantees: approved by the Government of the Russian Federation. The Ministry of Construction of the Russian Federation, Protocol No. 6 dated 02/20/1996.

6. Shadrin A. Y. "Guarantee retention: intricacies of judicial practice" // Prepared for the ConsultantPlus system, 2021.

7. Shcherbakov N.B. Once again about the guarantee retention // Problems of the implementation and protection of civil rights: a collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor V.P. Gribanov / ed. by E.A. Sukhanov, A.E. Sherstobitov. Moscow: Statute, 2021. p. 354.

UDC 336.201

Goncharova N.A., Kormin S.A. Tax regulation of virtual gaming assets and their classification in the Russian Federation and the EAEU

Налоговое регулирование виртуальных игровых активов и их квалификация в РФ и ЕАЭС

Goncharova N. A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Ural State University of Economics

Kormin S.A.

Bachelor's student 2nd year
Ural State University of Economics

Гончарова Н. А.

Уральский государственный экономический университет
Кандидат исторических наук, доцент

Кормин С. А.

Студент бакалавриата, 2 курс

Уральский государственный экономический университет

Abstract. *The article analyzes the legal nature and tax regime of virtual gaming property in the Russian Federation amid the growth of the video game market and in-game purchases. It examines the impact of various civil law approaches to classifying virtual gaming assets on the formation of tax liabilities for market participants. It justifies the expediency of classifying virtual gaming property as "other property" under Art. 128 of the Civil Code of the Russian Federation, with the application of the general taxation regime for income from the sale of property and property rights. It demonstrates that under the current general provisions of the Tax Code of the Russian Federation, income from P2P turnover of virtual assets remains in a zone of fiscal uncertainty. As key areas for improvement, the article proposes the normative establishment of virtual gaming assets as a standalone taxation object, analogous to digital rights and digital currency, as well as a simplified taxation regime for small transactions by individuals, potentially with unified approaches across the EAEU.*

Keywords: *virtual gaming property; in-game items; taxation of virtual assets; VAT on in-game item sales; personal income tax on player income; P2P user transactions; digital currency and crypto assets.*

Аннотация. *В статье анализируются правовая природа и налоговый режим виртуального игрового имущества в Российской Федерации на фоне роста рынка видеоигр и внутриигровых покупок. Рассматривается влияние различных гражданско-правовых подходов к квалификации виртуальных игровых активов на формирование налоговых обязательств участников рынка. Обосновывается целесообразность отнесения виртуального игрового имущества к категории «иного имущества» в смысле ст. 128 ГК РФ с применением общего режима налогообложения доходов от реализации имущества и имущественных прав. Показано, что при действии только общих норм Налогового кодекса РФ доходы от P2P-оборота виртуальных активов фактически остаются в зоне фискальной неопределённости. В качестве основных направлений совершенствования предлагаются нормативное закрепление виртуальных игровых активов как самостоятельного объекта налогообложения по аналогии с цифровыми правами и цифровой валютой, а также упрощённый режим налогообложения малых операций физических лиц с возможной унификацией подходов в рамках ЕАЭС.*

Ключевые слова: *виртуальное игровое имущество; внутриигровые предметы; налогообложение виртуальных активов; НДС при реализации внутриигровых предметов; НДФЛ с доходов игроков; P2P-сделки пользователей; цифровая валюта и криптоактивы.*

Рецензент: Рехтина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Введение

Актуальность темы в российском контексте подтверждается масштабами национального рынка видеоигр: в 2025 году его объём оценивается примерно в 200 млрд рублей, что на 7% больше показателя 2024 года. Существенную часть этих расходов составляют внутриигровые покупки: только на покупку внутриигрового контента российские игроки тратят десятки миллиардов рублей в год, при этом объём таких трат за 2024 год оценивается порядка 56 млрд рублей и продолжает расти [13, с. 143].

При этом внутриигровые предметы и иные виртуальные игровые активы активно обращаются как на официальных площадках, так и на сером рынке, реальный объём которого по экспертным оценкам сопоставим с организованным сегментом, но практически не поддается точной оценке и находится вне прозрачного налогового поля. Указанные обстоятельства демонстрируют экономическую значимость виртуального игрового имущества для российской экономики и одновременно выявляют отсутствие специального налогового режима для таких активов, в результате чего создаёт устойчивую фискальную и правовую неопределённость.

В научной литературе исследуются вопросы правового статуса виртуального игрового имущества и цифровых активов, а именно в работах М. А. Рожковой, Д. Е. Сальникова, А. И. Савельев и др., в том числе в контексте гражданско-правового регулирования [12, с. 131]. В то же время специфика налогового режима операций с виртуальными игровыми предметами в российском правовом порядке освещена фрагментарно, что обуславливает необходимость дальнейшего исследования данной проблематики.

Цель данной статьи является проанализировать правовую квалификацию виртуальных игровых активов и специфику их налогового регулирования в РФ.

Исходя из поставленной цели для ее достижения были разработаны следующие задачи: раскрыть понятие и виды виртуальных игровых активов; проанализировать подходы к их правовому статусу; выявить особенности налогообложения операций в РФ; предложить направления совершенствования.

Теоретическая часть

В литературе сформировались три основных подхода к квалификации виртуального игрового имущества. Первый — квазивещный, в рамках которого виртуальные объекты (валюта, оружие, земля и т.п.) рассматриваются как аналоги материальных вещей, а игрок — как носитель вещных прав, что обосновывается функциональной аналогией таким объектам, исключительным контролем со стороны аватара и наличием рыночной стоимости, подтверждаемой практикой real-money

trading. Этот подход, поддерживаемый рядом зарубежных и российских авторов, предполагает возможность признания за игровыми активами статуса имущества, что влечёт потенциальное возникновение имущественных налоговых обязательств, однако в отечественной доктрине он критикуется из-за традиционного ограничения вещных прав материальными объектами, на что указывает, в частности, М. А. Рожкова.

Второй подход трактует виртуальные игровые объекты как элементы компьютерной программы и, шире, как часть сложного мультимедийного произведения, охраняемого авторским правом, вследствие чего пользователь получает лишь неисключительную лицензию на использование игрового контента, а не самостоятельный объект гражданских прав. В налоговом аспекте такая конструкция усиливает неопределённость: операции с игровыми предметами оказываются либо внутри лицензионных отношений, либо вообще «в тени», что затрудняет однозначную квалификацию доходов от их отчуждения в целях НДФЛ и налога на прибыль.

Третий, наиболее распространённый в современной доктрине подход предлагает отнести виртуальные игровые активы к категории «иного имущества» в смысле ст. 128 ГК РФ [2], исходя из их экономической ценности и фактической оборотоспособности в виртуальной среде, включая возможность отчуждения аккаунтов и предметов. Такая квалификация позволяет рассматривать доходы от операций с игровым имуществом как доходы от реализации имущества или имущественных прав и, следовательно, как объект налогообложения, однако противники подчёркивают фиктивный характер «оборотоспособности» игровых предметов и невозможность перехода самих нематериальных объектов, что вновь возвращает к проблеме фискальной неопределённости в отношении виртуальных игровых активов.

Автор исходит из целесообразности квалификации виртуального игрового имущества в качестве «иного имущества» в смысле ст. 128 ГК РФ, поскольку, несмотря на доктринальные оговорки, экономическая практика демонстрирует устойчивый и массовый оборот таких активов, сопоставимый с традиционными рынками. Подобно цифровым правам и криптоактивам, обладающим идентифицируемостью и возможностью отчуждения по ст. 141.1 ГК РФ [2], виртуальное игровое имущество фактически выступает объектом, в отношении которого реализуются владение, пользование и распоряжение в пределах учётной записи и пользовательского соглашения.

Опираясь на доктринальные позиции А. И. Савельева, М. А. Рожковой и Л. Ю. Василевской, а также принимая во внимание выявленные сущностные характеристики актива, автор предлагает рассматривать виртуальное игровое имущество как совокупность дематериализованных цифровых объектов, существующих в

информационной системе (игровом мире), обладающих экономической ценностью в реальном секторе и закреплённых за конкретным пользователем посредством учётной записи. Для таких объектов характерны: цифровая нематериальная форма; наличие рыночной стоимости; реализация триады правомочий (владение через аккаунт, пользование в игре, распоряжение посредством внутриигровых и внешних сделок); персональная идентификация через привязку к аккаунту. На этой основе целесообразно выделять персональные активы (персонажи, прогресс), функциональные предметы (оружие, броня), косметические элементы (скины, визуальные эффекты) и экономические активы (игровая валюта, токены).

Аналитическая часть

По вопросу налогообложения сделок купли-продажи виртуальных предметов в компьютерных играх в России сложилась поэтапно формировавшаяся практика. В 2015 г. в деле Mail.ru Group Верховный Суд РФ согласился с позицией налоговых органов о том, что продажа внутриигровых предметов представляет собой не передачу прав по лицензионному договору [8, 9], а оказание услуг по организации игрового процесса, вследствие чего льгота по подп. 26 п. 2 ст. 149 НК РФ не применяется и операции подлежат обложению НДС в общем порядке [4].

В дальнейшем подход налоговых органов был скорректирован: в письме ФНС России от 23.01.2017 № СД-4-3/988@ разъяснено [7], что освобождение от НДС, предусмотренное для передачи прав на использование программ для ЭВМ, может распространяться и на предоставление доступа к дополнительному функционалу онлайн-игр (в том числе внутриигровым предметам), если отношения оформлены как лицензионный договор о предоставлении прав на использование программы, а игрок уплачивает вознаграждение за соответствующее право. При этом последующие изменения подп. 26 п. 2 ст. 149 НК РФ привели к тому, что освобождение от НДС возможно лишь в отношении программ для ЭВМ, включённых в единый реестр российских программ и баз данных, что требует проверки статуса конкретной игры в данном реестре [5].

В результате доходы от продажи внутриигровых предметов в российской практике, как правило, квалифицируются как доходы по лицензионному договору, что является релевантным и для целей прямых налогов (налога на прибыль и НДФЛ), однако универсальная налоговая квалификация таких сделок затруднена и зависит от конструкции и содержания договоров между правообладателем и пользователем в каждом конкретном случае.

Если в отношениях между правообладателем и пользователем ключевое значение имеет конструкция лицензионного договора и квалификация доходов

правообладателя, то в плоскости взаимоотношений между самими пользователями ситуация существенно иная. Большинство массовых онлайн-игр и платформ цифровой дистрибуции прямо запрещают обмен виртуальными предметами и валютой за реальные деньги, а также использование сторонних площадок для таких сделок, закрепляя соответствующие ограничения и санкции (вплоть до блокировки аккаунта) в пользовательских соглашениях и правилах сообщества [10]. При этом даже в случаях, когда предусмотрен формальный внутриигровой или платформенный маркетплейс, пользователь, как правило, может обменивать активы лишь в пределах экосистемы игры и не имеет легальной возможности вывести стоимость полученных виртуальных предметов в фиатную валюту, что стимулирует развитие серого рынка и real-money trading на сторонних ресурсах.

И по криптовалюте, и по виртуальным игровым активам налог в России возникает не из-за самого факта роста цены, а только при реализации — когда у физлица появляется реальный доход в виде денег или иного имущества [1]. В отношении криптовалюты эта логика уже прямо закреплена: цифровая валюта рассматривается как имущество/цифровой актив, и НДФЛ возникает при продаже или обмене, причём налоговая база определяется как разница между ценой реализации и расходами на приобретение; если курс вырос, но монеты не проданы, нереализованный прирост не облагается. С 2025 года доходы от операций с цифровой валютой специально учтены в НК РФ и разъяснениях ФНС, с применением прогрессивной шкалы 13/15% для физических лиц. В отношении виртуальных игровых предметов по сути действует та же общая конструкция: пока пользователь только удерживает скин или иной актив, даже если его рыночная стоимость возросла, у него нет реализованного дохода, а значит, нет и объекта обложения НДФЛ; обязанность по уплате налога возникает при продаже или обмене такого актива за реальную валюту или иное имущество, что квалифицируется как доход физического лица [3]. Однако ключевое отличие состоит в том, что криптовалюта уже прямо названа объектом налогообложения и обеспечена специальными разъяснениями по порядку расчёта базы, тогда как доходы от P2P-оборота виртуальных игровых активов остаются в правовом поле общих норм НК РФ без специальной регламентации, что усиливает фискальную неопределённость.

Рекомендательная часть

Направления совершенствования налогового регулирования виртуального игрового имущества, на взгляд автора, целесообразно связать с одновременным уточнением его гражданско-правового статуса и разработкой специальных налоговых правил.

Во-первых, на уровне гражданского законодательства представляется обоснованным прямое отнесение виртуальных игровых активов к категории «иного имущества» либо цифровых прав, с опорой на открытую конструкцию ст. 128 ГК РФ и модель цифровых прав, закреплённую в ст. 141.1 ГК РФ [2]. Это позволило бы на уровне Налогового кодекса РФ прямо указать, что доходы от операций с виртуальными игровыми активами относятся к доходам от реализации имущества (для физических лиц) либо к доходам от реализации имущественных прав и (или) оказания электронных услуг (для организаций), по аналогии с уже сложившимися подходами к цифровой валюте и цифровым финансовым активам [3]. Такое уточнение устранило бы фискальную неопределённость, характерную для текущей практики, в которой доходы игроков от P2P-оборота скинов и иных предметов выводятся из общих норм о доходах граждан, а налоговые последствия сделок правообладателей зависят от колебаний между квалификацией операций как лицензий или услуг.

Во-вторых, с учётом массового, но крайне фрагментированного характера оборота виртуального игрового имущества целесообразно разработать упрощённый режим налогообложения малых операций физических лиц и одновременно заложить основу для унификации подходов в рамках ЕАЭС. На уровне НК РФ это могло бы выражаться в установлении порога, до которого доходы от реализации виртуальных игровых активов не требуют отдельного декларирования или облагаются по упрощённой процедуре (например, через налог на профессиональный доход или специальную фиксированную ставку), тогда как крупные и систематические операции подлежат налогообложению по общим правилам НДФЛ с прогрессивной шкалой 13/15% [3].

В настоящее время любые доходы от продажи скинов и внутриигровых ценностей формально подпадают под общие нормы главы 23 НК РФ, однако фактически почти не отражаются в налоговой отчётности, что снижает эффективность администрирования и стимулирует развитие серого рынка. С другой стороны, в научной литературе и документах ЕАЭС уже подчёркивается необходимость гармонизации налогообложения цифровых услуг и криптоактивов [6, 11]; распространение аналогичных принципов на виртуальное игровое имущество (через модельные акты или согласованные рекомендации для государств-членов) позволило бы избежать налогового арбитража, когда платформы и пользователи выбирают юрисдикцию с более мягким режимом, и повысить собираемость налогов без чрезмерного давления на добросовестных участников цифровой экономики.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что виртуальное игровое имущество уже сформировалось как экономически значимый объект оборота, однако его правовой статус и налоговый режим в российском и евразийском правопорядках остаются фрагментарно урегулированными. Доходы правообладателей от монетизации игр облагаются по общим правилам налога на прибыль и НДС, а доходы пользователей от P2P-сделок с игровыми активами формально подпадают под действие норм о налогообложении имущества и доходов физических лиц, но фактически находятся в зоне фискальной неопределённости.

В условиях, когда для цифровых финансовых активов и цифровой валюты уже выстраивается специальный режим налогообложения и появляются подробные разъяснения ФНС и Минфина, сохранение «теневого» статуса виртуального игрового имущества создаёт дополнительные налоговые риски и стимулирует развитие серого рынка. Предложенные в работе подходы — признание виртуальных игровых активов разновидностью «иного имущества» либо цифровых прав и разработка упрощённых правил налогообложения малых операций физических лиц с учётом возможной унификации в рамках ЕАЭС — могут служить основой для формирования более последовательного и сбалансированного правового и налогового режима, сочетающего интересы государства, бизнеса и пользователей цифровых платформ.

References

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29.05.2014) (ред. 2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. действ.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. действ.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ. Статья 149 (ред. действ.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/c8ebcedc9ddce9d959d6c520c3b0d602f71e8e12

5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 265-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). URL: <https://pravo.gov.ru/novye-postupleniya/federalnyy-zakon-ot-31-07-2020-265-fz-o-vnesenii-izmeneniy-v-chast-vtoruyu-nalogovogo-koдекса-rossiy>

6. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 27.09.2023 № 97 «О перечне услуг в электронной форме» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459153

7. Письмо ФНС России от 23.01.2017 № СД-4-3/988@ «НДС: о налоге при передаче физлицу прав на использование неактивированных данных и команд компьютерной онлайн-игры по лицензионному договору» [Электронный ресурс] // Норматив.Контур. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=418415&moduleId=8>

8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.06.2015 № Ф05-7093/15 по делу № А40-91072/2014 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/41769954>

9. Определение Верховного Суда РФ от 30.09.2015 № 305-КГ15-12154 по делу № А40-91072/14 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ARB&n=439231&req=doc>

10. Steam Subscriber Agreement [Электронный ресурс] // Steam. URL: https://store.steampowered.com/subscriber_agreement

11. Доклад о лучших практиках администрирования НДС при оказании услуг в электронной форме (ЕАЭС) [Электронный ресурс] // ЕЭК. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/704/Doklad.pdf>

12. Гончарова Н. А., Белоусов М. А. Аналитика в бизнесе // Экономические исследования и разработки. № 4 (2). 2023. С. 130-134.

13. Гончарова Н. А., Алексеева Е. В. Технология NFT и цифровое искусство в российской экономике // Экономические исследования и разработки. № 2. 2025. С. 141-145.

PSYCHOLOGY AND PSYCHOTHERAPY

UDC 159.922.8:378.4

Cherezova E.V., Ivanova M.A., Rustamova N.B., Bogacheva E.V. Features of emotional nutrition and its impact on academic productivity in students

Особенности эмоционального питания и его влияние на академическую
продуктивность у студентов

Cherezova Ekaterina Valerievna

3rd year student, group L-324
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Ivanova Maria Aleksandrovna

3rd year student, group L-324
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Rustamova Nafisa Bakhodirovna

3rd year student, group L-324
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Bogacheva Elena Vasilevna

Ph.D, Associate Professor
Department of Management in Health Care Department,
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Черезова Екатерина Валерьевна
Студентка 3 курса, группы Л-324

Воронежского государственного медицинского
университета им. Н.Н. Бурденко

Иванова Мария Александровна
Студентка 3 курса, группы Л-324

Воронежского государственного медицинского
университета им. Н.Н. Бурденко

Рустамова Нафиса Баходировна
Студентка 3 курса, группы Л-324

Воронежского государственного медицинского
университета им. Н.Н. Бурденко

Богачёва Елена Васильевна

кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры Управления в здравоохранении,
Воронежский государственный медицинский
университет им. Н.Н. Бурденко

Abstract. *The purpose of this study is to identify the characteristics of emotional eating and to analyze the conditions that promote this behavior among students. The constant increase in academic workload and the range of activities for students necessitates the development of a model to study their impact on academic productivity. This study aims to analyze the psychological mechanisms and situational factors that contribute to the development of emotional eating as a coping strategy. The study aims to assess how this behavioral pattern modulates cognitive functions and motivational aspects in the academic*

process. The findings of this study can be used to enhance students' awareness of their eating habits in the context of academic well-being.

Keywords: emotional nutrition (EN), academic productivity, students, academic performance, stress, eating behavior, cognitive functions.

Аннотация. Проведенное нами исследование состоит в выявлении особенностей эмоционального питания студентов и требует анализа соответствующих условий активизации данного поведения в студенческой среде. Постоянный количественный рост учебной нагрузки и сфера активности студентов требуют разработки модели для изучения их влияния на академическую продуктивность. В работе анализируются психологические механизмы и ситуационные факторы, способствующие закреплению эмоционального питания как копинг-стратегии. Была дана оценка как поведенческая особенность модулирует когнитивные функции и мотивационную сферу в учебном процессе. Полученные данные могут быть использованы для повышения осознанности студентов в вопросах пищевого поведения в контексте академического благополучия.

Ключевые слова: эмоциональное питание (ЭП), академическая продуктивность, студенты, успеваемость, стресс, пищевое поведение, когнитивные функции.

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Актуальность. В современной образовательной среде студенты подвержены воздействию хронического академического и социального стресса, что часто вызывает у них проблемы с питанием. Эмоциональное питание (ЭП), определяемое как потребление пищи преимущественно для регуляции негативного эмоционального состояния, а не для удовлетворения физиологического голода, представляет собой распространенный, но часто неадаптивный копинг-механизм. [1]

Актуальность исследования особенностей ЭП в студенческой популяции обусловлена следующими факторами:

1. Высокая распространенность и недостаточная изученность специфических паттернов. Несмотря на массовый характер явления, особенности его проявления (триггерные ситуации, характер выбираемой пищи, временные паттерны) у студентов требуют более детального изучения для разработки целевых профилактических мер.

2. Риски для соматического и психологического здоровья. Склонность к выбору высококалорийной, богатой простыми углеводами и жирами пищи в периоды ЭП создает прямые риски развития алиментарно-зависимых заболеваний (ожирение, метаболический синдром) и способствует формированию стойких нездоровых пищевых привычек.

3. Недооцененное влияние на академическую деятельность. Опосредованное влияние ЭП на когнитивные функции (концентрация внимания, память, исполнительные функции) через колебания уровня глюкозы в крови, качество сна и общее самочувствие может существенно снижать академическую продуктивность.

4. Интеграция с другими режимными нарушениями. Эмоциональное питание часто ассоциировано с деструктивными изменениями в распорядке дня, такими как

нарушение циркадных ритмов, нерегулярный сон и низкая физическая активность. Исследование этих взаимосвязей позволяет рассматривать проблему комплексно. [2]

Главная парадоксальность ситуации заключается в том, что, готовясь к врачебной деятельности, студенты-медики, обладая базовыми знаниями о принципах здорового питания, демонстрируют неготовность к их применению в отношении себя для управления стрессом. Они не настроены на активный поиск и использование адаптивных копинг-стратегий и не связывают текущие пищевые привычки с риском снижения когнитивных функций и академической успеваемости.

Таким образом, возникает противоречие между объективно высоким уровнем профессиональных знаний о здоровье и наличием личностно-поведенческих дезадаптивных паттернов, связанных с эмоциональным питанием. Это обуславливает актуальность изучения и коррекции специфических факторов риска развития эмоционального питания именно в студенческой среде медицинских вузов, где требования к когнитивным функциям и психоэмоциональной устойчивости предельно высоки. [3]

Целью работы является проведение анализа особенности проявления эмоционального питания в студенческой среде и оценка его влияния на академическую продуктивность у студентов медицинского университета.

Материалы и методы исследования. На базе Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко был проведён опрос репрезентативной по полу и курсам обучения выборки из 121 студента 1-4 курсов с изучением особенностей эмоционального питания и его влияния на академическую активность в период 2025 учебного года. Обработка выполнена методами описательной статистики для расчета и сопоставления относительных величин в выборочной совокупности и прогнозов для генеральной совокупности при $p \leq 0,05$ с учетом ошибок репрезентативности.

Результаты. Данное исследование проведено среди студентов медицинского университета 1, 2, 3 и 4 курсами, в котором приняли участие-121 человек (примерно по 25% каждый курс), что делает исследование репрезентативным для всей курсов и позволяет сравнивать ответы студентов разных лет обучения.

В опросе преобладают женщины - 80 человек (67,8%), что является типичным для многих социологических и психологических исследований в студенческой среде. Это важно учитывать, так как реакция на стресс и модели поведения могут иметь гендерные особенности.

Как показал проведенный опрос, подавляющее большинство студентов испытывает стресс той или иной интенсивности. Лишь 8 человек (7%) сообщили об его

отсутствии. Наиболее частый ответ — "Периодическое ощущение напряжения и стресса" - 47 человек (39%). Это указывает на то, что для большинства стресс является не постоянным фоном, а реакцией на конкретные ситуации.

Значительная часть респондентов - 34 человека (28%) испытывает более серьезный стресс, вплоть до чувства подавленности и постоянной тревоги. Это та группа, которая, скорее всего, нуждается в наибольшей поддержке (Диаграмма 1)

Диаграмма 1. Уровень и источники стресса.

Главные источники стресса: Топ-3 причин стресса напрямую связаны с перегрузкой и образом жизни: переутомление (1-е место-63 человека), нездоровый образ жизни (2-е место-53 человека) и нехватка времени на себя и отдых (3-е место-46 человек). Это рисует картину "выгорающего" студента, который не успевает восстановить силы.

Значительную роль также играют финансовые трудности (Нехватка денег) и академические изменения (Поступление в новое учебное заведение). Проблемы со здоровьем, переезд, рабочие вопросы и конфликты также вносят свой вклад, но являются менее массовым явлением в студенческой среде (Диаграмма 2).

Диаграмма 2. Влияние жизненных ситуаций на развитие стресса.

Наблюдается яркий раскол в реакциях на стрессовые ситуации (Диаграмма 3). Аппетит может как снижаться, так и повышаться.

Суммарно 43,3% - 35 респондентов сообщают о снижении или значительном снижении (17 человек) аппетита. Это классическая стрессовая реакция "бей или беги", когда организм подавляет "неважные" функции, такие как пищеварение.

Суммарно 40% - 27 респондентов сообщают об усилении или значительном усилении (21 человек) аппетита. Это указывает на использование еды как механизма совладания со стрессом (эмоциональное питание). И лишь 16,7% (20 человек) не отмечали изменений в пищевом поведении.

Диаграмма 3. Модели эмоционального питания.

Выбор продуктов у студентов выглядит следующим образом: сладкое выбирают 61 человек. Сахар быстро повышает уровень дофамина и временно улучшает настроение, что делает его самым популярным "лекарством" от стресса.

«Вредные» альтернативы: продукты быстрого приготовления, соленые снеки и жирная пища. Эти продукты объединяет высокая калорийность, простота употребления и интенсивный вкус, который отвлекает от негативных эмоций.

Важное наблюдение: 30 человек выбрали вариант "Ничего из вышеперечисленного" (при отсутствии аппетита), что хорошо коррелирует с данными предыдущего вопроса о снижении аппетита (Диаграмма 4).

Диаграмма 4. Предпочтения в еде во время стресса.

Для большинства студентов эмоциональное питание означает отклонение от здорового рациона.

Большинство изменяет пищевые привычки: 74 человека ответили, что их выбор "иногда"(27,5%), "часто"(20,8%) или "почти всегда"(13,3%) отличается от здоровой пищи. Это подтверждает, что эмоциональное питание — это особая модель поведения, а не просто прием пищи (Диаграмма 5).

Диаграмма 5. Отличия продуктов при эмоциональном питании от обычной диеты человека.

Прямое негативное влияние на учебу эмоционального питания отмечает меньшинство опрошенных, однако позитивное влияние также минимально.

Нейтральная оценка: Большинство либо не видят влияния -36 человек (30%), либо затрудняются его оценить - 27 респондентов (23%). Это может говорить о том, что связь неочевидна для студентов.

Негативный эффект: 19 человек (16%) отмечают незначительное снижение продуктивности и 14 респондентов (12%) отмечают существенное негативное влияние. Это та группа, для которой эмоциональное питание имеет явные отрицательные последствия.

Кратковременная польза: 23 человека (19%) отмечают незначительное повышение продуктивности за счет улучшения настроения, что отражает сиюминутный выигрыш от такого поведения (Диаграмма 6).

Полученные данные свидетельствуют о том, что эмоциональное питание влияет на академическую продуктивность студентов.

Диаграмма 6. Влияние эмоционального питания на жизнь.

Наблюдается четкая, но не абсолютная связь между эмоциональным питанием и нарушением режима.

Связь есть: 74 респондента (61,7%) ответили, что такие эпизоды "иногда", "часто" или "всегда" сопровождаются нарушением режима дня (поздний отход ко сну и т.д.). Это создает порочный круг: стресс \Rightarrow эмоциональное питание \Rightarrow нарушение сна \Rightarrow больший стресс на следующий день (Диаграмма 7).

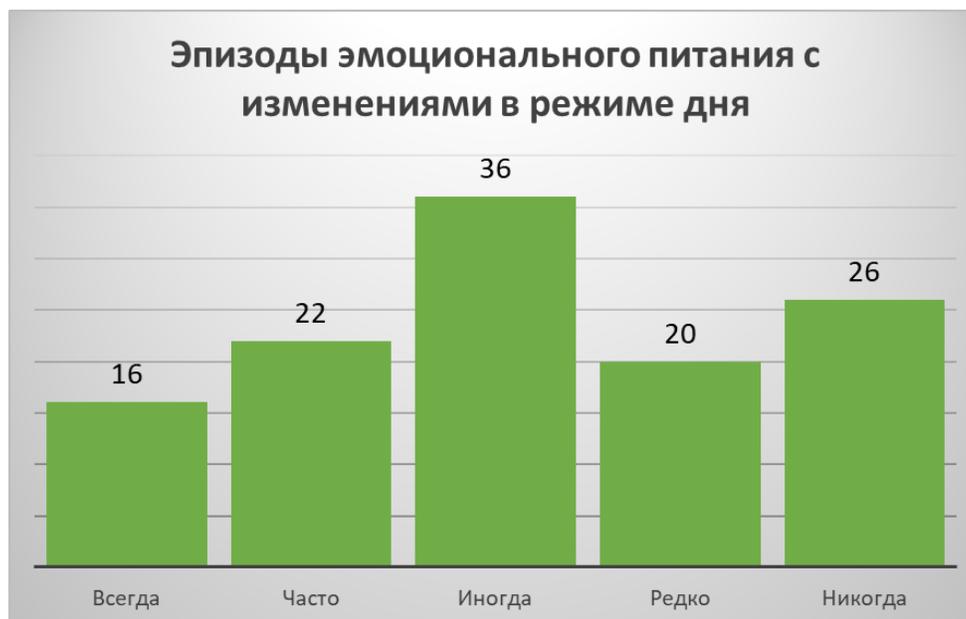

Диаграмма 7. Эпизоды эмоционального питания изменениями в режиме дня.

Уровень осознанности проблемы высок, но успешность контроля низка.

Осознание без действия: 59 человек (49%) либо не видят необходимости в контроле (43 человека), либо осознают проблему, но не действуют (16 человек). Это самая пассивная группа.

Борьба с переменным успехом: 35 человек (29 %) пытались бороться проблемой, но безуспешно, что говорит о сильной привычке и недостатке эффективных стратегий.

Успешный контроль: лишь 22 % (26 человек) сообщают об успешном контроле над эмоциональным питанием (Диаграмма 8).

Диаграмма 8. Осознанность и контроль.

Закключение. Полученные данные указывают на повсеместный характер эмоционального питания как ключевого механизма совладания со стрессом в студенческой среде и выявляют его комплексное негативное влияние на академическое функционирование. Среди студентов медицинского университета значительно более распространена тенденция к выбору высокоуглеводной и высококалорийной пищи в моменты психоэмоционального напряжения (сладкое – 50,8%, продукты быстрого приготовления – 25,0%), что ведет к систематическому отклонению от принципов здорового рациона (61,7% респондентов).[4]

Для студентов характерна тенденция к формированию порочного круга «стресс ⇒ эмоциональное питание ⇒ нарушение режима дня ⇒ снижение продуктивности ⇒ стресс», что подтверждается устойчивой связью эпизодов ЭП с нарушениями сна (61,7%) и констатацией прямого негативного влияния на академическую продуктивность у значительной части опрошенных (27,7%).

Ключевой проблемой является низкая эффективность самостоятельно избираемых стратегий контроля: при высоком уровне осознания проблемы лишь 21,7%

респондентов успешно минимизируют ее проявления. Это свидетельствует о необходимости разработки и внедрения в образовательную среду университета системных мер профилактики, направленных на развитие адаптивных копинг-стратегий и формирование осознанного пищевого поведения у будущих врачей.

References

1. Елиашевич, С. О. Пищевое поведение: нарушения и способы их оценки / С. О. Елиашевич, Д. Д. Нуньес Араухо, О. М. Драпкина // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2023. – Т. 22, № 8. – С. 36–63.
2. Кружилина, А. А. Психологические характеристики расстройства пищевого поведения / А. А. Кружилина // Modern Science. – 2021. – № 11-2. – С. 225–228.
3. Николаева, Н. О. История и современное состояние исследований нарушений пищевого поведения (культурные и психологические аспекты): монография / Н. О. Николаева. – Москва: [б. и.], 2022. – 234 с.
4. Скугаревский, О. А. Нарушения пищевого поведения: монография / О. А. Скугаревский. – Минск: БГМУ, 2022. – 100 с.

UDC 159.9

Rodina M.G., Petrov V.E. A structural model of professional psychological suitability of marketing specialists: the problem of construction and solutions

Структурная модель профессиональной психологической пригодности специалистов маркетинговой сферы: проблема построения и пути решения

Rodina Maria Gennadyevna

PhD Candidate, V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

Petrov Vladislav Evgenievich

Doctor of Psychology, Associate Professor,

Moscow State University of Psychology and Education

Родина Мария Геннадьевна

соискатель, Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, Москва

Петров Владислав Евгеньевич

доктор психологических наук, доцент,

Московский государственный психолого-педагогический университет

Abstract. *The article analyzes the problem of constructing structural models of professional psychological suitability of marketing specialists. It is shown that existing approaches are largely generalized and insufficiently linked to empirical diagnostic tools, which limits their applicability in a professionally differentiated marketing environment. The necessity of shifting from declarative descriptions to models based on empirically operationalized indicators is substantiated. A structural model derived from professionographic analysis, labor market data and diagnostic questionnaire structure is proposed. The methodological foundations, distinctive features and limitations of the model are discussed.*

Keywords: *professional psychological suitability; occupational psychology; marketing; structural model; psychogram; professionogram.*

Аннотация. *В статье анализируется проблема построения структурных моделей профессиональной психологической пригодности специалистов маркетинговой сферы. Показано, что существующие подходы к изучению профессиональной пригодности носят преимущественно обобщённый характер, слабо согласуются с эмпирическими диагностическими инструментами и не учитывают профессиональную дифференциацию маркетинговой деятельности. Обосновывается необходимость перехода от декларативных описаний профессиональной пригодности к моделям, основанным на эмпирически операционализированных показателях. Предлагается структурная модель профессиональной психологической пригодности маркетологов, выведенная на основе профессиографического анализа, контент-анализа требований рынка труда и структуры диагностического опросника. Раскрываются методологические основания модели, её принципиальные отличия от традиционных подходов и ограничения применимости.*

Ключевые слова: *профессиональная психологическая пригодность, психология труда, маркетинг, структурная модель, психограмма, профессиограмма.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Введение

Современная маркетинговая деятельность парадоксальным образом сочетает внешнюю креативную свободу с высокой степенью психологической уязвимости

специалистов. Несмотря на динамичность и востребованность профессии, именно в маркетинговой сфере всё чаще фиксируются феномены профессиональной нестабильности, эмоционального истощения и утраты устойчивой профессиональной идентичности, что указывает на наличие скрытых психологических требований, не отражённых в традиционных моделях профессиональной психологической пригодности [4].

В условиях цифровизации экономики и трансформации рыночных коммуникаций маркетинговая деятельность характеризуется высокой степенью неопределённости, профессиональной вариативности и когнитивной нагрузки. Специалисту необходимо одновременно решать аналитические, коммуникативные, креативные и организационно-управленческие задачи, функционируя в условиях дефицита времени и постоянной внешней оценки результатов деятельности [5; 7]. Это существенно расширяет психологические требования к субъекту труда и актуализирует проблему профессиональной психологической пригодности как системного основания устойчивости и эффективности профессионального функционирования.

В психологии труда профессиональная психологическая пригодность традиционно рассматривается как интегративная характеристика личности, отражающая степень соответствия индивидуально-психологических особенностей требованиям профессиональной деятельности. В работах В. А. Бодрова профессиональная пригодность понимается как результат взаимодействия психологических ресурсов субъекта и условий труда, обеспечивающий надёжность и устойчивость профессионального функционирования [1]. В концепции Е. А. Климова профессиональная пригодность анализируется в динамике профессионального развития личности и её адаптации к изменяющимся требованиям деятельности [2].

Вместе с тем современные исследования профессиональной деятельности в условиях неопределённости показывают, что профессиональная пригодность не может рассматриваться вне конкретного профессионального контекста. Так, в работах В. Е. Петрова и соавторов подчёркивается значимость анализа психологических ресурсов личности, обеспечивающих устойчивость профессионального поведения в условиях повышенной нагрузки и изменчивости профессиональной среды [17; 18]. Данный подход позволяет рассматривать профессиональную пригодность как динамическую систему, а не как статичный набор личностных качеств.

Несмотря на это, большинство существующих моделей профессиональной пригодности ориентировано на относительно стабильные и однородные виды профессиональной деятельности. В условиях профессионально дифференцированной и динамичной маркетинговой среды такие модели оказываются недостаточно

чувствительными к реальным психологическим механизмам профессиональной устойчивости и слабо согласуются с возможностями эмпирической диагностики [9]. Это формирует противоречие между усложнением требований к специалистам маркетинговой сферы и ограниченной применимостью традиционных структурных моделей профессиональной психологической пригодности.

Исследовательский вопрос статьи формулируется следующим образом: в чём заключается проблема построения структурных моделей профессиональной психологической пригодности специалистов маркетинговой сферы и каким образом она может быть решена на основе эмпирически операционализированных показателей?

Методологические основания исследования

Методологической основой исследования выступают системный и профессиографический подходы. Системный подход позволяет рассматривать профессиональную психологическую пригодность как целостное многоуровневое образование, элементы которого находятся во взаимосвязи и функциональной обусловленности [1]. Профессиографический подход обеспечивает анализ структуры профессиональных задач и условий труда как объективной основы формирования психологических требований к специалисту.

Подход к эмпирической операционализации психологических компонентов профессиональной деятельности, использованный в настоящем исследовании, согласуется с позицией В. Е. Петрова, рассматривающего психологические ресурсы личности как ключевое основание устойчивости профессионального поведения в условиях неопределённости и повышенной нагрузки [17].

При построении структурной модели профессиональной психологической пригодности специалистов маркетинговой сферы использовались принципы профессиональной контекстуализации, эмпирической операционализации, функциональной достаточности и системности, что позволило избежать универсализации психологических требований и обеспечить прикладную направленность модели.

Теоретические ограничения существующих моделей профессиональной пригодности

Анализ научных публикаций показывает, что большинство существующих моделей профессиональной психологической пригодности строится в рамках обобщённо-личностного подхода, в котором профессиональная пригодность описывается через совокупность относительно устойчивых индивидуально-психологических характеристик [1; 2].

Подобный подход сохраняет эвристическую ценность применительно к

профессиям с устойчивой структурой труда, однако в условиях высокодинамичных профессиональных сфер он обнаруживает существенные ограничения. Профессиональная пригодность фактически редуцируется к набору личностных качеств, что снижает её прогностическую и диагностическую ценность [10].

Особенно отчётливо данные ограничения проявляются при анализе маркетинговой деятельности, для которой характерны многозадачность, высокая неопределённость и постоянное внешнее давление. В результате возникает методологический тупик: профессиональная пригодность признаётся динамическим образованием, но описывается через статичные и контекстно неразличённые характеристики.

Эмпирическое обоснование структуры профессиональных требований в маркетинге

Для конкретизации психологических требований к маркетинговой деятельности был проведён контент-анализ 249 актуальных вакансий специалистов маркетингового профиля.

Полученные данные демонстрируют выраженную иерархию профессиональных требований, в которой аналитическая деятельность выступает системообразующим компонентом, тогда как креативная составляющая носит инструментальный и контекстуально обусловленный характер.

Выявляется структурный разрыв между социальным образом профессии маркетолога и реальными требованиями профессиональной среды. В условиях неопределённости и давления показателей эффективности именно аналитические и регуляторные формы деятельности приобретают ключевое значение. Аналогичный акцент на роли психологических ресурсов личности в обеспечении устойчивости профессионального функционирования представлен в работах В. Е. Петрова [17; 19].

Структурная модель профессиональной психологической пригодности маркетолога

На основе профессиографического анализа маркетинговой деятельности, данных рынка труда и структуры диагностического опросника предлагается структурная модель профессиональной психологической пригодности маркетолога.

Принципиальное отличие предложенной модели состоит в ориентации на анализ психологических механизмов, обеспечивающих устойчивость профессионального функционирования в условиях неопределённости, давления и многозадачности, что соответствует современным представлениям о профессиональной устойчивости личности [14].

Обсуждение и ограничения модели

Предложенная структурная модель позволяет преодолеть разрыв между теоретическими описаниями профессиональной пригодности и возможностями её эмпирического исследования. Модель согласуется с диагностическим инструментарием и обладает прикладным потенциалом для задач профессионального отбора и сопровождения специалистов маркетинговой сферы.

Вместе с тем модель применима преимущественно к аналитико-проектным формам маркетинговой деятельности и не претендует на универсальное описание профессиональной пригодности в иных профессиональных областях, что требует дальнейшей эмпирической верификации [12].

Заключение

В статье показано, что проблема построения структурных моделей профессиональной психологической пригодности специалистов маркетинговой сферы обусловлена рассогласованием теоретических описаний и возможностей эмпирического анализа данного феномена. Предложенная модель, основанная на эмпирически операционализированных показателях, позволяет преодолеть данный разрыв и создать методологическую основу для разработки диагностических и прогностических инструментов в психологии труда [1].

References

1. Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности. — М.: ПЕР СЭ, 2001.
2. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. — М.: Академия, 2004.
3. Schmidt F. L., Hunter J. E. The validity and utility of selection methods in personnel psychology // Psychological Bulletin. 1998. Vol. 124, № 2. P. 262–274.
4. Bakker A. B., Demerouti E. Job demands–resources theory // Journal of Occupational Health Psychology. 2023. Vol. 28, № 1.
5. Parker S. K., Grote G. Automation and work design // Academy of Management Annals. 2022. Vol. 16, № 2.
6. Rudolph C. W. et al. Pandemics and work // Journal of Vocational Behavior. 2021. Vol. 131.
7. De Grip A., Sauermann J. Digitalization and skills // Labour Economics. 2023. Vol. 79.
8. Nielsen K., Christensen J. O. Job stress and burnout // Current Psychology. 2024. Vol. 43.

9. Savickas M. L., Guichard J. Career adaptability // Journal of Career Development. 2022. Vol. 49, № 1.
10. Lent R. W., Brown S. D. Social cognitive career theory // Journal of Career Assessment. 2019. Vol. 27, № 1.
11. Grant A. M., Parker S. K. Work design theories // Academy of Management Annals. 2022. Vol. 16, № 1.
12. Hirschi A., Koen J. Professional identity // Journal of Vocational Behavior. 2021. Vol. 126.
13. Pulakos E. D., Kantrowitz T. M. Performance management // Human Resource Management Review. 2023. Vol. 33, № 2.
14. Kozlowski S. W. J. Work adaptability and resilience // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2023. Vol. 10.
15. Blustein D. L. Psychology of working // Journal of Career Assessment. 2019. Vol. 27, № 1.
16. Akkermans J., Tims M. Career crafting // Journal of Vocational Behavior. 2017. Vol. 100.
17. Petrov V. E., Kokurin A. V., Pozdnyakov V. M. Personal predictors of volunteering in everyday and extreme conditions // Psychology and Law. 2023. № 4. P. 164–174.
18. Petrov V. E. Особенности организационной субкультуры сотрудников профессий особого риска // Journal of Modern Foreign Psychology. 2023.
19. Petrov V. E., Kokurin A. V., Ekimova V. I. et al. Оценка толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии // Психология и право. 2019. № 9(2). P. 69–83.

UDC 159.9

Rodina M.G., Petrov V.E. The problem of professional psychological suitability of marketing specialists

Проблема профессиональной психологической пригодности специалистов
в сфере маркетинга

Rodina Maria Gennadyevna

PhD Candidate, V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

Petrov Vladislav Evgenievich

Doctor of Psychology, Associate Professor,
Moscow State University of Psychology and Education

Родина Мария Геннадьевна
соискатель, Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, Москва
Петров Владислав Евгеньевич
доктор психологических наук, доцент,
Московский государственный психолого-педагогический университет

Abstract. Professional psychological suitability of marketing specialists is examined in the context of digitalization and increasing professional demands. It is argued that traditional models developed for stable and homogeneous occupations are insufficient for marketing, a dynamic and professionally differentiated field. Based on professionographic analysis and the structure of a diagnostic questionnaire, professional psychological suitability is conceptualized as a multi-level and dynamic construct. Key problem areas include operationalization of criteria, alignment of the psychogram with empirical indicators, and the influence of professional environment factors.

Keywords: professional psychological suitability; occupational psychology; marketing; professionogram; psychogram; professional differentiation.

Аннотация. В статье рассматривается проблема профессиональной психологической пригодности специалистов в сфере маркетинга в условиях цифровизации экономики и усложнения профессиональных требований. Показано, что традиционные подходы к анализу профессиональной пригодности, разработанные преимущественно для стабильных и однородных видов деятельности, обладают ограниченной объяснительной ценностью применительно к маркетинговой сфере, характеризующейся высокой динамичностью и профессиональной дифференциацией. На основе профессиографического анализа и структуры диагностического опросника профессиональная психологическая пригодность маркетологов рассматривается как многоуровневое и динамическое психологическое образование. Выделяются проблемные зоны исследования профессиональной пригодности, связанные с операционализацией критериев, согласованием психогаммы с эмпирическим инструментарием и влиянием факторов профессиональной среды.

Ключевые слова: профессиональная психологическая пригодность, психология труда, маркетинг, профессиограмма, психогамма, профессиональная дифференциация.

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Введение

Современная маркетинговая деятельность характеризуется высокой сложностью, вариативностью и неопределённостью, что обуславливает необходимость пересмотра традиционных представлений о психологических основаниях профессиональной эффективности. Цифровизация экономики, трансформация

рыночных коммуникаций и ускорение темпов профессиональных изменений приводят к усложнению структуры деятельности и расширению психологических требований к специалистам маркетинговой сферы [3].

В психологии труда профессиональная психологическая пригодность рассматривается как интегративная характеристика личности, отражающая степень соответствия индивидуально-психологических особенностей требованиям профессиональной деятельности [5]. В работах В. А. Бодрова пригодность трактуется как результат взаимодействия психологических ресурсов субъекта и условий труда, обеспечивающих надёжность и устойчивость профессионального функционирования [1]. Е. А. Климов подчёркивает динамический характер профессиональной пригодности и её связь с процессами профессионального развития и адаптации личности к изменяющимся требованиям деятельности [2].

В условиях высокой изменчивости профессиональной среды особое значение приобретают способности субъекта к адаптации, саморегуляции и перераспределению психологических ресурсов. Л. М. Митина указывает, что профессиональное развитие личности в изменяющейся социальной среде предполагает обновление мотивационно-ценностных оснований деятельности, что непосредственно связано с проблемой профессиональной пригодности [12].

Профессиограмма маркетинговой деятельности как основание анализа пригодности

Маркетинговая деятельность не обладает жёстко заданной структурой трудовых функций и объединяет аналитические, коммуникативные, креативные и организационно-управленческие виды активности, реализуемые в условиях дефицита времени, информационной перегрузки и постоянной внешней оценки результатов. Это осложняет применение унифицированных моделей профессиональной психологической пригодности.

Профессиографический подход, разработанный в отечественной психологии труда и представленный в исследованиях Ю. М. Забродина и Н. В. Козловой, позволяет рассматривать структуру профессиональных задач и условия труда как объективную основу формирования психологических требований к специалисту [11].

Таблица 1

Основные элементы профессиограммы маркетинговой деятельности

Вид деятельности	Содержание профессиональных задач
Аналитическая	Сбор и интерпретация рыночных данных; анализ KPI
Коммуникативная	Взаимодействие с клиентами, партнёрами, командой
Креативная	Разработка маркетинговых концепций и решений
Организационно-управленческая	Планирование и контроль маркетинговых процессов

Эмпирическое уточнение профессиограммы

С целью уточнения содержания профессиограммы маркетинговой деятельности и выявления реально востребованных профессионально важных качеств в 2025 году было проведено пилотажное эмпирическое исследование в форме контент-анализа требований работодателей. В анализ были включены 249 вакансий маркетологов, размещённых на ведущих российских онлайн-платформах по поиску работы: hh.ru, superjob.ru и rabota.ru.

Контент-анализ описаний вакансий позволил выявить частотность упоминаний ключевых требований к профессионально важным качествам специалистов маркетинговой сферы. Полученные результаты показали, что аналитические качества (работа с данными, показателями эффективности, метриками и аналитическими отчётами) упоминаются в 92,8 % проанализированных вакансий, что отражает доминирование аналитического компонента в структуре современной маркетинговой деятельности.

Коммуникативные навыки, предполагающие взаимодействие с клиентами, партнёрами и межфункциональными командами, зафиксированы в 75,1 % вакансий, что подчёркивает социальную направленность профессии маркетолога и её ориентацию на управление коммуникационными процессами.

Требования, связанные с организационно-управленческими качествами (планирование, координация, контроль выполнения задач), представлены в 67,5 % объявлений, что указывает на значительную долю управленческих функций в профессиональной деятельности маркетологов.

Креативные качества, отражающие способность к генерации идей и разработке оригинальных решений, упоминаются в 57,0 % вакансий, что свидетельствует о смещении акцента с исключительно творческой составляющей маркетинга в сторону аналитико-управленческой модели профессиональной деятельности.

Интерпретация полученных данных позволяет сделать вывод о том, что структура профессиональных требований к маркетологам носит выражено многокомпонентный характер и включает когнитивные, личностно-регуляторные и коммуникативные компоненты. Выявленные эмпирические показатели подтверждают невозможность

сведения профессиональной психологической пригодности маркетолога к отдельным личностным качествам и обосновывают необходимость её рассмотрения как системного психологического образования.

Полученные результаты были использованы при формировании психограммы маркетолога и послужили эмпирическим основанием для отбора показателей, включённых в диагностический опросник. Тем самым обеспечивается согласование профессиографического анализа с эмпирическим инструментарием и повышается валидность последующего исследования профессиональной психологической пригодности специалистов маркетинговой сферы.

Психограмма маркетолога

Таблица 2

Элементы психограммы маркетолога

Компонент	Показатели
Ценностно-смысловой	ориентация на результат; принятие неопределённости
Когнитивный	аналитичность; когнитивная гибкость
Эмоционально-волевой	устойчивость к нагрузке; самоконтроль
Регулятивно-поведенческий	самоорганизация; нормативность поведения

Выделенные компоненты психограммы отражают функционально значимые психологические ресурсы, обеспечивающие устойчивость и эффективность профессиональной деятельности маркетолога в условиях высокой неопределённости и многозадачности.

Ценностно-смысловой компонент обеспечивает ориентацию специалиста на достижение профессионального результата и принятие условий неопределённости, характерных для маркетинговой деятельности. Принятие неопределённости позволяет маркетологу сохранять профессиональную мотивацию и вовлечённость в ситуации отсутствия однозначных критериев успеха и нестабильности внешних требований, а ориентация на результат способствует удержанию целевой направленности деятельности в условиях изменяющихся задач и приоритетов.

Когнитивный компонент представлен аналитичностью и когнитивной гибкостью, которые необходимы для обработки больших массивов информации, интерпретации маркетинговых данных и принятия решений в условиях дефицита времени и неполноты информации. Когнитивная гибкость обеспечивает способность специалиста быстро перестраивать способы решения задач и адаптироваться к изменениям рыночной ситуации, что является критически важным в профессиональной среде маркетинга.

Эмоционально-волевой компонент обеспечивает устойчивость профессионального функционирования в условиях высокой интенсивности труда,

жёстких сроков и постоянной внешней оценки результатов деятельности. Устойчивость к нагрузке и самоконтроль позволяют специалисту управлять эмоциональными состояниями, предотвращать накопление профессионального стресса и снижать риск эмоционального выгорания, что подтверждается данными исследований профессионального стресса в интеллектуально насыщенных видах деятельности [6].

Регулятивно-поведенческий компонент связан с организацией профессиональной деятельности и соблюдением профессиональных норм. Самоорганизация обеспечивает эффективное планирование и распределение ресурсов в условиях многозадачности, а нормативность поведения способствует поддержанию профессиональной ответственности и соответствия требованиям организационной и профессиональной среды.

Операционализация указанных компонентов согласуется с подходами В. Е. Петрова, подчёркивающего значимость психометрически обоснованной диагностики психологических ресурсов личности для анализа профессиональной деятельности и прогнозирования профессиональной устойчивости [13–15]. Формирование психогаммы на основе эмпирически измеряемых показателей позволяет обеспечить её согласование с диагностическим инструментарием и повысить валидность оценки профессиональной психологической пригодности специалистов маркетинговой сферы.

Обсуждение проблемных зон исследования

Анализ профессиональной психологической пригодности специалистов маркетинговой сферы позволяет выделить ряд проблемных зон, существенно осложняющих как теоретическое осмысление данного феномена, так и его эмпирическое исследование.

Во-первых, одной из ключевых методологических проблем выступает операционализация критериев профессиональной психологической пригодности. В большинстве существующих исследований пригодность описывается через обобщённые личностные характеристики, не всегда поддающиеся прямому измерению. Это снижает диагностическую и прогностическую ценность получаемых данных и затрудняет сопоставление результатов различных исследований.

Во-вторых, существенной проблемой является согласование психогаммы с диагностическим инструментарием. В ряде работ психогаммы формируются на основе теоретических обобщений без их последующей эмпирической верификации, что приводит к разрыву между описанием профессиональных требований и возможностями их измерения. В условиях маркетинговой деятельности, характеризующейся высокой вариативностью задач, подобное рассогласование особенно критично и требует строгого соответствия психогаммы структуре используемых диагностических шкал.

В-третьих, значительное влияние на профессиональную психологическую пригодность оказывает профессиональная дифференциация маркетинговой деятельности и динамика профессиональной среды. Различия между аналитическими, креативными и управленческими ролями внутри маркетинга, а также высокая скорость изменений внешних требований обуславливают невозможность использования унифицированных моделей пригодности. В этих условиях профессиональная психологическая пригодность должна рассматриваться как динамическое психологическое образование, формирующееся во взаимодействии индивидуальных ресурсов личности и требований профессиональной среды [7; 8].

Таким образом, выявленные проблемные зоны подтверждают необходимость перехода от декларативных описаний профессиональной пригодности к контекстуально и эмпирически обоснованным моделям, учитывающим специфику профессиональной деятельности маркетологов.

Заключение

Профессиональная психологическая пригодность специалистов маркетинговой сферы представляет собой многоуровневое и динамическое психологическое образование. Использование профессиографического подхода и эмпирически согласованной психограммы обеспечивает методологическую корректность анализа и его применимость в диссертационных исследованиях и практике профессионального отбора.

References

1. Бодров В. А. Профессиональная пригодность и надёжность деятельности в условиях цифровизации труда // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 5–16.
2. Климов Е. А. Профессиональная деятельность в условиях неопределённости: психологические основания анализа // Вопросы психологии. 2021. № 4. С. 3–15.
3. Зеер Э. Ф., Симанюк Э. Э. Психология профессионального развития личности в цифровой среде // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 9. С. 9–35.
4. Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. Современные проблемы психологии труда и профессионального самоопределения // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 5. С. 5–18.
5. Маркова А. К. Психологические критерии профессиональной успешности личности // Психология труда и управления. 2021. № 2. С. 17–29.

6. Леонова А. Б., Кузнецова А. С. Профессиональный стресс и выгорание в условиях интенсивной интеллектуальной деятельности // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2022. № 3. С. 45–62.
7. Толочек В. А. Психология профессиональной деятельности: современные тенденции и проблемы // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 18–30.
8. Рыбников В. Ю., Чавкин В. Н. Психологические факторы эффективности профессиональной деятельности специалистов социально-ориентированных профессий // Вестник СПбГУ. Психология. 2020. Т. 10. № 2. С. 211–225.
9. Кабардов М. К., Арцишевская Е. В. Индивидуально-психологические предпосылки профессиональной успешности в условиях многозадачности // Психология. Журнал ВШЭ. 2022. Т. 19. № 4. С. 89–108.
10. Сергиенко Е. А. Саморегуляция как фактор профессиональной устойчивости личности // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 6. С. 14–27.
11. Забродин Ю. М., Козлова Н. В. Профессиографический подход в современных исследованиях труда // Человеческий капитал. 2024. № 12. С. 261–268.
12. Митина Л. М. Профессиональное развитие личности в изменяющейся социальной среде // Психология образования. 2023. № 1. С. 6–21.
13. Петров В. Е., Сметанина Н. В. Основы организации психологического обеспечения профессиональной деятельности: монография. М.: Группа АБСОЛЮТ, 2010. 72 с.
14. Петров В. Е. Прикладная психологическая диагностика: учебное пособие. М.: Спутник +, 2024. 246 с.
15. Петров В. Е., Цветкова Д. О., Добровольский Ю. А. Психометрические характеристики диагностического инструментария, используемого для изучения личности волонтеров и добровольцев // Детерминанты развития экономики, образования и российского общества на пороге новой технологической эры. М.: Перо, 2025. С. 82–86.

REVIEWS AND ANALYSIS

UDC 174

Potekhina D.A., Vorobyova D.S., Drovovozova E.E., Dragina O.G.
The art of argument as the basis of interpersonal communication

Искусство спора как основа межличностных коммуникаций

Potekhina Diana Andreevna

Student

Vorobyova Darya Sergeevna

Student

Drovovozova Ekaterina Evgenievna

Student

Dragina Olga Gennadievna

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

Head of the Department «Technology,

Equipment and Automation of Machine-building industries»

Yegoryevsk Institute of technology (branch)

Moscow State University of Technology «STANKIN»

Yegoryevsk, Russia

Потехина Диана Андреевна

Студент

Воробьева Дарья Сергеевна

Студент

Дрововозова Екатерина Евгеньевна

Студент

Драгина Ольга Геннадьевна

Кандидат технических наук, доцент

Заведующий кафедрой «Технология, оборудование и автоматизация

машиностроительных производств»

Егорьевский технологический институт (филиал)

ФГАОУ ВО МГТУ «СТАНКИН»

Егорьевск, Россия

Abstract. The article examines the dispute as a subject of study, its types. The basics of dispute culture are given.

Keywords: dispute, discussion, polemic, dispute, culture of dispute.

Аннотация. В статье рассмотрен спор как предмет изучения, его виды. Приведены основы культуры спора.

Ключевые слова: спор, дискуссия, полемика, диспут, культура спора.

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Решение насущных проблем человечества, от глобальных вызовов, таких как климатические изменения и пандемии, до локальных вопросов развития городов и систем образования, требует открытого и честного диалога. Нередко случается, что неосторожное высказывание или излишняя категоричность в общении приводят к ухудшению взаимоотношений и эскалации разногласий. Однако существует возможность предотвратить подобные негативные сценарии. Представьте себе ситуацию, когда критика предложения коллеги воспринимается не как личное оскорбление, а как ценный вклад в улучшение. Или, когда обсуждение деликатного вопроса с партнером завершается не конфликтом, а взаимоприемлемым решением. Эти результаты достигаются не благодаря случайности, а посредством применения принципов конструктивного диалога, основанных на навыках мирного урегулирования проблем [1,2].

В эпоху стремительного распространения информации и нарастающей поляризации мнений, способность вести содержательные и плодотворные дискуссии становится критически важным навыком. Это включает в себя умение подкреплять свои утверждения весомыми аргументами, убеждать оппонентов с помощью фактов и логики, развенчивать ошибочные доводы и стойко отстаивать свою позицию, даже в условиях давления [3]. Все эти действия неизбежно приводят к спорам, которые следует рассматривать не как простую конфронтацию, а как ценный инструмент в совместном поиске истины. Рассмотрим некоторые разновидности спора.

Одной из разновидностей является дискуссия. Она отличается от прочих типов спора своей сложностью и высокой продуктивностью. Это не просто спор, а целенаправленный процесс обсуждения конкретно заданной темы, который строго регулируется правилами [1,4]. Главная цель – проверить, насколько верна, достоверна или законна предложенная идея, или же найти решение непростой проблемы. В ходе дискуссии происходит сопоставление различных точек зрения, чтобы глубже понять суть вопроса и найти его решение. Таким образом, дискуссия выступает как инструмент исследования и познания. Ключевым моментом является строгое следование заявленной теме и основному вопросу, который, будучи сформулированным в начале, остается неизменным и находится в фокусе внимания всех участников. Важной составляющей дискуссии является также соблюдение регламента, предполагающего поочередное выступление и равные права каждого участника на выражение своего мнения.

Хотя и спор, и дискуссия предполагают обмен идеями и доводами для решения какой-либо задачи, их конечные цели кардинально отличаются. Спор представляет собой борьбу за правоту, где основной задачей является убеждение противника.

Дискуссия же, по своей сути, является диалогом, направленным на всестороннее рассмотрение вопроса. Участники дискуссии должны активно защищать свою точку зрения, подкрепляя ее доказательствами и логическими построениями [2,5]. Иногда участники дискуссии забывают, что в диалоге приоритет отдается истине, а не победе. Исходя из этого, можно сделать вывод, что критически важно научиться распознавать момент, когда дискуссия перерастает в спор, чтобы эффективно участвовать в обсуждениях. Кроме того, следует помнить о других важных навыках: быстрой реакции, способности сравнивать собственные и чужие доводы, находить уязвимости в рассуждениях собеседника и пресекать манипуляционные приемы. При этом используемые методы должны быть этичными или, по крайней мере, общепринятыми для всех участников – это идеал, к которому стоит стремиться, даже если он не всегда достижим на практике.

Полемика – это форма спора, в которой присутствует явное противостояние между участниками, их идеями и мнениями. Это столкновение диаметрально противоположных точек зрения, где главной целью становится достижение победы и бескомпромиссное отстаивание собственной позиции [1,8-10]. В процессе такого спора утверждение собственной точки зрения осуществляется за счёт использования неэтичных методов, так как некоторые оппоненты считают, что для достижения цели все методы хороши. Термин «полемика» чаще всего применяется к публичным дискуссиям, будь то в печатных изданиях или в рамках устных выступлений, особенно если они носят затяжной и острый характер, как это бывает в литературных или научных спорах. В деловой среде, где стороны, как правило, настроены на поиск взаимоприемлемых решений, подобные столкновения обычно не именуют полемикой. Когда речь идет о бытовых разногласиях, мы обычно прибегаем к более общему понятию – «спор».

Среди множества форм полемики особое место занимает диспут. Он, будучи одной из ключевых форм спора, претерпел значительные изменения в своём содержании [1,4,11,12]. Если изначально он подразумевал официальную публичную защиту научного труда с целью получения учёной степени, то сегодня это значение устарело. Современное понимание диспута сводится к открытому публичному обсуждению вопросов, актуальных для науки, литературы, богословия и других сфер общественной жизни.

Другой не менее важной формой спора являются дебаты. Они представляют собой интеллектуальную дуэль, где стороны, следуя определенным правилам, отстаивают свои позиции по значимым вопросам, превращая спор в увлекательное занятие. Это понятие чаще всего применяется к дискуссиям, возникающим после

развернутых выступлений, таких как доклады, отчеты или сообщения на деловых встречах и конференциях [5, 8,12].

Независимо от того, какой вид спора вы ведёте, не следует забывать о об его культуре. Понятие «культура спора» охватывает комплексный набор навыков и принципов, необходимых для продуктивного диалога. Оно включает в себя не только логическую стройность аргументации и достоверность приводимых доказательств, но и способность к стратегическому планированию и тактическому маневрированию в ходе дискуссии. Неотъемлемой частью культуры спора являются также этические нормы, призванные предотвратить переход конструктивного обсуждения в деструктивный конфликт. Конечная цель заключается в достижении взаимоприемлемого решения, а не в эскалации разногласий. Таким образом, культура спора базируется на совокупности нормативных, логических, ценностных и этических основ [2,3,13]. Ниже перечислены некоторые из вышеупомянутых основ:

1. Уважительное отношение к собеседнику и его точке зрения.

Для успешного разрешения спора и достижения взаимопонимания необходимо проявлять уважение к своему оппоненту. Помните, что перед вами такая же личность, как и вы, и относитесь к ней соответственно. Принцип взаимности здесь работает безотказно: как вы хотите, чтобы к вам относились, так и относитесь к другим. Не спешите отвергать чужие идеи только потому, что они не совпадают с вашими. Дайте собеседнику возможность высказаться и представить свои доводы. Только при наличии уважения к собеседнику вы сможете построить продуктивный диалог и прийти к желаемому результату.

2. Способность контролировать свои эмоции.

Эмоциональная вовлеченность усиливает агрессию и провоцирует ответные реакции оппонента, блокируя пути к компромиссу. Это приводит к сожалениям о сказанном и ущербу отношениям. Кроме того, в состоянии возбуждения сложно адекватно воспринимать позицию другого человека, анализировать его доводы и выдвигать свои, поэтому стоит избегать излишне эмоциональных реакций.

3. Оспаривание аргументов и идей, а не личностных качеств оппонента.

Для продуктивного спора важно сосредоточиться на оспаривании самих идей и мнений, а не на личности их автора. Помните, что ваша цель – разобраться в точке зрения, а не унижить собеседника. Это означает, что недопустимо называть человека глупым лишь за то, что он придерживается иного мнения, а также переходить на личности или комментировать его внешний вид.

4. Точное следование предмета обсуждения.

Ключ к продуктивному спору – сохранение его фокуса. Избегайте ухода от основной темы и активно возвращайте дискуссию к ней, если ваш оппонент пытается уклониться. Концентрируйтесь на одной проблеме за раз, исследуя все связанные с ней вопросы. Важно не дать собеседнику сменить тему, особенно если он пытается таким образом избежать признания своей ошибки. Многие люди, будучи опровергнутыми, склонны маскировать свою неправоту, а не признавать ее. Вместо прямого признания ошибки, они могут использовать тактики вроде «это не имеет значения» или «это просто мое мнение».

5. Использование проверенной информации.

Использование в споре неподтвержденных данных является недобросовестным методом, поскольку оно разрушает фундамент конструктивного диалога. Непроверенные утверждения, будучи потенциально ложными или необоснованными, позволяют манипулировать собеседником вместо того, чтобы вести честный обмен аргументами. Нередко такие доводы маскируются под видом общеизвестных истин («всем известно», «очевидно»), рассчитывая на то, что оппонент не усомнится в их достоверности. Это нарушает фундаментальный принцип спора: тезис должен быть подкреплен надежными источниками, а не слухами или предположениями.

6. Следование законам логики.

Если вы будете внимательны к логическим просчетам и неточностям, и сможете их аргументированно предъявить оппоненту, то сможете существенно изменить его мнение. Довольно сложно научиться распознавать логические ошибки, но вот несколько наиболее распространенных:

а) Следите за тем, чтобы аргументы были структурированы, и не была нарушена причинно-следственная связь. Например, высказывание: «После того как ввели запрет на курение в общественных местах, количество случаев рака легких выросло, значит, этот запрет вызвал рост заболеваемости». Здесь структура аргумента нарушена: хронологическая последовательность (событие А произошло после Б) ошибочно принимается за причинно-следственную связь, без учета других факторов, таких как старение населения или улучшение диагностики. Это разрушает логику, поскольку корреляция не доказывает причинно-следственную связь.

б) Нередко встречается ошибочное мнение, что нехватка прямых доказательств автоматически означает их отсутствие. Это заблуждение проявляется, когда, например, отрицают реальность Бога, микроорганизмов, эволюции или инопланетян, опираясь лишь на то, что мы не можем их увидеть или ощутить.

с) Следующая ситуация: когда заключение и вывод не имеют никакого отношения к самому аргументу. Например: «Мы не можем повысить зарплаты

преподавателям, потому что полицейские и пожарные тоже не зарабатывают так много денег». Зарплаты этих профессий не связаны напрямую. Повышение для преподавателей не обязательно приведёт к повышению для полицейских или пожарных, так как бюджет распределяется по-разному. Кроме того, в данном высказывании нет объяснения причин низких зарплат, а также игнорируются ключевые факторы: спрос на преподавателей, качество образования и многое другое. Этот аргумент маскирует нежелание тратить деньги под «справедливость», но не доказывает, почему именно преподаватели должны терпеть низкие зарплаты.

7. Навык ведения диалога.

Для успешного и продуктивного спора крайне важны навыки ведения переговоров. Способность задавать вопросы позволяет глубже вникнуть в позицию собеседника, демонстрируя вашу заинтересованность и выявляя суть его доводов. В свою очередь, четкое изложение собственных мыслей делает вашу аргументацию понятной и убедительной, предотвращая недоразумения. Важной частью этого является предоставление конструктивной обратной связи, которая помогает оппоненту увидеть слабые места в его рассуждениях. В конце концов, эффективное общение – это фундамент для конструктивного диалога, способствующего взаимопониманию и поиску взаимовыгодных решений.

8. Избегание излишне категорических высказываний.

Такой вид высказываний задевает самолюбие оппонента. Он начинает защищать не столько свою позицию, сколько самого себя. В результате он упрямее держится за свою точку зрения, даже если понимает её слабость.

В классической литературе можно встретить немало примеров, наглядно иллюстрирующих различные виды споров и методы их ведения. Ниже представлен фрагмент из «Собачьего сердца» М. Булгакова. Он демонстрирует конфликт между профессором и представителями домоуправления, разрешаемый посредством полемики [6,7]. Наш анализ будет посвящен изучению конкретных методов ведения спора, которые применяют стороны в данной ситуации.

Проанализируем методы ведения спора, которые использует профессор.

«...– Мы к вам, профессор, – заговорил тот из них, у кого на голове возвышалась на четверть аршина копна густейших вьющихся волос, – вот по какому делу...

– Вы, господа, напрасно ходите без калош в такую погоду, – перебил его наставительно Филипп Филиппович, – во-первых, вы простудитесь, а, во-вторых, вы наследили мне на коврах, а все ковры у меня персидские.

Тот, с копной, умолк и все четверо в изумлении уставились на Филиппа Филипповича. Молчание продолжалось несколько секунд и прервал его лишь стук пальцев Филиппа Филипповича по расписному деревянному блюду на столе.

– Во-первых, мы не господа, – молвил, наконец, самый юный из четверых, персикового вида.

– Во-первых, – перебил его Филипп Филиппович, – вы мужчина или женщина?

Четверо вновь смолкли и открыли рты. На этот раз опомнился первый тот, с копной.

– Какая разница, товарищ? – спросил он горделиво.

– Я – женщина, – признался персиковый юноша в кожаной куртке и сильно покраснел. Вслед за ним покраснел почему-то густейшим образом один из вошедших – блондин в папаче.

– В таком случае вы можете оставаться в кепке, а вас, милостивый государь, прошу снять ваш головной убор, – внушительно сказал Филипп Филиппович.

– Я вам не милостивый государь, – резко заявил блондин, снимая папачу.

– Мы пришли к вам, – вновь начал чёрный с копной.

– Прежде всего – кто это мы?

– Мы – новое домоуправление нашего дома, – в сдержанной ярости заговорил чёрный. – Я – Швондер, она – Вяземская, он – товарищ Пеструхин и Шаровкин. И вот мы...

– Это вас вселили в квартиру Фёдора Павловича Саблина?

– Нас, – ответил Швондер.

– Боже, пропал Калабуховский дом! – в отчаянии воскликнул Филипп Филиппович и всплеснул руками.

– Что вы, профессор, смеётесь?

– Какое там смеюсь?! Я в полном отчаянии, – крикнул Филипп Филиппович, – что же теперь будет с паровым отоплением?

– Вы издеваетесь, профессор Преображенский?

– По какому делу вы пришли ко мне? Говорите как можно скорее, я сейчас иду обедать.

– Мы, управление дома, – с ненавистью заговорил Швондер, – пришли к вам после общего собрания жильцов нашего дома, на котором стоял вопрос об уплотнении квартир дома...

– Кто на ком стоял? – крикнул Филипп Филиппович, – потрудитесь излагать ваши мысли яснее.

– Вопрос стоял об уплотнении.

– Довольно! Я понял! Вам известно, что постановлением 12 сего августа моя квартира освобождена от каких бы то ни было уплотнений и переселений?

– Известно, – ответил Швондер, – но общее собрание, рассмотрев ваш вопрос, пришло к заключению, что в общем и целом вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную. Вы один живёте в семи комнатах.

– Я один живу и работаю в семи комнатах, – ответил Филипп Филиппович, – и желал бы иметь восьмую. Она мне необходима под библиотеку.

Четверо онемели...» [6,7].

В представленном отрывке Филипп Филиппович Преображенский использует следующие методов ведения спора:

1. Перебивание оппонента.

Филипп Филиппович постоянно перебивает своих собеседников, не давая им возможности изложить свои мысли. Это создает атмосферу недопонимания и раздражения, что позволяет профессору чувствовать себя более уверенно в споре.

2. Эмоциональная реакция вместо рационального обсуждения.

Преображенский открыто насмехается над собеседниками, провоцируя их на вспышки гнева. Кроме того, разговорами о Калабуховском доме он пытается вызвать у оппонентов чувство смущения и вины.

3. Переключение темы.

С самого начала Филипп Филиппович пытается отвлечь внимание от сути вопроса, поднимая темы о калошах, головных уборах и многие другие. Это позволяет «выбить почву» у собеседника, заставив его нервничать и ошибаться.

4. Переход на личности.

В период времени, о котором ведётся речь в повести, на фоне революционных потрясений и классовой борьбы обращение «господа» ассоциировалось с дореволюционным дворянским и буржуазным этикетом. Оно стало символом эксплуатации и «чистой публики», оторванной от народа. Профессор прекрасно это понимал, и все же обращался к «гостям» используя именно этот термин, а не «товарищи».

Также стоит отметить, что представители домоуправления тоже используют нечестные приёмы:

1. Коллективная ответственность.

Противники представляются как группа, что создает давление на Филиппа Филипповича. Это может быть воспринято как попытка использовать численное преимущество для оказания давления на собеседника.

2. Попытка игнорировать закон.

Швондер, несмотря на наличие постановления, которое освобождает квартиру профессора от уплотнений, настаивает на том, что «общее собрание» пришло к другому заключению. Это неэтичный прием, так как он пытается обойти законные права профессора.

В заключении следует отметить, что данный отрывок иллюстрирует, как неправильное ведение спора и отсутствие взаимопонимания могут привести к конфликту и неэффективности в межличностных коммуникациях.

Необходимо уметь правильно вести спор, избегая уловок и не допускать их со своей стороны. Стоит помнить, что спор не должен быть навязыванием кому-либо своего мнения. Он является лишь способом установления истины, а не соревнованием, в котором можно победить или проиграть.

References

1. Кухтова Ю. И. Спор и его разновидности / Кухтова Ю. И. [Электронный ресурс] // Мультиурок: [сайт]. — URL: <https://multiurok.ru/blog/spor-i-iegho-raznovidnosti.html> (дата обращения: 05.01.2026).
2. Сиротинина, О. Б. Основы научной коммуникации : учебно-методическое пособие для магистрантов, обучающихся по направлению подготовки 45.04.01 – «Филология», профиль «Русский язык как родной и иностранный» / О. Б. Сиротинина, А. В. Дегальцева. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 2024. — 48 с. — ISBN 978-5-292-04847-3. — Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/138681.html> (дата обращения: 01.02.2026). — Режим доступа: для авторизир. пользователей
3. Мельникова, Е. А. Научная коммуникация в профессиональной деятельности : учебное пособие / Е. А. Мельникова. — Оренбург : Оренбургский государственный университет, ЭБС АСВ, 2024. — 107 с. — ISBN 978-5-7410-3298-5. — Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/153055.html> (дата обращения: 01.02.2026). — Режим доступа: для авторизир. пользователей
4. Ефимова, С. А. Умение побеждать в споре / С. А. Ефимова. — Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2010. — 110 с. — Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/884.html> (дата обращения: 01.02.2026). — Режим доступа: для авторизир. пользователей
5. Потехина Д.А., Воробьева Д.С., Дровозова Е.Е. Драгина О.Г. Диагностика недостатков систем на основе методологии системного синтеза International Journal Of

Professional Science: international scientific journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific public organization "Professional science", №11(1) -2025. 81-97p.

6. Сегеда А.С. Эффективность дискуссионной речи в межличностной коммуникации// Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Волгоград – 2019. – 176с.

7. Булгаков, М. А. Собрание сочинений: в 5 т. / М. А. Булгаков. - Москва: Художественная литература, 1992. Т. 2: Дьяволиада. Роковые яйца. Собачье сердце. Рассказы. Фельетоны. - 1992. - 751 с.

8. Нотини Дж. Как спорить / Нотини Дж. [Электронный ресурс] // wikiHow: [сайт]. — URL: <https://ru.wikihow.com/спорить> (дата обращения: 08.01.2026).

9. Prakken H. On the nature of argument schemes // C.A. Reed & C. Tindale (Eds.) *Dialectics, Dialogue and Argumentation. An Examination of Douglas Walton's Theories of Reasoning and Argument* / H. Prakken. London: College Publications, 2010. Pp. 167-185.

10. Macagno F. and Walton D. Argumentative Reasoning Patterns // *Proceedings of 6th CMNA (Computational Models of Natural Argument) Workshop, ECAI (European Conference on Artificial Intelligence)* / F. Macagno and D. Walton. Trento: University of Trento, 2006. Pp. 48–51.

11. Garsen B. The Nature of Symptomatic Argumentation // *Proceedings of the 4th International Conference of the International Society of the Study of Argumentation* / B. Garsen, Ed. F.H. van Eemeren, R. Grootendorst, J.A. Blair, C.A. Willard. Amsterdam, 1995. 137 p.

12. Gilbert M.A. *Coalescent Argumentation* / M.A. Gilbert. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. 158 p.

13. Eemeren F.H. van. *Argumentation: analysis, evaluation, presentation* / Frans H. van Eemeren, Rob Grootendorst, A. Francisca Snoeck Henkemans. London: Routledge, 2010. 196 p.

SOCIAL WORK AND SOCIAL POLICY

UDC 331.25

Sakeeva A.M., Karimova M.K., Arapova Zh.A. What areas of realization are available to young people today?

Какие сферы реализации доступны молодежи сегодня?

Sakeeva Adina Makanbaevna

Senior lecturer

Karimova Meerkan Kaparovna

teacher

Arapova Zhanyl Arapovna

teacher

Kyrgyz-Uzbek International University named after B.Sydykov

Osh, Republic of Kyrgyzstan

Сакеева Адина Маканбаевна

старший преподаватель

Каримова Мээркан Капаровна

преподаватель

Арапова Жаныл Араповна

преподаватель

Кыргызско-Узбекский международный университет им. Б.Сыдыкова
г. Ош Республика Кыргызстан

Abstract. *In this article, the values of self-realization in the youth environment are considered in the most general form are not among the priorities, but an in-depth sociological analysis allows us to place it in importance on the conditional border between key life values (family, health) and "second-order" values (love, freedom, career). Self-realization can be considered both in the broadest sense, as the actualization of one's potential (talents, abilities), and more pragmatically, in terms of profession, career, and creative potentials. The conditions for self-realization in modern society have received an ambiguous assessment among young people: higher in sports and leisure activities, less in professional development, politics, and freedom of expression.*

Keywords: *youth, social factors, youth policy, European youth policy, society, personality, youth realization.*

Аннотация. *В данной статье рассмотрены ценности самореализации в молодёжной среде в самом общем виде не относится к числу приоритетных, однако углублённый социологический анализ позволяет поместить её по значимости на условную границу между ключевыми жизненными ценностями (семья, здоровье) и ценностями «второго порядка» (любовь, свобода, карьера). Самореализация может рассматриваться как в самом широком плане – как актуализация своего потенциала (талантов, способностей), так и более прагматично – с точки зрения профессии, карьеры, творческих потенциалов. Условия самореализации в современном обществе получили неоднозначную оценку молодёжи: более высокую – в спортивной, досуговой деятельности, менее – в профессиональном развитии, политике, свободе высказывание.*

Ключевые слова: *молодёжь, социальные факторы, молодёжная политика, европейская молодёжная политика, общество, личность, реализации молодежи.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Молодежь – это возрастная группа, которая представляет собой связь между прошлым и будущим. Сферы реализации молодежи крайне важны, по сути, они являются залогом процветания социума в дальнейшей жизни. Термин «молодежь» зачастую используется просто в разговорной речи, но такие науки как психология и философия, педагогика и социология тоже нередко употребляют это понятие. Под молодежью принято подразумевать некую социальную группу людей, объединенных возрастными особенностями. Также помимо хронологического отличия от других демографических групп молодежь обладает рядом социально - психологических характеристик. Возрастные границы термина «молодежь» определить сложно, так как они зависят от этнических, культурных и прочих особенностей определенного социума. Но независимо от этих факторов молодежь является одной из основных составляющих любого общества.

Именно в период молодости происходит закладка таких фундаментальных качеств личности, как морально-нравственная система ценностей, в ускоренном темпе происходит умственное, физическое и духовное развитие. Сознание молодых людей обладает высоким уровнем восприимчивости. В современном мире есть многие сферы реализации молодежи, которые крайне необходимы для воспитания сбалансированной личности, становления у подростка собственно «Я».

Успешная социализация и эффективная самореализация молодежи зависит от желания самих молодых людей, прежде всего, а также осуществляется при помощи окружения и активного содействия социума. Выделяют четыре основные сферы реализации молодежи: творческая (культурная или же досуговая) реализация, профессиональная, политическая и духовная. Именно на эти социальные сферы молодому поколению необходимо делать основной упор в саморазвитии, так как эти четыре направления в основном и являются оплотом всей жизнедеятельности социума.

Так как юная часть общества зачастую не обременена ни работой, ни семейными узами, то большую часть времяпровождения занимает либо образование, либо досуг как сфера реализации молодежи. И вот именно досуговая сфера как раз и является отличной площадкой для самореализации молодежи. На примере истории, как прожитых лет, так и времен современности можно увидеть, что большой вклад в развитие культуры приносила именно молодежь. Лермонтов, Маяковский, Есенин, Ван Гог, Байрон – список молодых гениев можно продолжать бесконечно. Ведь именно в период молодости возникает острое желание творить, реализовывать свои внутренние душевные порывы через искусство – будь то слагание поэм, или же написание картин. Недостаток умений или отсутствие таланта при этом абсолютно не имеет никакого значения. Саморазвитие – это скорее процесс, а не результат. Если в процессе какого-либо действия индивид чувствует умиротворение и счастье, то вполне можно сказать, что процесс реализации потенциала данной личности проходит успешно. Нужно

помнить, что главное – не создать мировой шедевр, а выплеснуть свои эмоции, попытаться реализовать свои возможности и потенциал посредством искусства. Творческая самореализация молодежи, наверное, самая эффективная из всех сфер реализации, так как охватывает множество разнообразных направлений и отраслей, создавая тем самым широкий спектр условий для реализации молодежью своего потенциала [1].

Сферы реализации молодежи не могут не включать в себя и профессиональную направленность. В современном мире молодежь при выборе профессии, к сожалению, больше руководствуется прагматическими соображениями, чем своими интересами и предрасположенностью к выбранному делу. Такой подход, конечно, не лишен здравого смысла, так как это показывает, что индивид заинтересован в благоустройстве своей дальнейшей жизни, строит планы на будущее. Но для самореализации молодежи этот выбор не является благоприятным, так как человек, находящийся не на своем месте, не сможет полностью раскрыться, проявить себя. Трудовой процесс не будет приносить удовлетворения, что может привести к душевному дисбалансу. Идеальным вариантом критерий в выборе профессии стали бы и интерес к определенной деятельности, и финансовая перспектива – в равных мерах. Но не стоит забывать, что, будучи настойчивым и трудолюбивым человеком, любое дело можно превратить в успешное и прибыльное предприятие. Поэтому следует прислушаться к меткому высказыванию Конфуция: «Выбери себе работу по душе, и тебе не придется работать ни одного дня в своей жизни [4].

Эти две сферы реализации молодежи не являются проводными, но тоже имеют определенное значение в процессе становления личности молодых людей:

Политическая сфера. Именно эта область как нельзя лучше дает возможность проявить себя амбициозной молодежи, стремящейся к признанию и желающей что-то изменить в современном мире, сделать его лучше. Молодость – пора идеализма, в сознании молодежи сильна вера в добро, юным людям больше присущ альтруизм, чем взрослым и старикам. И если направить эти качества в правильное русло, то можно в конечном итоге воспитания получить грамотных руководителей, модернизирующих и улучшающих современный мир.

Духовная (личностная) сфера. Как говорил Далай Лама XIV: «мы никогда не установим гармонию с окружающим миром, пока не примиримся с собой». Реализация молодежи в этой сфере направлена не на общество, а скорее внутрь себя. Конечная цель реализации человека в этом направлении – стать гармоничной личностью, обрести и познать собственное «Я». Без успешной смыслоориентации индивида, понятия и принятия своего места в мире невозможно достичь безусловного счастья.

Если индивид имеет возможность и благоприятные условия для реализации своего потенциала во всех этих сферах, то это становится залогом успешного будущего и душевного равновесия.

«Мы с вами не должны жить в ожидании того, что счастье наступит в некий день, когда мы добьемся некой цели или получим некую вещь. Счастье доступно нам каждую минуту нашей жизни, но для этого мы должны жить в гармонии – духовной, ментальной, эмоциональной и физической» [2].

Все сферы реализации молодежи, какими бы успешными и благоприятными они не являлись, будут практически бесполезны без активного желания самой молодежи развиваться. Самореализация практически невозможна без саморазвития. Нужна непрестанная работа над собой. Саморазвитие подразумевает под собой очищение от негатива и ненужных качеств и эмоции, а также формирование и раскрытие положительных качеств натуры индивида. Другими словами, это стремление стать лучше. Изменение себя - один из наиболее эффективных путей достижения процветания в будущем. Изменение мышления и коррекция своих качеств ведут к кардинальным переменам в жизни человека. Нужно только сильное желание и упорство в достижении поставленной цели.

Можно рассмотреть 10 идей для эффективного начала саморазвития. «Жизнь – это процесс постоянного выбора. В каждый момент человек имеет выбор: или отступление, или продвижение к цели. Либо движение к еще большим боязни, страхам, защите, либо выбор цели и рост духовных сил. Выбрать развитие вместо страха раз десять в день – значит десять раз продвинуться к самореализации» [3].

После того, как были рассмотрены сферы реализации молодежи, не лишним будет и узнать основные методы саморазвития личности. Эта небольшая подборка советов подскажет вам хотя бы с какой стороны подступиться к работе по улучшению себя.

1. Ревизия мыслей. Прежде всего, необходимо полностью упорядочить свои мысли, разложить все по полочкам. Осознать, для чего нужно саморазвитие.

2. Планирование, планирование и еще раз планирование! Составление различных списков и планов – это отнюдь не пустая трата времени, а важный шаг к достижению успеха. Визуализируя, вы приближаетесь к успеху. Фиксируясь на бумаге, ваши цели и желания приобретают реальные очертания и формы, а также служат вам напоминанием, ведь всей информации в голове не удержишь, всегда что-то да затеряется в потоке сознания.

3. Выход из зоны комфорта. Когда человек чувствует себя «в своей тарелке», в этом нет ничего страшного. Кроме того, что нежелание менять свои привычные устои и обыденный жизненный уклад крайне затрудняет развитие личности, перетекая в деградацию. За пределами доброй и уютной зоной комфорта находиться, так

называемая, зона риска. Пребывание в этой зоне как раз-таки и есть залогом саморазвития. Именно за пределами зоны комфорта есть возможность найти для себя абсолютно новую информацию, попасть в ситуации, которые помогут раскрыть новые свойства и черты характера личности. Даже стрессовые ситуации тоже оказывают положительное влияние для развития личность – закаляется характер, приобретается опыт, появляется пример необходимых действий, которые надо применить, чтобы решить, собственно, такую ситуацию. «Через 20 лет вы будете больше разочарованы теми вещами, которые вы не делали. Чем теми, что вы делали. Так что отчальте от тихой пристани, почувствуйте попутный ветер в вашем парусе! Двигайтесь вперед! Мечтайте! Открывайте» [5].

4. Выбор направления. Невозможно все в мире знать и уметь. Не нужно хвататься за все и сразу. Многозадачность – не есть залогом успешного саморазвития, скорее даже наоборот. Ведь если пытаться охватить несколько отраслей для развития, то объем информации будет слишком велик.

5. Позитивный настрой. Саморазвитие предполагает полную смену мышления личности. Во-первых, необходимо настроить себя постоянно думать в позитивном ключе. Ведь негативные мысли как магнитом притягивают неприятности. Во-вторых, научитесь встречать каждый новый день улыбкой и радоваться мелочам. Позитивно настроенному человеку легче преодолевать трудности, заводить приятные и полезные знакомства. Откройте свои объятия миру и вы увидите, как мир начнет раскрываться вам навстречу.

6. Медитация. Термин «саморазвитие» идет рука об руку с самопознанием. Это и логично, ведь как человек будет знать о том, в какой области и какими путями лучше развиваться, если не сможет осознать собственное «Я», принять себя и полюбить.

7. Лени - бой! Такой страшный зверь, как лень – худший враг, которым только может обзавестись человек. Когда вы, собравшись почитать книгу в сквере или пойти в бассейн, вдруг услышите мурчащий голосок лени, советующий вам остаться дома под одеялом и отложить все дела на потом, то встряхните головой и гоните прочь свою лень, искорените ее навсегда.

8. Прокачка интеллекта. Почему-то многие думают, что для саморазвития очень полезно закалять свое тело, правильно питаться и качать пресс. Да, здоровый образ жизни тоже крайне важен, но не стоит забывать и об интеллекте. Умный человек не может быть некрасивым или неприятным в общении, к интеллектуально подкованным людям всегда стремятся другие люди, ведь общение с ними приятно и информативно.

9. Смена окружения. Это не означает, что в принудительном порядке необходимо разорвать все контакты со старыми добрыми друзьями, которые не являются успешными бизнесменами и директорами концернов. Окружите себя отзывчивыми, умными, порядочными людьми, которые обладают позитивным мышлением, и

незаметно для себя вы увидите, что тоже становитесь таким. Во время общения, помимо вербального обмена информацией, также будет происходить обмен энергией. Вы, наверное, и сами замечали, как общение с теми или иными людьми способно задать тон всему дальнейшему дню. Кто-то способен испортить настроение, тем самым снизив вашу работоспособность, а кто-то может пробудить активность, а также желание творить и созидать. Так что пересмотрите внимательно свое окружение, ведь это один из методов успешного саморазвития [6].

10. Неудачи - бонус саморазвития. Не стоит бояться потерпеть неудачу. Путь саморазвития – это ухабистая дорога взлетов и падений. Все, что пошло не по плану, необходимо расценивать как бесценный опыт. И отбрасывать все негативные эмоции и воспоминания, связанные с неудачами.

Исследование уровня образования, необходимых для работы навыков, уровня предпринимательского потенциала молодежи. Как молодежь Кыргызстана оценивает уровень образования в городе, какие навыки нужнее на работе – Hard-skills или Soft-skills, и что нужно сделать власти, чтобы повысить уровень предпринимательского потенциала молодежи – ответы на эти и многие другие вопросы были получены в ходе исследования. Опрос завершен 16.03. 2024г.в городе Ош [7].

Рис.1 Как молодежь Кыргызстана оценивает уровень образования

Помните, что никогда не поздно стать лучше, всегда можно найти сферы реализации молодежи, получить возможность реализовать свой потенциал. Главное – верить в себя и не останавливаться на пути к самоусовершенствованию.

В конце своей статье предлагаю вашему вниманию книжные новинки и избранные издания, которые составляют как решить проблемы молодежи. Знакомство с этими книгами позволит лучше сориентироваться в книжном потоке по данной проблематике. У вас есть возможность подробнее изучить отдельные издания [8].

А также в обществе молодые люди играют важную роль. Они являются новым поколением, которое закладывает основы политического курса, делает вклад в экономическое развитие, формирует общественное мнение. В молодом возрасте, как правило, осваиваются новые роли: работник, студент, семьянин, участник политической жизни. А какие ценности у молодежи? Таким образом, ценности современной молодежи, в основном, сосредоточены вокруг таких ценностей как: любовь, здоровье, материально обеспеченная жизнь, наличие хороших и верных друзей, служебный и профессиональный рост, карьера, активная деятельная жизнь.

References

1. Книга «Жизнь без границ» автор @Ник Вуйчич.
2. Двигайтесь вперед открываете возможности @Марк Твейн.
3. «Социокультурные проблемы молодежи» Учебник Э.А Орлова. А
4. Молодежь о культурном пространстве. Книга «Самореализация жизнедеятельности» автор Ю.А.Зубов , В.И.Чупров.
5. Калинкина М.Ю. Инновации и приоритеты государственной молодежной политики в «Молодежь и будущая».
6. Способ *развития* системы управления *молодежной* политикой / А.В. Белоусов // Вестник современных исследований. — 2018 г.
7. Викторова А.С., Свертков И.А. Социальные сети и *молодежь*// Территория науки. 2013. № 3. 5-8 с.
8. Чупров В. И. *Социальное развитие молодежи*. Психология развития. Избранные работы / Л. С. Выготский. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 281 с.

URBAN PLANNING AND DEVELOPMENT

UDC 352.005

Kulikova Y.O., Kulikova E.S. Preservation and development of human potential in the city of Ekaterinburg: analysis of municipal practices and strategic constraints

Сохранение и развитие человеческого потенциала в городе Екатеринбурге: анализ муниципальных практик и стратегических ограничений

Kulikova Yulia Olegovna,

Master's student, Department of Public and Municipal Administration, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Kulikova Elena Sergeevna,

Doctor of Economics, Professor of the Department of Public and Municipal Administration, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Куликова Юлия Олеговна,
магистрант кафедры государственного и муниципального управления, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия

Куликова Елена Сергеевна,

доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия

Abstract. *Large industrial cities act as key centers of human potential, yet they face demographic, ecological and institutional challenges that limit its development. The article examines the preservation and development of human potential in the city of Yekaterinburg based on an analysis of municipal practices and strategic constraints. The concept of "urban human potential" is specified to include demographic trends, educational attainment, professional and qualification structure, health status, and the quality of the urban environment and infrastructure. The role of strategic planning, the "smart city" concept, the municipal education system, human resource provision, and infrastructure projects in shaping favorable conditions for the reproduction of human potential is discussed. The main part contains a table that structures key municipal practices in Yekaterinburg (strategic planning, development of the urban environment and infrastructure, reforms in education, management of intra-agglomeration linkages) and the corresponding strategic constraints. The analysis shows that, despite comprehensive strategic documents and large-scale infrastructure initiatives, there remain limitations related to demographic trends, spatial inequalities in the urban environment, uneven human resource provision, and institutional fragmentation. The article substantiates the need to strengthen integration between municipal strategies, develop mechanisms of interdepartmental and intra-agglomeration coordination, and expand the participation of urban communities in defining priorities for human potential development policy.*

Keywords: *human potential, Yekaterinburg, municipal practices, strategic planning, smart city, urban environment, strategic constraints*

Аннотация. *Крупные индустриальные города выступают ключевыми центрами концентрации человеческого потенциала, однако сталкиваются с демографическими, экологическими и институциональными вызовами, ограничивающими его развитие. В статье рассматриваются особенности сохранения и развития человеческого потенциала в городе Екатеринбурге на основе анализа муниципальных практик и стратегических ограничений. Уточняется содержание понятия «человеческий потенциал города», включающего демографическую динамику, уровень образования, профессионально-квалификационную структуру, состояние здоровья, качество городской среды и инфраструктуры. Раскрывается роль стратегического планирования, концепции «умного*

города», муниципальной системы образования, кадрового обеспечения и инфраструктурных проектов для формирования благоприятных условий воспроизводства человеческого потенциала. В основной части представлена таблица, структурирующая ключевые муниципальные практики Екатеринбурга (стратегическое планирование, развитие городской среды и инфраструктуры, реформирование системы образования, управление агломерационными связями) и соответствующие им стратегические ограничения. Показано, что, несмотря на наличие комплексных стратегических документов и крупных инфраструктурных инициатив, сохраняются ограничения, связанные с демографическими тенденциями, диспропорциями в развитии городской среды, неоднородностью кадрового обеспечения и институциональной фрагментацией. Обосновывается необходимость усиления интеграции муниципальных стратегий, развития механизмов межведомственного и внутриагломерационного взаимодействия, а также расширения участия городских сообществ в определении приоритетов политики развития человеческого потенциала.

***Ключевые слова:** человеческий потенциал, город Екатеринбург, муниципальные практики, стратегическое планирование, умный город, городская среда, стратегические ограничения*

Рецензент: Тимчук Оксана Григорьевна – к.э.н., доцент кафедры «Экономики и цифровых бизнес-технологий». Иркутский национальный исследовательский технический университет

Введение

Человеческий потенциал крупного города является одновременно результатом и предпосылкой его устойчивого развития. В условиях нарастающей межтерриториальной конкуренции именно способность города удерживать и привлекать население с высоким уровнем образования, квалификации и инновационной активности во многом определяет траекторию социально-экономического роста, качество городской среды и место территории в национальном и глобальном пространстве. Для индустриальных центров, к числу которых относится Екатеринбург, эта задача усложняется необходимостью одновременной модернизации производственной базы, трансформации рынка труда и переосмысления городской инфраструктуры. Под человеческим потенциалом города целесообразно понимать совокупность качественных характеристик населения и кадровых ресурсов, включающую демографическую структуру, образовательный уровень, профессионально-квалификационный профиль, состояние здоровья, адаптивность к технологическим и институциональным изменениям, а также готовность к участию в жизни городского сообщества. В отличие от регионального уровня, где акцент делается на межмуниципальных диспропорциях, на уровне города возникают специфические вызовы: внутренняя пространственная поляризация, неоднородность качества городской среды, концентрация экологических и инфраструктурных рисков.

Екатеринбург как крупнейший центр Уральской макроагломерации обладает значительным человеческим потенциалом, сформированным промышленной, научно-образовательной и культурной базой. Вместе с тем город сталкивается с комплексом ограничений, связанных с демографическими тенденциями, старением части

жилищного и инженерного фонда, неравномерностью развития территорий, напряжённостью транспортной инфраструктуры и эколого-инженерными проблемами. Эти факторы отражаются на условиях воспроизводства человеческого потенциала, влияя на привлекательность города для различных социальных и профессиональных групп.

Муниципальная политика в сфере сохранения и развития человеческого потенциала реализуется через систему стратегических документов, программ социально-экономического развития, отраслевых стратегий (в том числе в образовании, здравоохранении, городской среде), а также через конкретные инфраструктурные и организационные проекты. При этом качество институционального дизайна, согласованность целей и механизмов, наличие кадровых и финансовых ресурсов определяют, в какой мере реализуемые практики действительно способствуют укреплению человеческого потенциала, а не сводятся к решению локальных задач.

Актуальность рассматриваемой темы для Екатеринбурга обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, город одновременно выступает ядром агломерации и объектом федеральных инициатив в сфере устойчивого развития и «умного города», что создаёт новые возможности, но и повышает требования к качеству муниципального управления. Во-вторых, конкуренция с другими крупными центрами за человеческий капитал усиливается на фоне развития цифровых форм занятости и мобильности населения, что снижает «жёсткую» привязку жителей к месту работы. В-третьих, растёт значение инфраструктурной и экологической устойчивости, напрямую влияющей на комфорт и безопасность городской жизни.

Цель статьи заключается в анализе муниципальных практик Екатеринбурга по сохранению и развитию человеческого потенциала и выявлению ключевых стратегических ограничений, препятствующих реализации потенциала города как комфортного и устойчивого места жизни и труда. Для достижения цели предлагается, во-первых, уточнить теоретико-методологические основания анализа человеческого потенциала города; во-вторых, обобщить подходы к оценке человеческого потенциала и стратегическому планированию в крупных городах; в-третьих, структурировать основные муниципальные практики Екатеринбурга и раскрыть их влияние на человеческий потенциал через призму существующих ограничений.

В теоретическом плане понятие человеческого потенциала региона и муниципалитета раскрывается через систему характеристик населения, объединяющих образовательные, профессиональные, демографические и ценностные компоненты. Акцент на эволюции представлений о человеческом потенциале в региональных исследованиях позволяет выделить переход от узкого трактования как совокупности

трудовых ресурсов к более широкому пониманию, включающему качество жизни, здоровье и институциональную среду [2]. Структурный анализ ключевых составляющих человеческого потенциала региона дополняет эту линию, конкретизируя удельный вес образования, профессиональной подготовки, здоровья, культурного и социального капитала [3]. Существенный вклад в разработку методики оценки человеческого потенциала территорий внесён исследованиями, посвящёнными как демографическим перспективам, так и интегральным индикаторам. Демографическая компонента рассматривается как критический фактор долгосрочного развития территории, определяющий количественные и возрастные параметры носителей человеческого потенциала [7], [8]. Параллельно развиваются подходы к теоретическим и практическим аспектам построения комплексных индексов человеческого потенциала региона, основанных на агрегировании статистических показателей и экспертных оценок [9]. Связь человеческого потенциала с инструментами стратегического планирования прослеживается в работах, посвящённых разработке и реализации стратегий социально-экономического развития регионов, где человеческий потенциал трактуется как ключевой целевой ориентир и одновременно ресурс для достижения стратегических целей [5]. На муниципальном уровне эта логика конкретизируется в стратегиях развития муниципальных систем образования, показывающих, как через целевые показатели и программы можно влиять на кадровый потенциал и образовательные результаты [6].

Особое значение для Екатеринбурга имеют исследования стратегического планирования развития крупных городов и международной стандартизации, где подчёркивается необходимость интеграции локальных стратегий с глобальными повестками устойчивого развития и качества городской среды [4]. В этой же плоскости рассматриваются работы, анализирующие выбор стратегии создания «умного города» на основе мирового опыта применительно к Екатеринбургу, где цифровые решения и новые модели управления связываются с улучшением условий жизни и развитием человеческого потенциала [13]. Муниципальный и региональный контекст развития Екатеринбурга раскрывается в исследованиях стратегической роли города в системе внутриагломерационных связей, акцентирующих значение агломерационного каркаса для перераспределения функций, населения и ресурсов [10]. Анализ социально-экономического развития Свердловской области позволяет соотнести показатели города с региональными трендами, включая динамику демографии, занятости и доходов [11].

Важную роль в осмыслении устойчивого городского развития играют работы по сравнительному анализу экологических инициатив индустриальных городов, в которых

рассматриваются практики управления городской средой, влияющие на здоровье населения и качество жизни, в том числе на примере Екатеринбурга [1]. На уровне конкретных инфраструктурных решений человеческий потенциал связывается с безопасностью и комфортом городской среды, что демонстрируют исследования по управлению ливневой канализацией и инженерной инфраструктурой в кейсах Екатеринбурга [14]. Отдельные исследования подчёркивают, что перспективы развития человеческого потенциала территорий неразрывно связаны с долгосрочной демографической динамикой, миграционными процессами и внутренней структурой населения [7], [8], а также с качеством кадрового обеспечения реализации стратегий устойчивого развития, включая управленческие и инженерные компетенции [12]. В совокупности указанные работы формируют методологический фундамент для анализа муниципальных практик Екатеринбурга в сфере сохранения и развития человеческого потенциала и позволяют интерпретировать городские стратегии и проекты через призму их влияния на ключевые параметры человеческого потенциала.

Результаты и обсуждения

Человеческий потенциал Екатеринбурга формируется под воздействием нескольких взаимосвязанных факторов. Во-первых, это промышленно-инновационная специализация города, обеспечивающая наличие высококвалифицированных кадров в машиностроении, металлургии, строительстве, ИКТ и сфере услуг. Во-вторых, значимым фактором выступает развитая система высшего и среднего профессионального образования, концентрирующая студентов из других территорий и создающая резерв для воспроизводства городского кадрового потенциала. В-третьих, важную роль играет положение Екатеринбурга как ядра крупной агломерации, привлекающего трудовые ресурсы из прилегающих муниципалитетов и формирующего сложную систему маятниковой миграции. Однако данные преимущества сопровождаются проблемами, характерными для индустриальных городов. Это экологические нагрузки, обусловленные исторической структурой производства и транспортной системой; неоднородность качества городской среды между центральными и периферийными районами; различия в доступе к образованию, услугам здравоохранения и культурной инфраструктуре. Указанные факторы непосредственно влияют на здоровье, образовательные и миграционные установки населения, определяя, в какой мере город способен удерживать и развивать человеческий потенциал.

Стратегическая повестка Екатеринбурга последних лет включает переход к моделям устойчивого и «умного» города, развитие зелёной инфраструктуры, модернизацию инженерных систем, совершенствование транспортного каркаса и цифровизацию управления. Эти направления в той или иной степени нацелены на

улучшение качества жизни и снижение рисков, влияющих на человеческий потенциал. Вместе с тем возникает вопрос, насколько реализуемые практики и проекты институционально увязаны с задачами развития человеческого потенциала и каковы ключевые ограничения на этом пути.

Для анализа влияния муниципальной политики Екатеринбурга на сохранение и развитие человеческого потенциала важно перейти от общих характеристик к структурированию конкретных практик и связанных с ними ограничений. Муниципальные практики в данной сфере проявляются в нескольких плоскостях (таблица 1).

Таблица 1

Муниципальные практики Екатеринбурга в сфере человеческого потенциала и стратегические ограничения

Муниципальная практика	Институциональная основа	Ожидаемый эффект для человеческого потенциала	Ключевые стратегические ограничения
Стратегическое планирование устойчивого и «умного» города	Стратегии развития, программы «умный город», стандарты устойчивого развития	Формирование долгосрочного видения, приоритизация проектов, улучшение качества городской среды	Фрагментарность реализации, несогласованность отраслевых документов, дефицит данных для оценки результатов
Развитие городской среды и инженерной инфраструктуры	Муниципальные программы благоустройства, экологические и инфраструктурные проекты	Повышение комфортности и безопасности среды, снижение экологических и инфраструктурных рисков	Недостаток инвестиций, неоднородность качества среды по районам, высокая изношенность части инфраструктуры
Развитие муниципальной системы образования и кадрового обеспечения	Программы развития образования, кадровая политика, партнёрства с вузами и работодателями	Рост образовательного уровня населения, укрепление кадрового потенциала, развитие компетенций	Неравномерность ресурсного обеспечения, кадровый дефицит в отдельных сегментах, несоответствие компетенций запросам экономики
Управление агломерационными связями и демографическими процессами	Документы агломерационного развития, региональные и муниципальные программы демографической политики	Сбалансированное распределение функций и занятости, удержание населения, снижение маятниковой нагрузки	Ограниченная координация с соседними муниципалитетами, конкуренция за ресурсы, риск усиления пространальной поляризации

Анализ представленных в таблице муниципальных практик позволяет выявить ряд ключевых закономерностей, определяющих влияние политики Екатеринбурга на человеческий потенциал. Во-первых, практика стратегического планирования

устойчивого и «умного» города создаёт рамку для интеграции различных отраслевых инициатив, однако на уровне реализации часто проявляется фрагментарность. Стратегические документы фиксируют приоритеты в области качества городской среды, цифровой трансформации и развития инфраструктуры, но отраслевые программы не всегда синхронизированы по срокам, ресурсам и индикаторам. Это ограничивает возможности целостной оценки влияния реализуемых проектов на человеческий потенциал и затрудняет корректировку политики.

Во-вторых, развитие городской среды и инженерной инфраструктуры непосредственно связано с условиями сохранения здоровья населения, безопасностью и комфортом проживания. Инфраструктурные проекты в сфере ливневой канализации, транспортной системы, экологической модернизации и благоустройства общественных пространств создают основу для снижения рисков и улучшения качества жизни. Вместе с тем высокая изношенность части инженерной инфраструктуры, потребность в значительных инвестициях и неоднородность качества среды между районами города приводят к тому, что положительные эффекты распределяются неравномерно, усиливая внутригородские различия в условиях воспроизводства человеческого потенциала.

В-третьих, развитие муниципальной системы образования и кадрового обеспечения выступает ключевым фактором долгосрочного развития человеческого потенциала. Наличие широкого спектра образовательных учреждений, программ дополнительного образования и партнёрств с университетами и работодателями создаёт возможности для формирования востребованных компетенций. Однако сохраняются проблемы неравномерности ресурсного обеспечения образовательных учреждений, кадрового дефицита в отдельных сегментах (например, в STEM-направлениях и в социальной сфере), а также несовпадения структуры подготовленных кадров и запросов городской экономики. Это приводит к частичной утечке человеческого потенциала, когда наиболее мобильные выпускники реализуют себя в других городах или странах.

В совокупности выявленные ограничения указывают на необходимость усиления интеграции стратегического планирования, выравнивания качества городской среды, развития комплексной кадровой политики и построения устойчивых механизмов агломерационного взаимодействия. Без этих шагов муниципальные практики, даже будучи содержательно ориентированными на улучшение условий жизни и труда, не в полной мере реализуют потенциал Екатеринбурга как города, способного не только привлекать, но и системно развивать человеческий потенциал.

Заключение

Проведённый анализ показал, что сохранение и развитие человеческого потенциала в Екатеринбурге определяется не отдельными мероприятиями в сфере образования, социальной политики или благоустройства, а совокупностью муниципальных практик, интегрированных в стратегическую повестку устойчивого городского развития. Человеческий потенциал города формируется на пересечении демографической динамики, качества городской среды, состояния инфраструктуры, уровня развития системы образования и эффективности муниципального управления.

Структурирование практик Екатеринбурга по четырём ключевым направлениям – стратегическое планирование устойчивого и «умного» города, развитие городской среды и инженерной инфраструктуры, модернизация муниципальной системы образования и кадрового обеспечения, управление агломерационными связями и демографическими процессами – позволило выявить как сильные стороны муниципальной политики, так и стратегические ограничения. К сильным сторонам можно отнести наличие комплексных стратегических документов, реализацию масштабных инфраструктурных проектов, развитие образовательного и кадрового потенциала, а также позиционирование Екатеринбурга как важного центра агломерационной системы.

В то же время сохраняется ряд ограничений: фрагментарность реализации стратегий, недостаточная синхронизация отраслевых программ, неоднородность качества городской среды между районами, кадровые дисбалансы и институциональные сложности агломерационного взаимодействия. Эти ограничения снижают эффективность использования человеческого потенциала и создают риски усиления пространственной и социальной поляризации внутри города и агломерации. Для их преодоления необходимо усиление интеграции стратегических документов, развитие межведомственных и межмуниципальных механизмов координации, совершенствование систем мониторинга и оценки влияния муниципальной политики на человеческий потенциал. Важным направлением становится включение городских сообществ, профессиональных и экспертных групп в обсуждение приоритетов и параметров городского развития.

References

1. Ulan, A. Comparative analysis of sustainable urban development in industrial cities: ecological initiatives in Birmingham and Yekaterinburg / A. Ulan, M. Dzhorobaeva, O. Yudina // Municipality: Economics and Management. – 2025. – No. 3(52). – P. 61-67. – EDN KVUPDV.

2. Бескровная, О. В. Человеческий потенциал региона: понятие, эволюция представлений / О. В. Бескровная, Н. А. Чапкина // Russian Economic Bulletin. – 2025. – Т. 8, № 3. – С. 96-102. – EDN LMVAWY.
3. Бондаренко, Н. А. Основные составляющие человеческого потенциала региона / Н. А. Бондаренко // Ученые заметки ТОГУ. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 131-138. – EDN KKIEXD.
4. Горбашко, Е. А. Стратегическое планирование развития крупного города и международная стандартизация: аспекты интеграционного взаимодействия / Е. А. Горбашко, В. С. Чекалин, М. А. Летюхина // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 6-2(144). – С. 16-25. – EDN CFSYHD.
5. Дармаева, Н. И. Развитие человеческого потенциала региона с помощью Стратегии социально-экономического развития региона / Н. И. Дармаева, Р. В. Бадараева // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2025. – № 1. – С. 5-13. – DOI 10.18137/RNU.V9276.25.01.P.005. – EDN VXWGCU.
6. Дворядкина, Е. Б. Стратегия развития муниципальной системы образования (на примере городского округа Рефтинский) / Е. Б. Дворядкина, Д. С. Миронов, О. В. Кукушкина // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2022. – Т. 3, № 10(130). – С. 115-126. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2022.10.03.013. – EDN LXDHMA.
7. Плутова, М. И. Перспективы развития человеческого потенциала территорий: демографическая компонента / М. И. Плутова // Human Progress. – 2021. – Т. 7, № 4. – С. 9. – DOI 10.34709/IM.174.9. – EDN HDGBLK.
8. Плутова, М. И. Перспективы развития человеческого потенциала территорий: демографическая компонента / М. И. Плутова // Human Progress. – 2021. – Т. 7, № 4. – С. 9. – DOI 10.34709/IM.174.9. – EDN HDGBLK.
9. Протасов, В. В. Теоретические и практические аспекты оценки человеческого потенциала региона / В. В. Протасов, И. П. Бойко // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. – 2024. – № 11(89). – С. 89-97. – EDN CLVWYQ.
10. Прядеин, А. А. Стратегия Екатеринбурга в системе внутриагломерационных связей / А. А. Прядеин, Н. В. Казакова // Муниципалитет: экономика и управление. – 2023. – № 2(43). – С. 25-30. – DOI 10.22394/2304-3385-2023-2-25-30. – EDN CIIAXC.
11. Сулимин, В. В. Социально-экономическое развитие Свердловской области: анализ показателей / В. В. Сулимин, В. В. Шведов // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 3(53). – С. 340-345. – EDN FVLKKG.

12. Четверикова, Н. А. Анализ кадрового обеспечения как фактора реализации стратегии устойчивого развития территории / Н. А. Четверикова // Актуальные вопросы современной экономики. – 2024. – № 12. – С. 352-364. – DOI 10.34755/IROK.2024.50.10.006. – EDN XFATJM.

13. Шалина, Д. С. Выбор стратегии создания Умного города на основе мирового опыта: Екатеринбург / Д. С. Шалина // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2023. – № 2(57). – С. 33-38. – DOI 10.25628/UNIIP.2023.57.2.006. – EDN VHDKLO.

14. Юровицкий, В. В. Люди дождя: решение вопросов содержания и развития городской ливневой канализации. Кейсы Екатеринбурга / В. В. Юровицкий, В. В. Берсенев, В. Н. Белимов // Муниципалитет: экономика и управление. – 2021. – № 3(36). – С. 16-22. – DOI 10.22394/2304-3385-2021-3-16-22. – EDN TZMXHX.

CONCLUSION

Issue No. 2(1) of the International Journal of Professional Science demonstrates a unifying theme across diverse disciplines: professional systems are currently evolving at the intersection of digital technologies, risk management, evidence-based approaches, and a focus on human capital. Media research demonstrates that the transformation of genres and formats is determined by platform logic and changing audience behavior; economic and managerial studies confirm that organizational resilience depends on the accuracy of planning, the effectiveness of operating models, and the ability to adapt to uncertainty; articles on education offer tools for improving the quality of specialist training in an intercultural and technological environment.

The medical and ethical section emphasizes the need for preventive measures and systematic health monitoring of students as future professionals, as well as the importance of institutional mechanisms for sanitary and epidemiological surveillance. Legal studies document the increasing complexity of the regulatory landscape: from traditional contractual structures in construction to new regulatory frameworks in the digital economy. Psychological materials emphasize that productivity and professional suitability depend not only on competencies but also on behavioral and emotional factors, requiring accurate diagnosis and support.

Review and socially oriented works lead the reader to a key conclusion: the development of technologies and management practices must be accompanied by the development of a culture of argumentation, the expansion of opportunities for youth self-realization, and the preservation of human potential at the city level. It is the alignment of these levels—individual, organizational, and institutional—that forms the basis for sustainable progress.

The editors thank the authors for their contribution to the issue's interdisciplinary agenda and invite readers to further scientific discussion, the exchange of empirical data, and practical cases within the journal.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

Electronic scientific editions

International journal of Professional Science

international scientific journal
№2(1)/2026

Please address for questions and comments for publication as well as suggestions
for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Format 60x84/16. Conventional printed
sheets 12,3
Circulation 100 copies
Scientific public organization
“Professional science”